

РОССИЙСКАЯ ЭКОНОМИКА: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

О. А. Пятаева

Показатели оценки состояния трансфера технологий в Российской Федерации 5

Ю. В. Дворянкина

Проблемы управления интеллектуальной собственностью в условиях международной производственно-технологической кооперации как инструмента модернизации национальной экономики 14

ПРОМЫШЛЕННАЯ СОБСТВЕННОСТЬ

Д. К. Пичугина

Особенности правового регулирования географического указания по гражданскому законодательству Российской Федерации 22

И. И. Истомина

Существует ли система глобальной патентной охраны для изобретений? 27

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

С. Н. Гаврюшкин

Как защитить свои исключительные права на перспективу 33

АВТОРСКОЕ ПРАВО

Т. Т. Алиев

Современное искусство как объект авторского права: стрит-арт 46

Р. И. Ахобекова

Предмет правовой охраны программ для электронно-вычислительных машин 55

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ И ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ

Е. Г. Воротилина

Искусственный интеллект в сфере интеллектуальной собственности 61

УПРАВЛЕНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТЬЮ

Л. М. Войтова

Цифровая трансформация и инновационные процессы в музыкальной индустрии 68

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

А. А. Залесова

Защита от косвенного нарушения патента: регулирование маркировки лекарственных средств в праве Европейского союза 78

П. Н. Бирюков

Новые правила Евросоюза об авторском праве и смежных правах в цифровую эпоху 88

ДИСКУССИИ

М. А. Конопленко

Идея как объект интеллектуального права 99

Б. Б. Леонтьев

Как фиксировать идеи и развивать творческую активность 108

НАУЧНАЯ ШКОЛА

А. И. Москаленко

Понятие и принципы регистрации объектов авторского права в условиях цифровизации 113

Ю. М. Боднарук

Возможность охраны программы для электронно-вычислительной машины (ее составных частей) патентным правом 118

SUMMARY

127

Учредители

Российская государственная академия интеллектуальной собственности, Российское Авторское Общество

Редакционный совет

А. О. Аракелова; Б. М. Борисов (г. София, Республика Болгария); Ю. Л. Бошицкий (г. Киев, Украина);
А. В. Данилов-Данильян; И. А. Дроздов; Г. П. Ивлиев; Б. Б. Леонтьев; Н. З. Мазур; М. Массаро (г. Турин, Италия);
К. С. Мауленов (г. Алматы, Казахстан); В. Н. Синельникова; Р. И. Ситдикова; С. А. Страдная (г. Рига, Латвия);
С. Я. Тлевлесова; М. А. Федотов

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-45608

Адрес редакции

Москва, 117279, ул. Миклухо-Маклая, д. 55а. Тел.: (499) 743-01-64 доб. 176 <http://journal.rgiis.ru>, e-mail: journal@rgiis.ru

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук ВАК при Минобрнауки РФ с 28.12.2018 (специальности: 12.00.03, 08.00.05)

Редакционная коллегия

Т. Т. Алиев; О. В. Видякина; А. Т. Волков; И. В. Дойников;
М. И. Евдокимова; А. В. Ермаков; Е. О. Китаева;
Е. В. Королёва; А. Ю. Ларин; В. И. Мухомад; С. Г. Павлович;
В. П. Павлов; В. С. Савина; А. Г. Серго; В. Р. Смирнова;
Л. Н. Устинова

COPYRIGHT

2/2021

RUSSIAN ECONOMY: STATE AND DEVELOPMENT PROSPECTS

O. A. Pyataeva

Analysis of the status of technology transfer to the Russian Federation 5

Y. V. Dvoryankina

Current problems of intellectual property management in the implementation of international industrial cooperation on the basis of intellectual property as a tool of modernization of national economy 14

INDUSTRIAL PROPERTY

D. K. Pichugina

Features of the legal regulation of geographical indications under Russian civil law 22

I. I. Istomin

Is there a global patent protection system? 27

JUDICIAL PRACTICE

S. N. Gavryushkin

How to defend your exclusive rights for the future 33

COPYRIGHT

T. T. Aliev

Contemporary art as an object of copyright: street art 46

R. A. Akhobekova

The subject of legal protection of programs for electronic computers 55

INTELLECTUAL PROPERTY AND INNOVATIVE DEVELOPMENT

E. G. Vorotilina

Artificial Intelligence in the field of intellectual property 61

INTELLECTUAL PROPERTY MANAGEMENT

L. M. Voitova

Digital transformation and innovation processes in music industry 68

INTERNATIONAL LAW

A. A. Zalesova

Protection against indirect patent infringement: regulation of drug labeling in European Union law 78

P. N. Biriukov

New EU rules on copyright and related rights in the digital age 88

DISCUSSIONS

M. A. Konoplenko

Idea as an object of intellectual property 99

B. B. Leontiev

How to capture ideas and develop your creativity 108

SCIENTIFIC SCHOOL

A. I. Moskalenko

The concept and principles of intellectual property registration in the context of its digitalization 113

Y. M. Bodnaruk

Possibility of protecting a program for an electronic computer (its components) by patent law 118

SUMMARY

127

Founding group

The Russian State Academy of Intellectual Property, Russian Authors Society

Editorial Board

A. O. Arakelova; B. M. Borisov (Sofia, Republic of Bulgaria); Y. L. Boshitskiy (Kiev, Ukraine); A. V. Danilov-Danilyan; I. A. Drozdov; G. P. Ivliev; B. B. Leontev; N. Z. Mazur; M. Massaro (Turin, Italy); K. S. Maulenov (Almaty, Kazakhstan); V. N. Sinelnikova; R. I. Sitdikova; S. A. Stradinya (Riga, Latvia); S. Y. Tlevlesova; M. A. Fedotov

Certificate of registration of mass media ПИ № ФС77-45608

Address of editorial office

h.55a, Miklukho-Maklaya st., 117279 Moscow, Tel.: (499) 743-01-64 доб. 176, <http://journal.rgiis.ru>, e-mail: journal@rgiis.ru

The journal is included in the List of peer-reviewed scientific publications, in which the main scientific results of dissertations for the degree of candidate of sciences, for the degree of doctor of sciences of the Higher Attestation Commission under the Ministry of Education and Science of the Russian Federation should be published from 28.12.2018 (12.00.03, 08.00.05)

Editorial Staff

T. T. Aliev; O. V. Vidyakina; A. T. Volkov; I. V. Doinikov; M. I. Evdokimova; A. V. Ermakov; E. O. Kitaeva; E. V. Koroleva; A. Yu. Larin; V. I. Mukhopad; S. G. Pavlikov; V. P. Pavlov; V. S. Savina; A. G. Sergo; V. R. Smirnova; L. N. Ustinova

Состав редакционного совета журнала «Копирайт»

1. Аракелова Александра Олеговна, д.иск., ФГБОУ ВО РГАИС, ректор, главный редактор;
2. Борисов Борислав Михайлович, д.э.н., профессор, директор Института интеллектуальной собственности и лидерства (г. София, Республика Болгария);
3. Бошицкий Юрий Ладиславович, к.э.н., профессор, ректор Киевского университета права НАН Украины (г. Киев, Украина);
4. Данилов-Данильян Антон Викторович, к.э.н., профессор НИУ ВШЭ, действительный государственный советник 1-го класса;
5. Дроздов Игорь Александрович, к.ю.н., Фонд «Сколково», председатель правления;
6. Ивлиев Григорий Петрович, к.ю.н., руководитель Федеральной службы по интеллектуальной собственности (Роспатент);
7. Леонтьев Борис Борисович, д.э.н., профессор, академик РАЕН, генеральный директор ЗАО «Федеральный институт сертификации и оценки интеллектуальной собственности и бизнеса»;
8. Мазур Наталья Зиновьевна, д.э.н., генеральный директор ООО «ВКО-Интеллект»;
9. Массаро Мариэлла, европейский патентный поверенный, магистр европейского права, юридическая фирма Studio Legale Jacobacci & Associati, адвокат и партнер (г. Турин, Италия);
10. Мауленов Касым Сырбаевич, д.ю.н., профессор, Международный университет информационных технологий (г. Алматы, Казахстан);
11. Синельникова Валентина Николаевна, д.ю.н., профессор, НИУ ВШЭ;
12. Ситдикова Роза Иосифовна, д.ю.н., доцент, Казанский федеральный университет;
13. Страдия Светлана Аркадьевна, д.э.н., Балтийская международная академия (г. Рига, Латвия);
14. Тлевлессова Сауле Январбековна, к.ю.н., президент Евразийского патентного ведомства (ЕАПВ) Евразийской патентной организации;
15. Федотов Михаил Александрович, д.ю.н., профессор, член Союза журналистов России.

Состав редакционной коллегии журнала «Копирайт»

1. Алиев Тигран Тигранович, д.ю.н., профессор;
2. Видякина Ольга Валентиновна, к.э.н., доцент;
3. Волков Андрей Тимофеевич, д.э.н., профессор;
4. Дойников Игорь Валентинович, д.ю.н., профессор;
5. Евдокимова Майя Игоревна, к.филос.н.;
6. Ермаков Андрей Вячеславович, к.ю.н., доцент;
7. Китаева Елена Олеговна, к.иск.;
8. Королева Елена Владимировна, д.э.н., доцент;
9. Ларин Александр Юрьевич, к.ю.н., доцент;
10. Мухопад Владимир Иванович, д.э.н., профессор;
11. Павликов Сергей Герасимович, д.ю.н., профессор;
12. Павлов Владимир Павлович, д.ю.н., профессор;
13. Савина Виктория Сергеевна, д.ю.н., доцент;
14. Серго Антон Геннадьевич, д.ю.н., профессор;
15. Смирнова Вероника Ремовна, д.э.н., доцент;
16. Устинова Лилия Николаевна, д.э.н., профессор.

РОССИЙСКАЯ ЭКОНОМИКА: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

*О. А. Пятаева,
кандидат экономических наук,
заведующая кафедрой МЭиФО
Российской государственной академии
интеллектуальной собственности
(г. Москва, o.pyataeva@rgiis.ru)*

Показатели оценки состояния трансфера технологий в Российской Федерации

Состояние трансфера технологий в стране (в частности, в РФ) может быть оценено в контексте: а) развития институтов трансфера технологий и состояния его инфраструктуры, затем: б) развития и эффективности деятельности субъектов трансфера технологий. В статье рассмотрены основные показатели трансфера технологий, учитываемые в официальных статистических документах, сделаны выводы относительно возможности оценки трансфера технологий с использованием имеющихся показателей. Представлены результаты проведенного в 2020 г. мониторинга российской инновационной инфраструктуры; дана интерпретация полученных показателей.

Ключевые слова: трансфер технологий, стратегия инновационного развития, Роспатент, патентование, инновационная активность.

В целом повышение восприимчивости хозяйствующих субъектов и национальных экономик к инновациям связано в современных экономических условиях с созданием дополнительных возможностей для использования новых знаний, механизмов взаимодействия субъектов экономики, в том числе в сфере создания, распределения и использования инновационных технологий. Стратегическое значение в данном контексте имеет трансфер технологий — механизм, обеспе-

чивающий повышение как качества инновационной инфраструктуры, так и эффективности ее функционирования.

Перечень целевых индикаторов (оценочных показателей) трансфера технологий не установлен в методических рекомендациях и регулируется отдельными локальными нормативными актами. Некоторые показатели трансфера технологий представлены в Стратегии инновационного развития Российской Федерации (далее — Стратегия, РФ)¹, однако, представляется, перечень их необходимо расширить.

В отношении показателей трансфера технологий в настоящее время доступна лишь небольшая часть результатов статистического наблюдения, а именно: 1) доля инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме экспорта; 2) интенсивность затрат на технологические инновации; 3) совокупный уровень инновационной активности организаций (доля организаций, осуществляющих инновации, в общем количестве организаций); 4) количество договоров о торговле лицензиями и об отчуждении прав на патенты, заключенных юридическими лицами (гражданами) РФ, и др. В этой связи различными рабочими группами проводятся исследования в отношении как существующих индикаторов трансфера, так и новых подходов к его оценке.

Одно из таких исследований проводится рабочей группой Российской государственной академии интеллектуальной собственности. В 2020 г. были получены результаты по части заявленных вопросов; все они отражены в соответствующем документе².

Далее в статье будут представлены результаты оценки значений показателей трансфера технологий, которые в настоящее время доступны для расчета и анализа на основании имеющих статистических данных.

Что касается значений представленных показателей инновационного развития РФ за период 2013–2020 гг. [2] (анализ в рамках научно-исследовательской работы проводился на горизонте последних восьми лет), то статистика в этом отношении выглядит неутешительной.

Так, коэффициент изобретательской активности (число отечественных патентных заявок на изобретения, поданных в РФ, в расчете на 10 000 человек населения; индикатор 10 Стратегии) в 2020 г. составил 80% от уровня 2013 г., что говорит о снижении активности участников

¹ Распоряжение Правительства РФ от 08.12.2011 № 2227-р «О Стратегии инновационного развития РФ на период до 2020 года».

² Отчет о научно-исследовательской работе «Трансфер технологий в инновационной экономике (отраслевой подход)». — М.: Российская государственная академия интеллектуальной собственности, 2020.

рынка инновационных товаров и услуг в целом. Указанное делает невозможным процесс трансфера технологий (или, иначе говоря, процесс «передачи прав на РИД и/или материальных носителей, в которых они выражены» [1]) в принципе.

Далее, доля инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме экспорта (индикатор 12 Стратегии) в 2020 г. снизилась на 62% от уровня 2013 г., что свидетельствует о снижении активности участников рынка инновационных товаров и услуг, в частности, по договорам международного трансфера технологий.

Интенсивность затрат на технологические инновации организаций промышленного производства (доля затрат на технологические инновации в общем объеме затрат на производство отгруженных товаров, выполненных работ, услуг; индикатор 13 Стратегии) сократилась за семь лет на 27% и составила 1,6%, что свидетельствует о снижении заинтересованности в реализации инновационных проектов и программ (в том числе участниками трансфера технологий) на рынке.

Доля инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров (индикатор 15 Стратегии) сократилась с 2013 по 2020 г. на 31% и составила 6,1%, что может говорить либо о не востребованности рынком инновационных разработок предприятий, либо о низком их количестве (качестве).

Совокупный уровень инновационной активности организаций промышленного производства (показывает долю организаций промышленного производства, осуществляющих технологические, организационные и (или) маркетинговые инновации, в общем количестве таких организаций; индикатор 18 Стратегии) сократился за рассматриваемый период на 39%. Данный показатель комплексно характеризует все наблюдаемые в экономике и описанные выше тенденции.

В перечень ключевых индикаторов также включены:

- число договоров о торговле лицензиями и об отчуждении прав на патенты, заключенных юридическими лицами (гражданами) РФ;
- количество триадных патентных семей (патентов, ежегодно регистрируемых российскими физическими и юридическими лицами в патентных ведомствах ЕРО, USPTO и JPO);
- сальдо экспорта-импорта технологий.

Статистика по индикаторам в части патентования представлена в отчетах Роспатента и будет проиллюстрирована ниже.

В отношении индикатора «сальдо экспорта-импорта технологий», а также показателей «Разработанные передовые производственные

технологии», «Используемые передовые производственные технологии» (Форма федерального статистического наблюдения № 1 — технология «Сведения о разработке и (или) использовании передовых производственных технологий») необходимо пояснить следующее. Согласно комментарию, представленному Федеральной службой государственной статистики, речь в данном случае идет о «технологиях и технологических процессах (включая необходимое для их реализации оборудование), управляемых с помощью компьютера или основанных на микроэлектронике и используемых при проектировании, производстве или обработке продукции (товаров и услуг) (в соответствии с международными рекомендациями в области статистического измерения науки, технологий и инноваций, Руководство Фраскати, 1993 г.)» [11]. Данное выше определение подразумевает иную трактовку категории «технологии», нежели «передача прав на РИД и/или материальных носителей, в которых они выражены», потому для целей комплексных исследований в этом направлении неприменимо.

Тем не менее интересны сопоставления (различные значения представленных данных) в отношении рассматриваемых «технологий» (в одном и другом значении). Например, динамика показателя «Разработанные передовые производственные технологии» за 2013–2019 гг. демонстрирует рост количества таких технологий — на 13% за рассматриваемый период. В отношении «Используемых передовых производственных технологий» за 2013–2019 гг. также наблюдается рост, на 35%. При этом количество используемых технологий превышает количество разработанных в среднем в 154 раза по совокупности за рассмотренные семь лет (в 2013 г. его значение составляло 135, а в 2019 г. — 164 раза), что свидетельствует об ориентации в большей степени на приобретение технологий, нежели на их разработку (и является, как представляется, косвенным свидетельством того факта, что рынок трансфера может быть достаточно перспективным и емким для его потенциальных участников).

Еще один аспект данного аналитического среза — доля в общем количестве используемых технологий, имеющих различное происхождение (или место их разработки). Так, в 2019 г. доля «технологий, разработанных в отчитывающейся организации», составила 18%, приобретенных в РФ — 52%, приобретенных за рубежом — 30%.

В число разработанных передовых российских производственных технологий по ОКАТО за 2019 г. (общее их количество — 1620 ед.) включены новые для РФ — 1403 (86%), принципиально новые — 217 (13,3%). Число запатентованных производственных технологий соста-

вило 530 (32%) от общего количества, что наглядно свидетельствует о низкой культуре патентования в РФ.

Данные, косвенно характеризующие трансфер технологий, представлены и в аналитических формах Роспатента (№ 4-НТ (перечень) «Сведения об использовании интеллектуальной собственности», которая фактически представляет данные об использовании РИД по федеральным округам РФ в единицах по видам интеллектуальной собственности) в открытом доступе на сайте Федерального института промышленной собственности. Использовать эту форму для анализа трансфера технологий не представляется возможным ввиду ее неинформативности (в то же время форма запрашиваемых у организаций данных включает графы о стоимости технологических решений, эффективности внедрения технологий, что могло бы быть полезным для проведения такого анализа).

В целом по рассмотренным выше формам статистического наблюдения следует отметить: информация, представленная в них, крайне недостаточна для формирования обоснованных выводов в части трансфера технологий. В связи с этим автором статьи предпринимались попытки расширения базы показателей, которые могли бы выступать в роли базовых для анализа и уже учитываются в официальной статистике.

Степень развития механизмов трансфера технологий и его результативность могут быть более наглядно прокомментированы с использованием индикаторов, представленных в ежегодных отчетах Роспатента [3–10]:

- динамика выдачи патентов на изобретения, полезные модели и промышленные образцы;
- динамика регистрации распоряжения исключительным правом на изобретения, полезные модели, промышленные образцы по договору об отчуждении, о предоставлении права использования, о залоге.

Так, что касается динамики выдачи патентов на изобретения (1), полезные модели (2) и промышленные образцы (3): в 2020 г. значение показателя (1) возросло на 7% по отношению к уровню 2013 г., показателя (2) — снизилось на 30%, показателя (3) — возросло на 55%. Совокупный показатель выдачи патентов по трем группам РИД возрос лишь на 1%, что демонстрирует крайне низкий уровень роста патентной активности за счет лишь одной группы РИД.

Наиболее информативным с точки зрения оценки состояния трансфера технологий является показатель количества регистраций распоряжения исключительным правом на изобретения, полезные модели,

промышленные образцы по договору об отчуждении, о предоставлении права использования, о залоге. Наибольшую долю в структуре таких документов (44%) занимают договоры о предоставлении права использования лицензии; 41% — об отчуждении исключительного права, что показывает достаточную активность разработчиков и других участников процесса трансфера технологий (которая, однако, требует поддержки со стороны федеральных, региональных властей).

Что касается распределения количества зарегистрированных договоров по областям техники, то, несмотря на незначительные структурные изменения, количество таких договоров возрастает из года в год. Так, по отраслям в целом в 2019 г. по отношению к 2013 г. прирост составил 4%.

Интересным представляется также соотношение количества зарегистрированных договоров и количества патентов, в отношении которых зарегистрированы договоры. Данные свидетельствуют, что наибольшую долю в общем показателе занимают договоры и патенты на изобретения (62% в общем количестве договоров и 54% — в количестве патентов). Полезные модели занимают 30 и 29% соответственно, промышленные образцы — 8 и 17%.

Таким образом, статистический анализ трансфера технологий позволяет сделать следующие выводы: во-первых, о достаточной востребованности инновационных технологических решений (потенциал рынка); во-вторых, о возрастающей (хотя и небольшими темпами) патентной активности в целом по отраслям экономики РФ.

Однако помимо сбора статистической информации интересным представляется проведение мониторингов, позволяющих выявить реальную картину «на местах». В этой связи в 2020 г. в рамках указанной научно-исследовательской работы было проведено «полевое» исследование (экспертный опрос представителей субъектов экономики о состоянии инфраструктуры трансфера технологий в период 2013–2020 гг.). Были использованы специально разработанные анкеты диагностики полноты выполняемых субъектами трансфера технологий функций, включающие 12 вопросов. Респондентами являлись представители инновационной инфраструктуры, предприниматели, разработчики инновационных идей. Опрос был проведен в онлайн- и офлайн-варианте (респондентам было предложено заполнить анкеты в бумажном либо электронном виде).

К моменту составления промежуточного отчета были опрошены 1000 экспертов; 75% из них являлись реципиентами технологий, 25% — донорами. Для оценки полноты и качества взаимодействия

в поле трансфера технологий респондентам был задан вопрос о каналах обмена информацией в отношении разработанных и использованных технологий. Как показали их ответы, наиболее часто целевой аудиторией исследования используются: информационный обмен в персональных контактах на семинарах, симпозиумах, выставках и проведение совместных исследований и разработок — по 60% ответов. Вариант об организации совместного производства респонденты выбирали в 40% случаев.

Остальные аспекты трансфера технологий (охрана объектов патентного права в РФ и/или за рубежом, передача прав на объекты патентного права и др.) используются респондентами реже (менее чем в 20% случаев по каждому пункту).

Для оценки доли решений, выводимых на рынок, от общего количества разработанных решений респондентам был задан вопрос о конкретном (в среднем за три предшествующих года) проценте таких решений. Как показали ответы респондентов, в среднем эта доля составляет 15%.

Далее, для оценки эффективности трансфера технологий в анкету был включен вопрос о том, получена ли в какой-либо период времени прибыль от передачи прав на интеллектуальную собственность либо материальных носителей. На этот вопрос дали отрицательный ответ 85% участников, что позволяет заключить, что финансовую заинтересованность в организации процессов трансфера технологий имеет лишь каждый шестой разработчик.

Для оценки потенциала патентования инновационных разработок респондентам был задан вопрос о том, каково в среднем для представляемой организации соотношение запатентованных и незапатентованных технических решений. По итогам полученных ответов было выявлено, что этот показатель в среднем составляет 50%, это позволяет сделать вывод об инновационной активности участников процесса трансфера технологий.

С целью определения направлений, которые участники процесса трансфера технологий считают приоритетными для повышения его эффективности, был задан соответствующий вопрос. Ответы приведены по степени снижения доли эффективности респондентом:

1. Повышение доступности финансовой поддержки с использованием банковских структур.
2. Проведение отраслевых конференций, выставок, коворкингов и пр.
3. Государственная поддержка.

4. Привлечение инвестиций.
5. Повышение количества грантов, целевых программ и пр.
6. Консультационная поддержка сторонних организаций (по организации учета, составлению договоров, разработке каналов продвижения и пр.).
7. Координация деятельности (наличие инновационных сетей, выхода на зарубежные сети и пр.).

Для оценки доступности информации о технологических решениях и разработках (для владельцев и приобретателей технологий) был задан соответствующий вопрос; доступной информацией сочли лишь 60% респондентов, что позволяет сделать вывод о высокой значимости данного фактора.

С целью организации эффективной и корректной работы механизмов трансфера технологий в РФ, по мнению опрошенных, необходимо реализовывать механизмы государственной поддержки и осуществлять привлечение инвестиций (по 60% ответов).

В целом, отвечая на вопрос о степени развития системы трансфера технологий в РФ, 100% респондентов охарактеризовали ее как неэффективную, а в части предложений по ее совершенствованию были названы: развитие механизмов государственно-частного партнерства, совершенствование законодательных основ использования технологий (прав на РИД и материальных носителей, в которых они выражены) и разграничение полномочий в части организации механизмов трансфера технологий и обеспечения деятельности его субъектов, разработка алгоритма (бизнес-модели) организации деятельности субъектов, совершенствование системы подготовки кадров в части интеллектуальной собственности и трансфера технологий.

По итогам анализа состояния трансфера технологий, таким образом, очевиден вывод: количество предприятий из научной и практической сферы, занимающихся их трансфером в реальный сектор экономики, несоизмеримо с аналогичным за рубежом; не наблюдается и ярко выраженной положительной динамики численности таких предприятий в РФ.

Существующее положение дел объясняется тем, что в процессе трансфера технологий возникают барьеры, препятствующие эффективной работе центров трансфера технологий, а именно: 1) отсутствие взаимосвязи между разработчиками инновационных продуктов (вузами, научными организациями) и бизнес-сектором; мониторинг потребностей рынка не осуществляется; оценка возможностей проведения научных исследований с последующей коммерциализацией

также не ведется; 2) неготовность инновационных разработок к выходу на рынок, слабая экономическая составляющая, отсутствие инновационной инфраструктуры; 3) слабая активность разработчиков в патентовании своих изобретений, что снижает прибыль от разработки РИД; 4) дефицит инициатив и слабая подготовка научно-исследовательских кадров при принятии решений о коммерциализации РИД и об их передаче в реальный сектор экономики.

Библиография

1. *Мухамедшин И. С., Войтенко М. Н.* «Трансфер технологий» в переводе на русский язык // Патенты и лицензии. — 2020. — № 10. — С. 62–67.
2. Российский статистический ежегодник. 2020: стат. сборник Росстата. — М., 2020.
3. Роспатент. Годовой отчет. 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://rospatent.gov.ru/content/uploadfiles/otchet-2020-ru.pdf> (дата обращения: 06.03.2021).
4. Роспатент. Годовой отчет. 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://rospatent.gov.ru/content/uploadfiles/otchet-2019-ru.pdf> (дата обращения: 06.03.2021).
5. Роспатент. Годовой отчет. 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://rospatent.gov.ru/content/uploadfiles/otchet-2019-ru.pdf> (дата обращения: 06.03.2021).
6. Роспатент. Годовой отчет. 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://rospatent.gov.ru/ru/pdfdocuments/2#book/> (дата обращения: 06.03.2021).
7. Роспатент. Годовой отчет. 2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://rospatent.gov.ru/ru/about/reports/report-2016> (дата обращения: 06.03.2021).
8. Роспатент. Годовой отчет. 2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://rospatent.gov.ru/ru/about/reports/report-2015> (дата обращения: 06.03.2021).
9. Роспатент. Годовой отчет. 2014 [Электронный ресурс]. URL: <https://rospatent.gov.ru/ru/about/reports/report-2014> (дата обращения: 06.03.2021).
10. Роспатент. Годовой отчет. 2013 [Электронный ресурс]. URL: <https://rospatent.gov.ru/ru/about/reports/report-2013> (дата обращения: 06.03.2021).
11. Технологическое развитие отраслей экономики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11189> (дата обращения 22.12.2020).

*Ю. В. Дворянкина,
ОКБ им. А. Ляльки — филиал ПАО «ОДК-УМПО»,
эксперт по интеллектуальной собственности,
патентный поверенный
(г. Малоярославец, dvoryankina.julia@yandex.ru)*

Проблемы управления интеллектуальной собственностью в условиях международной производственно-технологической кооперации как инструмента модернизации национальной экономики

Поднимается проблема необходимости интеграции России в мировое экономическое пространство. В связи с этим отражены экономические аспекты хозяйственной деятельности страны с использованием интеллектуальных ресурсов. Актуальность темы обусловлена острой потребностью в модернизации отечественных предприятий и повышении эффективности их внешнеэкономической деятельности за счет активного использования инновационных технологий и интеллектуальной собственности.

Ключевые слова: международная производственно-технологическая кооперация, интеллектуальная собственность, инновационные технологии, модернизация, конкурентоспособность, лицензионное соглашение, патентная монополия, ноу-хау, патент, патентообладатель.

Во время глобального экономического кризиса, спровоцированного пандемией коронавируса, значительное место в дискуссиях об инновационной экономике занимает проблема определения факторов модернизации национальной экономики с использованием «рычагов» интеллектуальной собственности.

Интеллектуальная собственность — важнейший инновационный ресурс, до сих пор не задействованный для модернизации экономики

Российской Федерации (далее — РФ). В связи с сырьевой направленностью, невосприимчивостью к инновациям и проблемами коммерциализации интеллектуальной собственности модернизация российской экономики «невозможна без привлечения иностранных стратегических партнеров, иностранных технологий и компетенций»¹. По такому пути идут другие страны, экономика которых за короткий срок совершила переход от отсталой, типичной для развивающихся стран, к высокоразвитой посредством активного использования инструментов международной кооперации на базе интеллектуальной собственности [2, с. 60].

В реалиях экономики РФ существует множество проблем, связанных с реализацией международной производственно-технологической кооперации на базе интеллектуальной собственности в условиях пандемии, с одной стороны, и сырьевого характера ее экономики — с другой. Их рассмотрение представляет как практический, так и теоретический интерес.

Во всем мире новейшие разработки, высокие технологии и интеллектуальная собственность являются главными факторами экономического развития за счет активного инновационного курса, особенно необходимого сейчас — в тяжелые времена для среднего и малого бизнеса. В первую очередь это ориентация науки, производства и промышленности на создание высокотехнологической конкурентоспособной продукции как основы развития национальной экономики. Важным инструментом инновационного развития и повышения конкурентоспособности продукции является международная производственно-технологическая кооперация на базе интеллектуальной собственности, которая стала важнейшим направлением мировой торговли, через нее осуществляется обмен инновационной продукцией и технологиями, совершается большинство торговых сделок. Мировая торговля сегодня на 80% состоит из технологически наукоемкой продукции, которая защищена правом интеллектуальной собственности [1, с. 193].

Международная производственно-технологическая кооперация на базе интеллектуальной собственности выступает как наиболее распространенный вид производственно-технических связей между юридически независимыми национальными и зарубежными фирмами и компаниями. По договору о международной производственно-технологической кооперации партнерами создается совместное

¹ Приказ Министерства промышленности и торговли РФ от 10.04.2009 № 252 «Об утверждении целевой программы ведомства «Повышение эффективности отраслевых систем подготовки и повышения квалификации руководящих сотрудников и специалистов в высокотехнологичных секторах промышленности».

производство на основе единой технологии. Они адаптируют свое производство под совместную долговременную деятельность: перестраивают производственные мощности, внедряют новые технологии. Одно из условий успеха — высокая конкурентоспособность продукции, которая обеспечивается передовыми технологиями (собственными или лицензионными). Поэтому, как правило, до начала деятельности заключаются лицензионные договоры. Нередко партнеры осуществляют и производственно-бытовую кооперацию.

Передача изобретений, полезных моделей и секретов производства (ноу-хау) осуществляется, как правило, по сопутствующим лицензиям.

В настоящее время в мире права на результаты интеллектуальной деятельности фиксируются либо путем патентования, либо путем введения режима коммерческой тайны в отношении секретов производства (ноу-хау). В промышленно развитых странах доля бесплатных лицензий составляет до 50%, а еще 25% приходится на комплексные лицензии, по которым в рамках одного договора наряду с патентами на изобретения и полезные модели передаются ноу-хау, в которых раскрываются секреты производства продукции по патентам¹.

В России патентуется лишь 5% патентоспособных результатов интеллектуальной собственности, а до рынка доходит лишь 2%². В связи с этим доля инновационной продукции в общем объеме продаж предприятий крайне мала. Так, например, для малых предприятий в 2019 г. данная доля составляла лишь 5,8%³. Основными «инновационными» отраслями по-прежнему остаются оборонная промышленность, космос и медицина. По данным Глобального инновационного индекса-2020, Россия заняла лишь 17-е место в рейтинге инновационной активности.

При осуществлении международной технологической кооперации следует подтверждать права на передаваемую технологию на территории другого государства, а на изобретение и полезную модель в каждой зарубежной стране отдельно. Исключение составляет европейский патент, который действует на территории большинства стран СНГ. Перспективным для реализации инновационных технологий по российским патентам является все-таки европейский патент. Однако его получение для российских правообладателей сопряжено

¹ См.: <http://www.softeconomic.ru/soecos-718-5.html>.

² Там же.

³ См.: <https://мойбизнес.рф/smi/obyem-innovatsionnoy-produktsii-proizvedyenny-malym-biznesom-prevysil-67-mlrd-rublej/>.

с рядом трудностей. Патентная экспертиза в Европе длится в среднем 5–7 лет, что тормозит реализацию инновационных технологий. К тому же европейское патентование представляет собой дорогостоящий процесс.

По данным Роспатента, в 2020 г. в России было подано лишь 1000 международных заявок на изобретения и полезные модели, что говорит о низком уровне международного патентования, тогда как в наиболее развитых странах каждое четвертое изобретение патентуется за рубежом. Также у России значительно ниже показатели по количеству поданных национальных заявок на изобретения в год по сравнению с мировыми лидерами патентования. По данным Всемирной организации интеллектуальной собственности, в Китае в год подается в 15 раз больше заявок на изобретения, чем в России, в Японии — в 10 раз, в США — в 9 раз [4, с. 192–195; 5].

Процесс глобализации и либерализации мировой торговли, осуществляемой преимущественно в интересах транснациональных компаний, свидетельствует о том, что при этом значительно ослабляются тарифные и технические барьеры, унифицируется законодательство стран, но не претерпевает изменений патентная монополия на изобретения. Устранить данное препятствие можно с помощью лицензионных соглашений на право их использования, патентов и ноу-хау.

За последние 30 лет в связи с развитием рыночной экономики в нашей стране наблюдается активизация патентования иностранных технологий путем получения иностранными компаниями патентов, действующих на территории Российской Федерации.

При этом иностранные патентные ведомства Запада, особенно Европейское патентное ведомство, осуществляют политику протекционизма в отношении собственных технологий, препятствуя получению патентов на конкурентоспособные российские технологии путем затягивания патентного процесса и предъявления завышенных требований к патентоспособности российских заявок.

Данную ситуацию, сложившуюся в патентной системе, иностранные компании используют в своих интересах путем проведения так называемых патентных войн. Интеллектуальная собственность дает серьезное конкурентное и монопольное преимущество, нейтрализовать которое можно, в частности, при помощи собственных аналогичных разработок, когда на свет появляются близкие, но все же отличающиеся от российских разработок технические решения, позволяющие достигнуть аналогичных технических результатов. Это становится поводом для судебных разбирательств, направленных против деловой

репутации российских компаний, которые якобы являются нарушителями патентных прав. Тем самым иностранные компании, используя патентные «рычаги», практикуют методы недобросовестной конкуренции, вытесняя российские компании с мирового рынка высокотехнологичной продукции.

Так, в 2013 г. немецкая компания Giesecke & Devrient предъявила Министерству финансов России и АО «Гознак» иск на 400 000 евро за нарушение исключительного права на технологию по принадлежащему этой компании патенту Российской Федерации на изобретение № 2176190 при производстве российских рублей. Речь шла о запатентованной ею технологии защиты ценных бумаг, которую АО «Гознак» якобы использовало без разрешения. Арбитражный суд г. Москвы вынес решение об отказе в удовлетворении требований немецкой компании на основании оценки результатов судебной патентоведческой экспертизы и других представленных доказательств. Проведенная в рамках судебного процесса экспертиза в отношении формулы изобретения российского патента № 2176190 показала существенные отличия технологии АО «Гознак» от патента Giesecke & Devrient по двум признакам формулы изобретения¹.

Таким образом, опираясь на патентную монополию на изобретения, зарубежные компании нередко осуществляют нечестную конкурентную борьбу на российском рынке, подрывая деловую репутацию российских предприятий, что отрицательно влияет на их конкурентоспособность на международном рынке.

В сложившихся условиях очевидно, что основной сегмент формирующегося рынка связан с промышленными секретами (ноу-хау), права на которые должны охраняться в режиме коммерческой тайны.

Его преимущества в следующем:

- права можно реализовать практически сразу;
- неограниченный срок охраны прав;
- поскольку ноу-хау не публикуется в открытых источниках, снижается риск несанкционированного использования технологий;
- описание технологии в реферате к договору не позволяет сразу реализовать ноу-хау в производстве. Для этого необходима техническая поддержка создателей ноу-хау;
- возможно последующее патентование технологии по ноу-хау, поэтому такая охрана может быть рассмотрена как этап перед патентованием.

¹ См.: <https://kad.arbitr.ru/Card/9ebe703c-be06-41e5-9e14-8ded2d61a6d0>.

Недостатки ноу-хау:

- сложность защиты права при его нарушении, поскольку обязанность доказывания незаконности действия правонарушителя лежит на правообладателе;
- проблемой является коллизия между коммерческой тайной и бременем доказывания. Обычно бремя доказывания лежит на истце, и если предоставляемые им средства доказывания не являются достаточными без конфиденциальных элементов, он может предпочесть проиграть дело, чем раскрыть свои деловые тайны. Как только бремя доказывания переходит на ответчика, тот же принцип применяется не в его интересах (например, ответчик может не решаться продемонстрировать, что он не использовал запатентованную технологию, так как это вынудит его раскрыть истцу другую секретную технологию). Если он не может доказать эти обстоятельства, то его право по общему правилу защите не подлежит [3, с. 23–24].

Выбор способа охраны должен быть основан на возможности коммерциализации технологии правообладателем по принципу «ресурсоёмкость — реализуемость — результативность».

Этапу коммерциализации технологий за счет заключаемых лицензионных сделок предшествуют этапы подачи заявки на получение патента, патентования в национальных и зарубежных патентных ведомствах, поддержание патента в силе. Все это требует значительных материальных затрат, включающих оплату патентных пошлин, услуг патентных поверенных, выплату авторских вознаграждений за создание и использование патента. На этапе передачи прав на технологии по лицензионным договорам необходимо осуществлять отчисления в федеральный бюджет. Также необходимо выплачивать авторам вознаграждение за заключенные лицензионные договоры. Таким образом, все вышеперечисленные расходы лежат на правообладателе, который зачастую финансово не способен покрыть их.

В России до сих пор отсутствует система государственной регистрации лицензионных сделок по ноу-хау между кооператорами разных стран как по «чистым», так и по сопутствующим лицензиям. Это не дает провести объективную оценку коммерциализации отечественных технологий за рубежом, а также объективную оценку осуществляемой международной производственно-технологической кооперации на базе интеллектуальной собственности в Российской Федерации.

Статья 1551 Гражданского кодекса Российской Федерации регламентирует экспорт единой технологии и предусматривает обязательную

государственную регистрацию такой сделки в федеральном органе исполнительной власти по интеллектуальной собственности под угрозой признания ее ничтожности. Данная статья относится к сделкам, реализуемым на территории России, и не действует за рубежом, где отсутствуют подобные требования. В этой связи необходимо установить действие этой нормы также при экспорте единой технологии на территории иностранных государств.

Представляется, что России необходима научно обоснованная концепция участия в международной производственно-технологической кооперации на базе интеллектуальной собственности, где были бы определены принципы государственной политики в области торговли технологиями, содержащими объекты интеллектуальной собственности.

При этом необходимо определить орган, отвечающий за реализацию данной концепции. Таким органом может быть Федеральная служба по интеллектуальной собственности (Роспатент) в силу наделения его такими функциями. В любом случае этот орган должен иметь межведомственный характер с непосредственным подчинением Правительству Российской Федерации. Кардинальное изменение ситуации в сфере международной производственно-технологической кооперации на базе интеллектуальной собственности в России позволит обеспечить реализацию научно-технологичной продукции и решение задач, поставленных высшим руководителем страны по переходу России к экономике знаний и технологий.

В условиях введения в отношении России экономических секторальных санкций странами Запада российские стратегические предприятия развивают тенденцию к экономическому сотрудничеству в области международной кооперации со странами БРИКС и другими зарубежными странами, не поддерживающими такие санкции. У России появился шанс для развития экономики за счет взаимовыгодного сотрудничества со странами Азии, Африки и Латинской Америки, где российские технологии являются высококонкурентоспособными.

Так, российское стратегическое предприятие АО «Гознак» на протяжении последнего десятилетия успешно расширяет географию и номенклатуру экспорта в страны Латинской Америки, Ближнего Востока, Юго-Восточной Азии, Африки, заключая взаимовыгодные контракты, по которым продается не только готовая продукция, но и поставляются технологии. Примечательно, что лицензии на технологии предоставляются в те страны, где есть самостоятельное производство банкнот,

но которые заинтересованы в использовании разработанных АО «Гознак» технологий¹.

В долгосрочной перспективе основные усилия в рассматриваемой сфере должны быть направлены на формирование правосознания российских правообладателей и всего гражданского общества. Поскольку только сообща, в рамках государственно-частного партнерства при объединении усилий власти, науки, бизнеса и всех граждан можно добиться перелома в решении стратегической задачи перехода к инновационной экономике.

Библиография

1. *Любецкий В. В.* Мировая экономика и международные экономические отношения: учебник. — М.: Инфра-М, 2019. — 350 с.
2. *Сергеев А. П.* Основные проблемы правовой охраны интеллектуальной собственности в Российской Федерации на современном этапе // Интеллектуальная собственность. Актуальные проблемы теории и практики / Под ред. В. Н. Лопатина. — М.: Юрайт, 2008. — 309 с.
3. *Пискулов Ю. В.* Международная производственно-технологическая кооперация на базе интеллектуальной собственности — инструмент модернизации экономики России // Коммерциализация объектов интеллектуальной собственности и повышение капитализации компании: материалы секционного заседания Третьего Всероссийского форума «Интеллектуальная собственность — XXI век» (20–23 апреля 2010 г., г. Москва) / под ред. Е. В. Королевой. — М.: Российский государственный институт интеллектуальной собственности (РГИИС), 2010. — С. 60–62.
4. World Intellectual Property Organization, World Intellectual Property Indicators 2020. WIPO Economics & Statistics Series, 2019, 228 p.
5. World Intellectual Property Organization, Global Innovation Index 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wipo.int/publications/ru/details.jsp?id=4513&plang=RU>.

¹ См.: https://plusworld.ru/journal/section_1471/section_166500/art166507/.

ПРОМЫШЛЕННАЯ СОБСТВЕННОСТЬ

*Д. К. Пичугина,
юрисконсульт 2-й категории
Федерального института промышленной собственности
(г. Москва, pichuginadarya1@gmail.com)*

Особенности правового регулирования географического указания по гражданскому законодательству Российской Федерации

В статье исследуются вопросы гражданско-правового регулирования институтов географических указаний и наименований мест происхождения товаров по законодательству Российской Федерации. Выделены основные признаки указанных средств индивидуализации, и на их основе проведен сравнительный анализ требований, которым должно соответствовать обозначение для предоставления ему правовой охраны в качестве географического указания и в качестве наименования места происхождения товара.

Ключевые слова: географическое указание, наименование места происхождения товара, средство индивидуализации.

С 27 июля 2020 г. вступили в силу правовые нормы, регулирующие новое для российского гражданского законодательства средство индивидуализации — географическое указание. Примечательно, что положения, касающиеся данного объекта интеллектуальных прав, не были выделены в отдельную статью Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ), а лишь дополнили нормы статей, содержащихся в параграфе 3 главы 76 части четвертой ГК РФ.

Таким образом, закрепление законодателем двух средств индивидуализации (наименование места происхождения товара и географическое указание) в одном параграфе свидетельствует о непосредственном

сходстве подходов относительно гражданского регулирования данных объектов.

Необходимо отметить, что каждое из них является самостоятельным средством индивидуализации, в связи с чем не допускается регистрация одного и того же обозначения и в качестве наименования места происхождения товара, и в качестве географического наименования в отношении одних товаров.

В связи с изложенным представляется актуальным исследование вопроса о сравнении и разграничении понятий «наименование места происхождения товара» и «географическое указание».

В соответствии с п. 1 ст. 1516 ГК РФ¹ географическим указанием является обозначение, которое идентифицирует происходящий с территории определенного географического объекта товар, качество, репутация или другие характеристики которого в значительной степени связаны с его географическим происхождением. На территории указанного географического объекта должна осуществляться хотя бы одна из стадий производства товара, которая оказывает существенное влияние на формирование его характеристик.

Наименование места происхождения товара (далее — НМПТ) в соответствии с указанной нормой представляет собой привязку товара к определенной территории, обусловленную уникальными природными условиями или человеческим потенциалом. При этом территория может представлять собой страну, город, поселение, определенную местность. В отношении данного географического объекта также проявляется связь с товаром, так как он получает известность благодаря ему. Особым требованием выступает необходимость реализации всех стадий производственного цикла, которые обуславливают особые свойства товара, на данной территории.

Следует отметить, что название может носить современный или исторический характер. Кроме того, допустимо использование неофициальных и сокращенных названий.

Таким образом, ключевой целью регистрации НМПТ является идентификация на потребительском рынке тех товаров, которые обладают особыми уникальными свойствами.

Анализ приведенных выше норм позволяет прийти к выводу о том, что в отношении НМПТ и географического указания действующее

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 26.07.2019, с изм. от 24.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629.

законодательство закрепляет как географический, так и производственный критерии.

В рамках рассматриваемой тематики наибольший интерес представляет географический критерий.

Анализ положений ст. 1516 ГК РФ позволяет прийти к выводу о том, что различие между понятиями географического указания и НМПТ по российскому праву осуществляется прежде всего по производственному критерию.

В случае с НМПТ на территории географического объекта должны осуществляться все этапы производства товара, оказывающие влияние на формирование его особых свойств. Особые свойства товара, для которого зарегистрировано НМПТ, исключительно или главным образом обусловлены природными условиями и (или) людскими факторами.

Таким образом, данное требование предопределяет уникальность такого товара, возможность его производства только лишь в одном конкретном регионе, что указывает на совпадение географического и производственного критериев в отношении НМПТ. Изменение места, где производится маркируемый НМПТ товар, недопустимо, как и продолжение использования зарегистрированного НМПТ для товара после смены региона, в котором осуществляется производственная деятельность правообладателя.

В отношении географического указания достаточно, чтобы одна стадия производственного цикла реализовывалась на указанной территории. При этом обязательным требованием выступает наличие корреляции между производственным процессом и свойствами товара.

Следовательно, применительно к географическому указанию не требуется полного совпадения географического и производственного критериев. Для его регистрации достаточно, чтобы особое качество, репутация или иная характеристика товара имели существенную связь с указанным географическим объектом. Однако это не значит, что невозможно произвести тождественный или близкий к тождественному товар на иной территории.

Согласно п. 2 ст. 1516 ГК РФ, предоставление правовой охраны НМПТ невозможно без заключения уполномоченного органа. Такие заключения могут быть выданы Министерством здравоохранения, Министерством промышленности и торговли, Министерством сельского хозяйства, а также Федеральной службой по регулированию алкогольного рынка.

Для регистрации обозначения в качестве географического указания получения заключения уполномоченного органа не требуется. Заявитель самостоятельно формирует доказательственную базу, подтверждающую, что производимый им товар имеет репутационную, качественную или иную тесную связь с конкретным географическим объектом.

Обязательным условием предоставления правовой охраны НМПТ выступает наличие предшествующего периода, в течение которого товар уже поставлялся с данным обозначением. То есть государственной регистрации подлежат только те товары, которые имеют известность среди потребителей. Рассмотрим действие данного механизма на примере «Меда горного Алтая». В отношении указанного товара НМПТ № 193 зарегистрировано 24.12.2018. Однако потребителям на территории РФ и стран СНГ данный товар был известен задолго до момента регистрации.

В отношении географического указания требование об известности обозначения отсутствует: заявитель может начать его широкое использование в коммерческой деятельности уже после подачи заявки на регистрацию или после принятия административным органом решения о предоставлении ему правовой охраны в качестве географического указания.

Исходя из вышеприведенных определений, если НМПТ — это именно словесное обозначение, представляющее собой наименование определенного географического объекта, на территории которого произведен товар, то географическое указание — это любое обозначение, способное идентифицировать происходящий с территории географического объекта товар.

Кроме того, следует отметить, что российское право не ограничивает круг товаров, в отношении которых может быть произведена регистрация как НМПТ, так и географического указания. Классическим примером зарегистрированного в России НМПТ является НМПТ № 3 «Вологодское кружево» с приоритетом от 31.08.1993.

Первым зарегистрированным в России географическим указанием стало обозначение «Шуйское мыло», которому правовая охрана была предоставлена 10.12.2020.

Для сравнения, законодательство ЕС¹ предоставляет производителям возможность регистрации и последующего использования НМПТ

¹ См.: Регламент Европейского парламента и Совета ЕС № 1151/2012 от 21.11.2012 «О схемах качества для сельскохозяйственной продукции и продуктов питания» —

и географических указаний лишь для определенного круга товаров, в который входят сельскохозяйственные продукты, спиртные напитки, включая вина и ароматизированные вина. При этом в странах ЕС фактически отсутствует механизм регистрации НМПТ и географических указаний в отношении иных видов товаров (текстильной продукции, хозяйственных инструментов и т.д.).

Таким образом, в отношении географического указания по сравнению с НМПТ в российском праве предусматривается более простая система государственной регистрации, выражающаяся в предъявлении менее строгих требований к производству товаров, для которых испрашивается правовая охрана обозначений в качестве географических указаний.

Представляется, что введение в действие данного правового института призвано стимулировать производителей из различных регионов России популяризировать свою продукцию в контексте ее устойчивой связи с определенным географическим объектом, не прибегая при этом к сложной и достаточно длительной процедуре регистрации НМПТ.

Библиография

1. Зарегистрированные ГУ и НМПТ. — Официальный сайт Федеральной службы по интеллектуальной собственности [Электронный ресурс]. URL: <https://rospatent.gov.ru/ru/sourses/regional-brands/registered> (дата обращения: 30.03.2021).
2. Рузакова О. А., Гринь Е. С. Вопросы развития правового регулирования отношений, объектом которых выступают географические указания // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2018. — Вып. 4. — С. 685–699.
3. Руководство по национальной стандартизации географических названий (сост. Группой экспертов Организации Объединенных Наций по географическим названиям). — Организация объединенных наций. — Нью-Йорк, 2007. — 181 с.

Regulation (EU) № 1151/2012 of the European Parliament and of the Council of 21 November 2012 on quality schemes for agricultural products and foodstuffs.

И. И. Истомин,
*руководитель группы промышленных образцов
патентно-правовой фирмы «А. Залесов и партнеры»
(г. Москва, istomin@azalesov.com)*

Существует ли система глобальной патентной охраны для изобретений?

В отношении некоторых объектов интеллектуальной собственности существуют системы глобальной охраны, такие как Гаагская и Мадридская системы. По данным Всемирной организации интеллектуальной собственности, популярность глобальных систем охраны растет с каждым годом. В статье проводится анализ имеющихся систем глобальной охраны и ставится вопрос: существует ли глобальная система охраны для такого объекта, как изобретение? Делается вывод о необходимости развития подобной системы для изобретений.

Ключевые слова: договор о патентной кооперации, система глобальной патентной охраны.

Ввиду глобализации и активной интеграции рынков в настоящее время заявители по всему миру все больше заинтересованы в зарубежном патентовании. Усиление этого интереса обусловлено в том числе удобством уже имеющихся инструментов получения зарубежной охраны, таких как системы глобальной охраны.

В настоящее время системы глобальной охраны существуют для промышленных образцов, товарных знаков и географических указаний. Рассмотрим более детально каждую систему глобальной охраны.

Системы глобальной охраны

Гаагская система регистрации промышленных образцов позволяет заявителю подать одну международную заявку, которая может

содержать до 100 промышленных образцов, и на основании поданной международной заявки испрашивать охрану в 74 договаривающихся сторонах, охватывающих 91 государство.

Стоит отметить, что у заявителей некоторых договаривающихся сторон есть определенные сложности относительно списка доступных для них договаривающихся сторон ввиду наличия в рамках Гаагской системы двух актов: Стокгольмского и Женевского. Некоторые договаривающиеся стороны присоединились только к одному из указанных актов, и, таким образом, заявители могут испрашивать охрану только в рамках тех договоров, к которым присоединились стороны.

Однако, несмотря на вышеуказанное неудобство, данная система обеспечивает единую процедуру подачи заявки, экспертизы и поддержания патента в силе, что создает удобство для заявителей и постоянный рост популярности данной системы.

Мадридская система регистрации товарных знаков позволяет заявителю подать одну международную заявку и, основываясь на ней, испрашивать охрану в 107 договаривающихся сторонах, охватывающих 123 государства. Заявитель в международной заявке может указать те договаривающиеся стороны, у которых он намерен получить охрану. При этом у него есть возможность расширить географический охват международной регистрации на более позднем этапе.

Мадридская система также обеспечивает единую процедуру подачи заявки, экспертизы и поддержания патента в силе.

Лиссабонская система регистрации наименований мест происхождения товаров и географических указаний позволяет заявителю подать одну международную заявку и на основании поданной международной заявки испрашивать охрану в 34 договаривающихся сторонах.

Стоит учитывать, что данная система в настоящий момент недоступна для заявителей из Российской Федерации.

Также она обеспечивает единую процедуру подачи заявки, экспертизы и поддержания патента в силе, чем обусловлена ее растущая популярность.

Проанализируем вышеуказанные системы глобальной охраны и попытаемся выделить общие для них признаки, позволяющие заявителям удобно пользоваться данными системами.

Вышеуказанные системы обладают следующими **общими признаками**:

- глобальность — при помощи единой международной подачи заявитель может испрашивать охрану в большом количестве

договаривающихся сторон, в том числе объединенных региональными соглашениями, одновременно;

- единые формальные требования — международная заявка проходит проверку на соответствие формальным требованиям только один раз при ее подаче;
- единые пошлины за поддержание в силе — уплачиваются в единой валюте и в единый международный орган;
- единая регистрация — наличие единой международной регистрации, которая имеет силу на территории стран — участниц соответствующего договора или конвенции.

Вышеуказанные признаки и характеризуют каждую из этих систем как систему глобальной охраны.

Международная охрана технических решений

Проанализируем действующие процедуры получения зарубежной охраны для технических решений, а именно для такого объекта, как изобретение.

В настоящий момент для заявителей доступны следующие процедуры получения зарубежной патентной охраны: национальная (традиционная), региональная, международная (Договор о патентной кооперации; далее — РСТ).

Национальная (традиционная) процедура получения зарубежной патентной охраны — наиболее старый инструмент патентования. Данная процедура реализуется за счет норм Парижской конвенции по охране промышленной собственности от 1883 г., которая касается вопросов промышленной собственности в самом широком смысле слова.

Данную процедуру невозможно назвать системой охраны, поскольку она не предполагает единой процедуры получения охраны. Заявки подаются отдельно в каждое из интересующих государств с испрашиванием приоритета по национальной заявке.

Региональные процедуры зарубежного патентования развивают традиционную процедуру зарубежного патентования в рамках интеграции экономик некоторых государств. Для упрощения торговли и иных взаимодействий появились экономические союзы, такие как Европейский союз, Евразийский экономический союз и т.д. Поскольку появилась экономическая интеграция, возникла и необходимость обеспечения охраны технических решений на территории нескольких государств одновременно. Эта необходимость реализовалась посредством

создания региональных конвенций, в частности, таких как Европейская патентная конвенция (ЕПК) и Евразийская патентная конвенция (ЕАПК). Эти конвенции позволяют заявителю получить патентную охрану в нескольких государствах на основании единой региональной заявки, поданной в региональное патентное ведомство. Для заявителя региональная процедура удобна, если планируется получение охраны лишь в договаривающихся сторонах конкретного союза.

Данные процедуры можно назвать системами охраны, однако они не являются глобальными. Они охватывают только ряд договаривающихся государств, которые объединены экономическим союзом.

Международная процедура РСТ также является развитием национальной (традиционной) процедуры зарубежного патентования. Административные функции данного международного договора выполняет ВОИС.

Международная процедура позволяет на основании единой международной заявки испрашивать охрану в интересующих государствах. При этом сама процедура разделена на две фазы: международную и национальную. В рамках международной процедуры на международной фазе заявка проверяется на соответствие единому набору формальных требований, а на национальной фазе уже проводятся дополнительные, специфичные для каждого из государств, проверки сущности.

Однако международную процедуру РСТ также нельзя назвать системой глобальной охраны ввиду отсутствия единого охранного документа и единых пошлин за поддержание патента в силе.

Чтобы ответить на вопрос, существует ли глобальная система охраны для такого объекта, как изобретение, стоит сравнить доступные в настоящий момент процедуры получения зарубежной патентной охраны с выявленными признаками системы глобальной охраны.

Результаты сравнения доступных процедур получения зарубежной патентной охраны с выявленными признаками системы глобальной охраны приведены в таблице.

Таблица

Сравнение процедур получения зарубежной патентной охраны для изобретений

	Национальная (традиционная) процедура	Региональные процедуры	Международная процедура по РСТ
Глобальность	–	–	+
Единые формальные требования	–	+	+

Окончание табл.

	Национальная (традиционная) процедура	Региональные процедуры	Международная процедура по РСТ
Единые пошлины за поддержание в силе	–	+	–
Единая регистрация	–	+	–

Таким образом, существующие в настоящий момент процедуры получения зарубежной патентной охраны для изобретений нельзя назвать системами глобальной охраны. Ближе всего к характеристикам глобальной системы находятся региональные процедуры получения зарубежной охраны. Международная процедура по РСТ также не может быть обозначена как система глобальной охраны ввиду отсутствия таких ее важнейших признаков, как единая регистрация и единые пошлины за поддержание в силе.

На основании вышеприведенного анализа можно прийти к заключению, что глобальная система охраны для такого объекта, как изобретение, отсутствует. При этом удобство и рост популярности глобальных систем для иных объектов, интеграция рынков, в том числе за счет создания региональных процедур, однозначно указывают на необходимость создания и развития таковой.

Из доступных процедур получения зарубежной патентной охраны выделяется международная процедура по РСТ как наиболее подходящая для создания на своей базе системы глобальной патентной охраны изобретений. Такой выбор обусловлен тем, что в нормативной базе Договора о патентной кооперации (РСТ, ст. 15) давно закреплены и активно используются такие процедуры, как международный патентный поиск [1] (как обязательная процедура на международной фазе) и международная предварительная экспертиза [2, гл. 2] (как дополнительная процедура на международной фазе). Данные процедуры отличаются наработанными за долгое время нормативной базой и опытом их проведения как со стороны международных поисковых органов, так и со стороны заявителей.

В завершение стоит отметить, что процедура международного патентного поиска постоянно улучшается и совершенствуется, в частности за счет действующей процедуры дополнительного поиска, предусмотренной Инструкцией к Договору о патентной кооперации (РСТ)¹,

¹ Правило 45bis, Инструкция к Договору о патентной кооперации (РСТ) (текст, имеющий силу с 01.07.2020).

а также, например, за счет таких новых процедур, как совместный поиск и экспертиза IP5 PCT CS&E [3], находящаяся на сегодняшний день на стадии третьего пилотного проекта [4].

При этом совершенствование данных процедур указывает на потенциальную возможность дальнейшего развития международной процедуры PCT за счет исключения процедур повторного поиска и экспертизы на национальной фазе и последующего образования системы глобальной патентной охраны изобретений.

Библиография

1. Договор о патентной кооперации (PCT) подписанный в Вашингтоне 19 июня 1970 г., пересмотренный 28 сентября 1979 г., измененный 3 февраля 1984 г. и 3 октября 2001 г., и Инструкция к PCT (текст, имеющий силу с 01.07.2020) [Текст]. — Публикация ВОИС № 274R; ISBN 978-92-805-3159-6.
2. Договор о патентной кооперации (PCT) подписанный в Вашингтоне 19 июня 1970 г., пересмотренный 28 сентября 1979 г., измененный 3 февраля 1984 г. и 3 октября 2001 г. и Инструкция к PCT (текст, имеющий силу с 01.07.2020) [Электронный ресурс]. URL: http://www.wipo.int/export/sites/www/pct/ru/texts/pdf/pct_regs.pdf.
3. PCT Collaborative Search and Examination Pilot [Электронный ресурс]. URL: <https://www.uspto.gov/patents/basics/international-protection/patent-cooperation-treaty/pct-collaborative-search>.
4. Collaborative Search and Examination (CS&E) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wipo.int/pct/en/filing/cse.html>.

*С. Н. Гаврюшкин,
управляющий партнер юридической компании
«Гаврюшкин и партнеры», медиатор,
депутат Собрания депутатов Миасского городского округа
(г. Миасс, info@patent-law.ru)*

Как защитить свои исключительные права на перспективу

Наибольший интерес в промышленной собственности вызывают способы защиты исключительных прав от посягательств со стороны третьих лиц. Каждый из предложенных законодателем вариантов имеет свои особенности. При этом способ защиты должен соответствовать характеру нарушения. Автор подробно описывает самый спорный в своем практическом применении способ защиты — предъявление требования о пресечении действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения, к лицу, совершающему такие действия или осуществляющему необходимые приготовления к ним, а также анализирует случаи, в которых предъявление данного требования наиболее эффективно.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, способы защиты, нарушение исключительных прав, запрет на совершение действий, угроза нарушения прав, объекты интеллектуальной собственности.

В ст. 1229 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ) закреплено положение о том, что правообладатель может по своему усмотрению разрешать или запрещать другим лицам использовать результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации. Отсутствие запрета не считается согласием (разрешением). Эта особенность института интеллектуальной собственности порождает неосведомленность нарушителя чужих прав о том, что он своими действиями причиняет вред другому лицу. По этой причине законодательством

предусмотрено множество различных способов защиты нарушенных прав. Они отличаются целями и функциями.

Например, среди правообладателей популярным способом защиты от нарушения исключительных прав на товарный знак стало взыскание компенсации в размере от 10 000 до 5 000 000 рублей, определяемом по усмотрению суда исходя из характера нарушения, предусмотренного подп. 1 п. 4 ст. 1515 ГК РФ.

Как показывает судебная практика, требования о пресечении действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения, как способ защиты зачастую предъявляются к нарушителю одновременно с требованиями о возмещении убытков или выплате компенсации, об изъятии и уничтожении материальных носителей. Нередко предъявляется и требование об обязанности опубликовать решение суда.

По мнению Т. С. Яценко, компенсация представляет собой меру гражданско-правовой защиты в широком смысле, которая имеет восстановительно-штрафную природу, обусловленную структурой данной меры. Та часть компенсации, которая превышает необходимую для восстановления прав сумму, представляет собой штраф, налагаемый на правонарушителя в целях наказания или обеспечения превенции совершения подобных нарушений со стороны других участников правоотношений. отождествление компенсации только со штрафом безосновательно, поскольку она может покрывать убытки, реально понесенные правообладателем. Однако сама возможность взыскания компенсации, размер которой превышает такие убытки, указывает на штрафной элемент данной меры защиты [7].

Автор настоящей статьи полностью согласен с данным мнением. Поскольку зачастую бывает так, что суды или необоснованно уменьшают компенсацию, или, наоборот, взыскивают неоправданно высокую сумму.

При этом предъявление требования о пресечении действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения, к лицу, совершающему такие действия или осуществляющему необходимые приготовления к ним, как способ защиты не обладает штрафной природой, оно направлено на реализацию полномочий обладателя исключительного права на установление запрета другим лицам использовать результаты интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации согласно ст. 1229 ГК РФ и способствует соблюдению такого запрета.

Само по себе восстановление нарушенного права является одной из основ гражданского законодательства, закрепленных в п. 1 ст. 1 ГК РФ. По смыслу ст. 9 и 12 ГК РФ лицо, чьи права были нарушены, имеет право

выбрать любой способ защиты, который, по его мнению, способен в действительности восстановить нарушенное право.

Согласно разъяснению, изложенному в абз. 3 п. 57 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации», требование о пресечении действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения, может подлежать удовлетворению только в том случае, если противоправное поведение конкретного лица еще не завершилось или имеется угроза нарушения права. Так, не подлежит удовлетворению требование о запрете предложения к продаже или о запрете продажи контрафактного товара, если такой принадлежавший ответчику товар им уже введен в гражданский оборот. Требования об общем запрете конкретному лицу на будущее использовать результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации также не подлежат удовлетворению. Такой запрет установлен непосредственно законом (абз. 3 п. 1 ст. 1229 ГК РФ).

К примеру, постановлением Суда по интеллектуальным правам (далее — СИП) от 25.02.2020 отменено и направлено на новое рассмотрение в суд нижестоящей инстанции апелляционное постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 24.10.2019 по делу № А40-58028/2019 о прекращении незаконного использования товарных знаков. СИП посчитал заслуживающим внимания довод ответчика о неправомерности удовлетворения требования истца, который направлен на пресечение возможных правонарушений в будущем. Ответчик считает их абстрактными, поскольку арбитражный суд не указал конкретный товар или упаковки конкретных товаров, на которых запрещено использование товарных знаков.

В свою очередь, А. В. Сагдеева указывает на то, что требование о пресечении действий в сфере интеллектуальной собственности является мерой защиты исключительного права и характеризуется особенностями, во многом присущими негаторному иску. Негаторный иск и требования о пресечении действий по подп. 2 п. 1 ст. 1252 ГК РФ реализуются в отношении дпящегося конкретного действия, создающего реальную угрозу нарушения прав правообладателя [6, с. 55–62]. Автор настоящей статьи разделяет данный вывод.

Под негаторным иском автор понимает требование об устранении всяких нарушений права собственности, если они не соединены с лишением владения. Известен римскому праву как *actio negatoria* (буквально «отрицающий иск»), т.е. отрицающий право третьего лица вторгаться в сферу правомочий законного владельца. Законодательно это закре-

плено в ст. 304 ГК РФ, которая гласит о том, что собственник может требовать устранения всяких нарушений его права, хотя бы эти нарушения и не были соединены с лишением владения.

В монографии Т. П. Подшивалова проводится анализ негативных требований, а также определяются и выделяются присущие им функции: восстановительная; превентивная, когда иск может быть заявлен для пресечения возможного нарушения; профилактическая [5, с. 51].

После проведения сравнительного анализа можно смело утверждать, что требование о пресечении действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения, в сфере защиты исключительных прав преследует те же цели: восстановление, профилактика, т.е. пресечение возможных, но еще не совершенных нарушений, и предупреждение.

Назначение пресекающего (предупредительного) способа защиты состоит в пресечении (предупреждении) незаконных и неблагоприятных действий, возвращении к беспрепятственному осуществлению своих прав. Цель применения указанных способов защиты заключается в том, чтобы заставить или побудить нарушителя к прекращению совершаемых действий либо предупредить их. Нередко назначение исследуемого способа защиты состоит в устранении препятствий для осуществления права, создаваемых нарушителем. Обычно это имеет место при дьящемся правонарушении, которое само по себе не лишает лицо субъективного права, но мешает ему нормально им пользоваться [1].

Рассмотрим два случая, которые подтверждают сказанное ранее.

Один пример из судебной практики был разобран В. Ю. Джермакяном в статье «900 вопросов по товарным знакам: разъяснения правоприменительной практики» при ответе на вопрос: применяется ли на практике такой метод защиты исключительных прав, как пресечение действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения [3] (постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 16.06.2011 по делу № А41-10659/10)?

Предмет спора заключался в следующем: компания Henco Industries обратилась в Арбитражный суд г. Москвы с иском к ООО «Нетлинк» (Netlink Ltd, Belizeo) о наложении запрета на использование товарного знака Henco в доменном имени henco.ru в сети Интернет. Иск был удовлетворен и позже обжалован в апелляционной инстанции, но решение суда первой инстанции осталось в силе.

Как следует из материалов судебного дела, компания Henco Industries является правообладателем международной регистрации товарного знака Henco (свидетельства о регистрации № 960572, № 690614) для то-

варов 6, 17, 19, 35, 35, 39-го классов МКТУ на территории Российской Федерации (далее — РФ). При осуществлении коммерческо-хозяйственной деятельности на территории РФ Henco Industries стало известно, что в сети Интернет зарегистрирован домен henco.ru, в наименовании которого используется товарный знак Henco. Согласно информации, которую предоставило ООО «Гарант-Парк-Телеком», администратором домена henco.ru является ООО «Нетлинк» (Netlink Ltd). Истец как правообладатель разрешения ответчику на использование своего товарного знака не давал.

На основании ст. 1252 ГК РФ одним из методов защиты исключительных прав является требование о пресечении действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения, предъявляемое к лицу, совершающему такие действия или осуществляющему необходимые приготовления к ним. Таким образом, суд первой инстанции правильно пришел к выводу, что достаточным фактическим обстоятельством для обращения за судебной защитой является установление действий, только создающих угрозу нарушения.

Арбитражный апелляционный суд согласился с выводом суда первой инстанции о том, что наличие у ответчика прав по администрированию домена henco.ru предоставляет ему реальную возможность привлекать потенциальных потребителей продукции истца.

Таким образом, суды пришли к выводу о том, что само право администрирования домена, реализация которого зависит только от волеизъявления ответчика, создает угрозу нарушения права истца на товарный знак и является препятствием для правообладателя использовать свой товарный знак в российском сегменте сети Интернет. Фактически истец лишен возможности зарегистрировать домен, воспроизводящий принадлежащие ему товарные знаки, что не позволяет в полном объеме реализовать ему свои права.

Сам факт владения интернет-страницей, в доменном имени которой содержится обозначение, идентичное товарному знаку широко известной в мире компании, создает для ответчика возможность привлекать на нее потенциальных потребителей услуг, для которых товарный знак используется правообладателем.

Неправомерно удерживая спорное доменное имя путем его администрирования и не используя его по прямому назначению (размещение сайта), ответчик нарушил исключительные права истца на свободное использование товарного знака. Наверное, это логично, поскольку у потребителей уже выработалась стойкая ассоциативная связь между известным товарным знаком и его правообладателем.

Приведем другой схожий пример, когда было удовлетворено требование, предусмотренное подп. 2 п. 1 ст. 1252 ГК РФ.

Компания Nike International Ltd обратилась в Арбитражный суд г. Москвы к Д. с иском о признании действий ответчика по администрированию доменного имени nike.ru нарушением прав на товарные знаки и фирменное наименование истца и о запрете использования обозначения nike в доменном имени nike.ru в сети Интернет.

Суд установил, что действия ответчика по регистрации доменного имени nike.ru создают угрозу нарушения исключительного права истца на вышеуказанные средства индивидуализации, поскольку обладание правами администратора доменного имени влечет за собой право ответчика использовать доменное имя для адресации в сети Интернет к информации в отношении любых товаров и услуг, в том числе для индивидуализации которых зарегистрированы товарные знаки, и одновременно влечет невозможность регистрации тождественного доменного имени на имя истца [4].

Решением Арбитражного суда г. Москвы от 18.01.2013 требования в части запрета ответчику использовать обозначение nike в доменном имени nike.ru были удовлетворены.

Это далеко не полный список положительных решений судов по аналогичным делам. Поэтому автор приходит к выводу: предъявление требования о запрете использования средств индивидуализации в доменном имени в сети Интернет является эффективным способом защиты нарушенных прав и с большой долей вероятности будет удовлетворено судом.

Далее рассмотрим ситуацию на примере нарушений прав на товарные знаки. В настоящее время, к сожалению, существует проблема, когда товарные знаки регистрируются и не используются либо основной целью их регистрации является злоупотребление правом, что, конечно, абсолютно недопустимо.

Например, ответчик — собственник магазина игрушек продал товар с нарушением исключительных прав. Истец подает в суд исковое заявление с требованием пресечения действий ответчика по продаже игрушек с использованием его товарного знака, а также о взыскании компенсации. Истец полагает, что, поскольку основным видом деятельности ответчика является розничная продажа детских товаров, существует реальная угроза нарушения его товарного знака. После получения иска ответчик перестает предлагать к продаже спорный ассортимент, а в суде ссылается на то, что проданная игрушка была в единственном экземпляре и дальнейшая реализация подобного това-

ра осуществляться не будет. Как правило, у истца не находится нужных доказательств, подтверждающих длительный характер нарушения, ввиду поспешного обращения в суд с исковым заявлением.

В судебной практике это очень распространенная ситуация. И, к сожалению, доказать длящийся характер нарушения очень сложно, особенно если иск подан слишком рано. Если произвести закупку товара несколько раз с определенным временным интервалом, то шансы на удовлетворение требования о пресечении незаконного использования исключительных прав на товарный знак могут возрасти. Нонсенс заключается в том, что если сразу купить несколько товаров, то у суда есть основания для применения п. 36 Обзора судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о защите интеллектуальных прав, утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ от 23.09.2015: одним случаем нарушения является одна сделка купли-продажи (оформленная одним чеком) независимо от количества проданных товаров, на которые нанесен один и тот же товарный знак. Таким образом, для подтверждения длящегося характера нарушения при защите исключительных прав на товарный знак необходим длительный сбор доказательств нарушения.

При этом, например, в постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 02.04.2013 № 15187/12 четко указано, что пресечение действий, нарушающих исключительное право на результат интеллектуальной деятельности либо создающих угрозу нарушения такого права, осуществляется независимо от вины нарушителя и за его счет.

Любопытный вывод сделал СИП в постановлении от 20.11.2020, изменяя судебные акты нижестоящих инстанций по делу № А76-16021/2018: «Как усматривается из материалов дела, истцом в качестве доказательства нарушения ответчиком исключительных прав представлены нотариально удостоверенные протоколы осмотра письменных доказательств, т.е. в подтверждение правонарушения приведены конкретные факты использования ответчиками на сайтах в сети Интернет (<https://zavodpso.ru/> и <https://www.pso-gk.com/>) обозначения, сходного до степени смешения с товарным знаком истца. Ответчиками в ходе рассмотрения дела в судах первой и апелляционной инстанций не представлены доказательства удаления интернет-страниц, указанных в представленных истцом протоколах осмотра. Таким образом, ответчики добровольно не выполнили требования об удалении спорного обозначения с тех ресурсов, в отношении которых истцом доказан факт незаконного использования. С учетом изложенного суд кассационной

инстанции отклоняет аргумент заявителей кассационных жалоб о том, что судебные акты в части запрета использования товарного знака, правообладателем которого является общество «ЭСБ-Технологии», на интернет-сайтах <https://zavodpso.ru/> и <https://www.pso-gk.com/>, свидетельствуют об удовлетворении абстрактных требований и являются неисполнимыми. Вместе с тем судебная коллегия соглашается с доводами общества «ПСО-Эволюшн» о том, что требования о запрете использования спорного обозначения в контекстной рекламе в данном случае носили абстрактный характер, в связи с чем судебные акты в части удовлетворения такого требования нельзя признать мотивированными и исполнимыми.

Из материалов дела и обжалуемых судебных актов не усматривается, что истцом было доказано непосредственное использование ответчиками спорного обозначения в контекстной рекламе; мотивировочные части судебных актов не содержат ссылок на доказательства, на основании которых суды пришли к выводам о таком использовании».

Таким образом, получается, что доказательств удаления информации об использовании чужого товарного знака с интернет-сайта ответчики не предоставили, поскольку вообще не считали, что используют чужой товарный знак, следовательно, запрет возможен, хотя истец доказал нарушение только на момент обращения в суд. Поскольку в контекстной рекламе были представлены те же самые доказательства, то запрет на будущее время невозможен. И невозможен не потому, что по общим правилам в контекстной рекламе невозможно использовать товарный знак, так как это всего лишь технико-качественный показатель, а потому что не доказано непосредственное использование ответчиками спорного обозначения в контекстной рекламе.

Стоит заострить внимание на применении рассматриваемого автором способа защиты в патентных спорах.

Так, отменяя решение от 17.09.2020 Арбитражного суда Челябинской области по делу № А76-29453/2019 Восемнадцатый арбитражный апелляционный¹ суд указал: «Как разъяснено в абзаце третьем пункта 57 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации», требование о пресечении действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения, может быть удовлетворено только в том случае, если противоправное поведение конкретного лица

¹ См.: Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 15.12.2020 по делу № А76-29453/2019.

еще не завершено или имеется угроза нарушения права. Так, не подлежит удовлетворению требование о запрете предложения к продаже или о запрете продажи контрафактного товара, если такой принадлежавший ответчику товар им уже продан. Требования об общем запрете конкретному лицу на будущее использовать результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации также не подлежат удовлетворению. Такой запрет установлен непосредственно законом (абзац третий п. 1 ст. 1229 ГК РФ). В материалах дела отсутствуют доказательства того, что спорное изделие изготавливается и предлагается к продаже ответчиком в период с даты обращения в суд с иском до даты принятия решения. С учетом вышеприведенных разъяснений высшей судебной инстанции требование о пресечении действий, нарушающих право или создающих угрозу нарушения, может быть удовлетворено только в том случае, если противоправное поведение конкретного лица еще не завершено или имеется угроза нарушения права. В рассматриваемом случае оба эти условия отсутствуют, что является самостоятельным и достаточным основанием для отказа в удовлетворении исковых требований. Иное истцом не доказано. С учетом изложенного, у суда первой инстанции отсутствовали основания для удовлетворения исковых требований. При таких обстоятельствах обжалованный судебный акт подлежит отмене в связи с несоответствием выводов, изложенных в решении, обстоятельствам дела».

Суд по интеллектуальным правам в постановлении от 21.04.2021¹ по этому же делу поддержал выводы апелляционной инстанции, указав: «Суд кассационной инстанции также соглашается с выводом суда апелляционной инстанции о том, что абстрактные требования об общем запрете конкретному лицу на будущее в любое время использовать результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации в силу закона не подлежат удовлетворению. Соответствующий запрет установлен непосредственно законом».

Автор настоящей статьи не совсем согласен со столь категоричными выводами именно в патентных спорах, и вот почему. Приведем такой пример. Крупное юридическое лицо выпускает продукцию с нарушением формулы изобретения, используя независимый пункт его формулы. Узнав об этом, патентообладатель обращается в суд с требованием запретить использование своего изобретения и изготовления его в дальнейшем. Нарушитель в день получения иска издает приказ

¹ См.: Постановление Суда по интеллектуальным правам от 21.04.2021 по делу № А76-29453/2019.

о прекращении деятельности по выпуску спорной продукции. Какие именно доказательства должен представить ответчик, чтобы в отношении него невозможно было применить требование о запрете действий, и чем истец может доказать, что угроза нарушения все же остается, несмотря на прекращение производства, и удовлетворение требования о пресечении таких действий необходимо? Ведь в случае отказа в удовлетворении требования, предусмотренного подп. 2 п. 1 ст. 1252 ГК РФ, ничто не мешает ответчику издать новый приказ о возобновлении деятельности по выпуску спорной продукции. Это и есть основная проблема: суд возложил на истцов обязанность доказать, что нарушение имеет место именно в день вынесения судебного решения. По мнению автора, такая ситуация абсурдна.

Наиболее удачно по этому поводу высказался ФАС Северо-Кавказского округа в постановлении по делу № А53-13635/2006-С4-41В от 22.03.2007: в силу ст. 14 Патентного закона Российской Федерации от 23.09.1992 № 3517-1 (далее — Патентный закон РФ) патентообладатель вправе потребовать прекращения уже имеющего место и длящегося ко времени обращения в суд нарушения патента, но не запрета на совершение каких-либо действий в будущем.

Несмотря на то что указанный закон утратил силу с 1 января 2008 г., правовые позиции, изложенные в нем, актуальны и в настоящее время. Правильно, если правообладатель доказал, что нарушение имело место при обращении в суд. На каком основании суды стали требовать подтверждения нарушения на день вынесения решения? Ведь это ведет к злоупотреблениям со стороны нарушителей патентов.

По мнению автора, именно применение судами правовой позиции, изложенной в постановлении ФАС Северо-Кавказского округа по делу № А53-13635/2006-С4-41В от 22.03.2007 г. и ст. 14 Патентного закона РФ, должно быть основополагающим решением проблемы, указанной выше.

А. С. Ворожевич в учебном пособии «Правовая охрана изобретений и полезных моделей» [2] сравнивает три подхода к удовлетворению требования о пресечении действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения: немецкий, американский и российский.

Немецкий подход традиционно ориентирован на максимально возможную защиту интересов правообладателя, обратившегося с иском о нарушении принадлежащего ему исключительного права. Плюсы данного подхода в том, что объекты интеллектуальной собственности защищены максимально эффективно, а минусы могут быть связаны лишь со злоупотреблениями со стороны правообладателей.

Американский подход предполагает предельно гибкую и многовариантную оценку патентных споров. Признание того факта, что субъект без разрешения патентообладателя использовал результат интеллектуальной деятельности, не означает, что подобное использование будет запрещено. Как закреплено в §283 Патентного закона США, суды обладают полномочиями при установлении факта патентного нарушения предоставлять предписания в соответствии с принципом справедливости в целях предотвращения любых нарушений патентных прав на таких условиях, какие сочтут целесообразными. Плюсами данного подхода является то, что американские суды могут подойти к вынесению решения творчески и определить ответственность по справедливости. В американской системе понятно, зачем нужен большой диапазон при взыскании суммы компенсации. Минусами данного подхода может являться длительность рассмотрения споров.

В российской системе права, по мнению А. С. Ворожевич, такой подход, как пресечение действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения, является универсальным для всех случаев нарушения исключительных прав. Несомненно, он применяется вне зависимости от выплат компенсации, достаточно лишь установления факта нарушения исключительных прав.

Анализ конкретных судебных дел свидетельствует о том, что российский суд в случае нарушения исключительного права удовлетворяет требования истца и о выплате убытков, и о пресечении действий, нарушающих его право. При этом судом не исследуются такие факторы, как общественный интерес к разработке; соразмерность мер защиты нарушению; заинтересованность истца в объекте интеллектуальной собственности; его добросовестность и т.д.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что применительно к патентным правоотношениям такой способ защиты, как пресечение действий, нарушающих право, на практике наиболее оправдан.

Стоит подробнее остановиться на существующей сегодня проблеме исполнения таких судебных актов.

С 1 июня 2015 г. в российском законодательстве появился новый правовой институт — судебная неустойка (астрент), которая была введена Федеральным законом от 08.03.2015 № 42-ФЗ и закреплена в п. 1 ст. 308.3 ГК РФ. Согласно данному пункту, в случае неисполнения должником обязательства кредитор вправе требовать по суду исполнения обязательства в натуре либо требовать присудить в его пользу денежную сумму. Согласно позиции Пленума Верховного Суда

РФ, отраженной в постановлении от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» (далее — постановление Пленума ВС РФ от 24.03.2016 № 7), правила п. 1 ст. 308.3 ГК РФ не применяются при разрешении споров административного характера, а также трудовых, пенсионных, семейных споров и споров, связанных с социальной поддержкой. Данная неустойка может быть применима только в случае неисполнения гражданско-правовых обязанностей.

По общему правилу сфера интеллектуальной собственности попадает под применение данной неустойки в случае неисполнения судебного акта.

В результате присуждения судебной неустойки исполнение решения должно оказаться для ответчика явно более выгодным, чем его неисполнение (см. п. 1 ст. 308.3 ГК РФ, абзац первый п. 28, абзац первый п. 30, п. 32 постановления Пленума ВС РФ от 24.03.2016 № 7). При этом, на взгляд автора, применение астрента было бы более удобным и понятным на практике, если бы Верховный Суд РФ определил пределы компенсации за неисполнение требований о пресечении действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения.

Подводя итог, следует еще раз обратить внимание: **несмотря на то что законодателем предусмотрены различные способы защиты интеллектуальных прав, важно в каждом конкретном случае правильно определить, какой из них в полной мере способен восстановить нарушенное право.** Во многом именно от этого будет зависеть исход дела. Поскольку восстановление нарушенного права должно соответствовать нарушению, значит, и способ защиты должен соответствовать степени вины нарушителя.

Требование о пресечении действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения, предъявляемое к лицу, совершающему такие действия или осуществляющему необходимые приготовления к ним, с одной стороны, действительно универсальное средство, которое может применяться не только в интеллектуальной собственности, но и во многих других областях права. Но есть огромная сложность в применении данного способа: требование о пресечении действий лица, создающих угрозу продолжения нарушения, является законным способом для восстановления нарушенного права, а требование об общем запрете конкретному лицу на будущее использовать результат интеллектуальной деятельности в силу закона не подлежит удовлетворению. Зачастую данные требования различить бывает невозможно, что, к сожалению, приводит к разнообразной и, как пра-

вило, противоречивой правоприменительной практике даже в одной отрасли права.

Библиография

1. *Андреев Ю. Н.* Судебная защита исключительных прав: цивилистические аспекты: монография. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. — 400 с.
2. *Ворожевич А. С.* Правовая охрана изобретений и полезных моделей: учебное пособие для магистров. — М.: Проспект, 2017. — 192 с.
3. *Джермакян В. Ю.* 900 вопросов по товарным знакам: разъяснения правоприменительной практики. — Подготовлено для системы «КонсультантПлюс», 2019.
4. *Карабанов А. А., Доронина М. В.* Товарный знак: как создать и защитить. — М.: Российская газета, 2018. Вып. 7. — 144 с.
5. *Подшивалов Т. П.* Негаторный иск: проблемы теории и практики: монография. — М.: Инфотропик Медиа, 2019. — 340 с.
6. *Сагдеева А. В.* Требования о пресечении действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. — 2019. — № 1. — С. 55–62.
7. *Яценко Т. С.* Гражданско-правовая защита публичных интересов: монография / под науч. ред. В. С. Ема. — М.: Статут, 2016. — 312 с.

*Т. Т. Алиев,
доктор юридических наук, профессор,
Почетный адвокат России,
и.о. заведующего кафедрой авторского права,
смежных прав и частноправовых дисциплин ФГБОУ ВО
«Российская государственная академия
интеллектуальной собственности»,
профессор кафедры гражданского и уголовного права и процесса
ФГБОУ ВО «Сочинский государственный университет»
(г. Москва, tta70@mail.ru)*

Современное искусство как объект авторского права: стрит-арт

В статье ставится вопрос о том, что такое стрит-арт, и исследуется природа этой новой формы искусства. Изучены проблемы применения института авторских прав к произведениям стрит-арта, проводится различие между легальными и нелегальными произведениями стрит-арта.

Ключевые слова: стрит-арт, право интеллектуальной собственности, авторское право, производство искусства, право собственности.

О понятии «стрит-арт». Несмотря на то что понятия уличного искусства и стрит-арта практически дублируют друг друга, между ними существуют тонкие отличия. Представляется, что стрит-арт как широко распространенное и используемое в прессе понятие включает в себя по формальному признаку все виды уличной активности, производимые «художником».

Для художника стрит-арт — практика, объединяющая различные формы творческой деятельности в городском и общественном пространстве (граффити, стрит-арт, городские интервенции и т.д.). Среди основных критериев, по которым стрит-арт отличается от других форм, можно назвать: незаконность производства, яркое социально-крити-

ческое послание, «партизанство» (отражение и распространение идеи свободного выражения или действия, направленного на переосмысление и реструктуризацию городской среды и общества в целом), гражданские инициативы с максимально широким диапазоном визуальных эффектов и медиа [4].

Стрит-арт как произведение изобразительного искусства. Согласно Гражданскому кодексу Российской Федерации (далее — ГК РФ), для охраны произведения необходимо, чтобы оно существовало в объективной форме и создавалось в результате самостоятельной творческой деятельности. Стрит-арт соответствует указанным выше критериям. Кроме того, для него характерны такие особенности пластического искусства, как материальная форма, своеобразие, мастерство, визуализация [10]. Еще одной важной особенностью стрит-арта является его недолговечность.

В п. 1 ст. 1225 ГК РФ произведения изобразительного искусства упоминаются в перечне объектов интеллектуальных прав.

Правовая природа нелегальных произведений стрит-арта

Одним из первостепенных недостатков сферы стрит-арта в правовом аспекте является то, что многие произведения создаются противозаконно (на объекте имущества без согласия владельца) [1], что влечет сложности с их охраной. На этот счет имеются две точки зрения. Приверженцы одной из них, к примеру В. А. Удалкин, считают, что, поскольку в этом случае автор нарушает общие принципы общественного права, злоупотребляет своим правом, произведению должно быть отказано в защите [7]. Нелегальный стрит-арт может квалифицироваться как административное правонарушение (ст. 7.17, 20.1 КОАП РФ) и даже как преступление (ст. 167, 213, 214 УК РФ) и наказываться штрафом, обязательными или исправительными работами. Имеется и другая точка зрения: если стрит-арт отвечает минимальным требованиям охраноспособности, он должен охраняться авторским правом даже в том случае, когда изображение выполнено противозаконно; поскольку авторское право касается лишь нематериального сегмента произведения, преступления художника в отношении материального объекта, на который нанесено граффити, не должны исключать его охрану авторским правом [9]. Административные и уголовно-правовые санкции выступают достаточным наказанием для тех, кто противозаконно рисует граффити; лишение их авторских прав было бы ненужным дополнением [9].

Однако не стоит забывать, что права художников на стрит-арт ограничены. Действительно, авторское право распространяется лишь на нематериальный аспект произведения, тогда как права на его физическое воплощение остаются у владельца. Из этого следует, что художники не имеют права на материальную составляющую собственных произведений, а собственник помещения не может заявить иск о нарушении авторского права, так как он не приобретал авторские права на произведение. С другой стороны, создатели нелегального уличного искусства могут воспользоваться правом на защиту целостности и неприкосновенности своей работы от действий третьих лиц. Следовательно, существует доктрина, согласно которой произведение уличного искусства соответствует минимальным условиям охраноспособности и может быть защищено авторским правом.

Согласие собственника как ключевой элемент для признания стрит-арта легальным. Согласие собственника объекта, на который нанесена работа, имеет принципиальное значение для признания стрит-арта законным. С согласия владельца создание произведения уличного искусства не влечет за собой штрафных санкций к художнику.

Однако согласие владельца на создание произведения не всегда гарантирует соблюдение прав художников. В контексте этой проблемы можно рассмотреть дело о центре стрит-арта 5 Pointz в Нью-Йорке. Произведения стрит-арта были нанесены на здание с согласия собственника. В дальнейшем хозяин принял решение сломать принадлежащую ему постройку и возвести на ее месте два новых многоэтажных помещения, что влекло за собой уничтожение всевозможных произведений стрит-арта. Художники обратились в суд, тем не менее их иск не был удовлетворен. Через пару дней после этого решения владелец здания покрасил все произведения стрит-арта на еще не разрушенном здании. Он обосновывал свое решение тем, что, по его мнению, уничтожение произведений должно было привести к окончанию спора. Судья, выносивший решение по делу, много раз критиковался в правовой литературе, в том числе в [6]. Автор статьи убеждена, что произведения стрит-арта, пользующиеся «признанным авторитетом», имеющие социальную и культурную ценность, должны охраняться. Главная проблема в том, что часто судьи сами решают, стоит ли защищать конкретное произведение, вместо того, чтобы привлекать к делу искусствоведа. Следовательно, существует опасность того, что «нетрадиционные» формы искусства не защищены, хотя они имеют социальную и культурную ценность. Из этого можно сделать вывод, что даже наличие согласия собственника не всегда гарантирует соблюдение прав автора произведения стрит-арта.

Личные неимущественные права авторов на произведения стрит-арта. Российское законодательство выделяет следующие личные неимущественные права авторов:

- право авторства (п. 1 ст. 1265 ГК РФ);
- право на имя (п. 1 ст. 1265 ГК РФ);
- право на обнародование произведения (ст. 1268 ГК РФ);
- право на отзыв (ст. 1269 ГК РФ);
- право на неприкосновенность произведения (п. 1 ст. 1266 ГК РФ).

1. Согласно ст. 1257 ГК РФ, автором произведения признается гражданин, творческим трудом которого оно создано. По смыслу этой же статьи автором считается лицо, указанное на оригинале или экземпляре произведения, если не доказано иное.

Главными проблемами в этой сфере выступают присвоение и приписывание авторства на произведение. Как пример можно привести случай, когда произведение стрит-арта без согласия автора было использовано в индустрии моды: спор между брендом «Роберто Кавалли» (Roberto Cavalli) и художниками Ревоком (Revoke), Рэйсом (Reyes) и Стилом (Stieel). Роберто Кавалли для одного из платьев использовал созданную группой художников картину без их согласия, дополнительно поставив под рисунком свою подпись, тем самым нарушил право авторства [3]. Тот факт, что произведение находится в общедоступном месте, не означает, что оно может быть использовано в коммерческих целях без согласия автора, а тем более — с соответствующим авторством.

2. Суть права на имя заключается в возможности автора произведения самостоятельно выбирать, под каким обозначением будут существовать его произведения. Автор может использовать и разрешать использование своих работ под своим именем, псевдонимом или коллективным псевдонимом. Это право играет ключевую роль в творчестве уличных художников. Подавляющее большинство из них склонны скрывать свое настоящее имя, поэтому выбирают себе псевдоним. В сфере стрит-арта этот псевдоним называют «тегом». Одним из самых известных примеров является такая культовая фигура, как уличный художник, работающий под псевдонимом Бэнкси. Бэнкси является одним из наиболее известных райтеров, его работы находят признание по всему миру, а в 2016 г. под псевдонимом Бэнкси вышла книга *Wall and Piece* («Стена и мир»).

3. Согласно ст. 1268 ГК РФ, правом на обнародование произведения считается право осуществить действие или дать согласие на осуществ-

вление действия, которое впервые делает произведение доступным для всеобщего сведения путем его опубликования, публичного показа, публичного исполнения, сообщения в эфир или по кабелю либо любым другим способом. Произведения уличного искусства могут считаться обнародованными в момент их создания авторами.

Право на публикацию произведения является обратимым. Это осуществляется посредством права отзыва работы, которое в ст. 1269 ГК РФ определяется как право отказаться от ранее вынесенного решения о публикации произведения. Интерес заключается в том, в какой степени право на отзыв может быть реализовано в отношении произведений уличного искусства. В соответствии со ст. 1269 ГК РФ право на отзыв может быть осуществлено автором произведения только до его фактического опубликования. Как было сказано выше, произведения уличного искусства публикуются сразу после их создания. Таким образом, применительно к произведениям стрит-арта нельзя говорить о возможности осуществления автором права на отзыв. Это не означает, что художник не может удалить или закрасить свое произведение по согласованию с собственником объекта, на который оно нанесено. Также стрит-арт может быть удален под воздействием естественных природных явлений, посредством действий коммунальных служб или других художников.

4. Смысл права на неприкосновенность произведения, согласно ст. 1266 ГК РФ, состоит в том, что внесение изменений, сокращений и дополнений в работу, снабжение работы иллюстрациями, предисловием, послесловием, комментариями или какими-либо пояснениями без согласия автора не допускаются. В отношении произведений уличного искусства значение этого права заключается в том, что автор имеет право защищать произведение от различных воздействий: нанесения рисунков, заметок других художников, других лиц, любого другого искажения произведения. Рассмотрим случай, когда певица Кэти Перри появилась на публике в платье из коллекции Москино (Moschino), в дизайне которого было без согласия автора использовано граффити художника Джозефа Тирни (Joseph Tierney), творящего под псевдонимом Джереми Райм (Rime). Более того, создатель платья — Джереми Скотт нанес собственные наброски поверх рисунка, чем нарушил еще и право автора на неприкосновенность произведения [8].

Исключительные права. Рассмотрим действие исключительных прав на произведения стрит-арта. Суть заключается в использовании автором своего произведения любым не запрещенным законом способом и получении прибыли от продажи его произведения. Основная

проблема охраны опубликованных произведений — их использование третьими лицами в коммерческих целях. Согласно ст. 1276 ГК РФ, произведения стрит-арта не могут быть использованы третьими лицами с целью извлечения прибыли. Примером незаконного коммерческого использования уличного искусства является спор между художницей Майей Хаюк, с одной стороны, и певицей Сарой Бареллис и брендом Soach — с другой. Бареллис использовала граффити Хаюк в качестве основного изображения в своих рекламных материалах без согласия автора. Хаюк подала в суд и взыскала по \$150 000 с обоих ответчиков [5].

Представляет интерес вопрос о том, как этот спор разрешился бы в соответствии с российским законодательством. Очевидно, что произведение Хаюк является произведением изобразительного искусства и было неправильно использовано без согласия автора. Так, согласно ст. 1229 ГК РФ, «другие лица не могут использовать соответствующий результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации без согласия правообладателя, за исключением случаев, предусмотренных настоящим Кодексом». Статья 1276 ГК РФ разрешает свободное использование произведения, которое постоянно находится в месте, открытом для свободного посещения, за исключением случаев, когда изображение произведения является основным объектом использования или используется с целью извлечения прибыли, поэтому в таком случае иск автора был бы удовлетворен.

В качестве другого примера рассмотрим конфликт между певицей Кайзой и уличным художником, работающим под псевдонимом Джейми Хеф. Хеф обвинил Кайзу в злоупотреблении использованием его граффити. Речь шла о клипе певицы на песню Hideaway, в котором на заднем плане в кадре фигурирует работа Хефа. При этом она не была основным объектом репродукции, а просто случайно попала в кадр. Несмотря на то что ролик был снят для коммерческого использования, вряд ли можно сказать, что именно работа Хефа стала причиной его успеха. Кроме того, если проводить параллели с российским законодательством, важно обратить внимание на п. 2 ст. 1276 ГК РФ, согласно которому разрешается свободное использование изображений произведений архитектуры. В данном случае основной целью картины и главным объектом картины было здание, а не работа Хефа. В этом состоит отличие данного казуса от казуса «Бареллис и Коач против Хаюк», так как в «казусе Хаюк» основным объектом изображения являлось именно произведение стрит-арта.

Право доступа. Право на информацию не распространяется ни на исключительные, ни на личные неимущественные права. Право доступа дает автору часть полномочий владельца над произведением в определенных установленных законом пределах. Право доступа — это право автора изобразительного произведения требовать от собственника оригинала предоставления ему возможности воспроизвести свое произведение. По мнению В. А. Удалкина, автор в рамках осуществления права доступа пользуется правом на воспроизведение произведения [2].

Что касается произведений уличного искусства, право доступа может быть легко реализовано автором, поскольку произведение изначально свободно доступно для публики. Спор может возникнуть, если собственник постройки каким-либо образом откажет в доступе к изображению. В этом случае автор вправе потребовать от собственника объекта допуска его к работе. Однако, если уличное искусство было создано незаконно, владелец собственности может противодействовать иску автора, заявив, что его демонстрация представляет собой злоупотребление правами.

Необходимость правовой защиты произведений стрит-арта. Несмотря на то что уличное искусство, как показано выше, соответствует критериям охраноспособности, в доктрине есть мнение, что сфера уличного искусства является своего рода исключением и не требует какого-либо правового регулирования. Некоторые ученые считают, что уличное искусство является частью художественного движения, регулирование которого с помощью прав интеллектуальной собственности не только увеличивает творчество художников, но и препятствует им. В этом смысле можно говорить об обычае как об источнике норм, поскольку нормы поведения в отношениях между оценщиками выработывались на протяжении всего периода существования граффити самими художниками и не были закреплены в законодательстве. Аналогичную точку зрения высказывает Элизабет Розенблатт в статье «Теория негативного пространства в сфере интеллектуального права» — индустрия стрит-арта идеально вписывается в пространство со слабым регулированием законодательства об интеллектуальной собственности. Автор считает, что творческую индустрию можно проследить до зоны слабого правового регулирования в следующих случаях: 1) когда целью творчества является вознаграждение, которое не зависит от исключительных прав; 2) когда существует высокая заинтересованность общественности или создателя в свободном доступе к произведению без ущерба для творчества; 3) когда исключительное

право может нанести ущерб дальнейшему творчеству; 4) когда художники предпочитают инвестировать ресурсы в дальнейшее творчество, а не в охрану или обеспечение соблюдения прав интеллектуальной собственности. Постепенное разрушение этих произведений искусства побуждает их создателей генерировать новые идеи и сохранять черту уличного искусства как «соответствующего событиям действительности». Отсутствие правового регулирования не станет помехой для создания стрит-арта, уличное искусство продолжит процветать без экономических стимулов.

Однако большинство юристов и деятелей культуры придерживаются мнения, что правовое регулирование сферы уличного искусства необходимо, несмотря на то что это довольно «свободное» направление в искусстве. Например, Селия Лерман считает, что правовая охрана уличного искусства не только не приведет к увеличению количества нелегальных работ, но и побудит художников найти больше легальных мест для изображения граффити [5].

В заключение отметим следующее. Сфера стрит-арта сегодня очень популярна. Стрит-арт выходит на новый уровень, художники не просто оставляют надписи и примитивные рисунки на стенах, а создают настоящие картины. Следовательно, дальнейшее развитие правового регулирования института «нетрадиционного искусства» неизбежно. В процессе правоприменения необходимо совершенствовать методы защиты прав авторов на современные произведения искусства и, в частности, на уличное искусство. Хотя нет специального законодательства об уличном искусстве, оно является объектом авторского права. Тем не менее правоприменителю необходимо помнить и об особенностях такого искусства, как стрит-арт. В случаях, когда норм авторского права и обычаев недостаточно для регулирования отношений касательно произведений уличного искусства, пробелы могут быть заполнены с учетом общих принципов гражданского права, в частности: принципов незлоупотребления правом, неприкосновенности собственности, беспрепятственного осуществления гражданских прав, справедливости и др.

Библиография

1. Павлова Е. А. Авторское право на произведения изобразительного искусства: дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1984. — С. 20.
2. Удалкин В. А. Интеллектуальные права на произведения изобразительного искусства: дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2010. — С. 171.

3. Уличные художники обвинили Роберто Кавалли в воровстве. 2014 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.buro247.kz/fashion/news/roberto-kavalli-oproverg-obvineniya-v-plagiate.html>.
4. Эстетика стрит-арта: сб. ст. / ФГБОУ ВО С.-Петерб. гос. ун-т промышленных технологий и дизайна; под общ. ред. К. А. Куксо. — СПб.: СПбГУПТД, 2018. — 96 с. [Электронный ресурс]. URL: http://publish.sutd.ru/docs/content/st_streetart2018.pdf.
5. Elie Muralist Maya Hayuk sues Sara Bareilles and Coach for copyright infringement. 2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.boweryboogie.com/2014/08/muralist-maya-hayuk-sues-sara-bareilles-coach-copyright-infringement/>.
6. *Fischer S. F.* (2015) Who's the vandal? The recent controversy over the destruction of 5 Pointz and how much protection does moral rights law give to authorized aerosol art? John Marshall review of intellectual property law. Chicago, Vol. 14, 3, 326–356.
7. Graffiti and intellectual property law? 2016, July. — Mode of access [Электронный ресурс]. URL: <http://linkilaw.com/blog/where-does-graffiti-fall-und>.
8. Intellectual property law, trademarks, copyright, and fashion. 2017 / Gray E., Watts R., Chapman S., Coke J. URL: <http://threadnz.ccom/fashion/intellectual-property-law-trademarks-copyright-and-fashion-2/>.
9. *Lerman C.* (2013) Protecting artistic vandalism: graffiti and copyright law. New York university journal of intellectual property and entertainment law. N. Y., Vol. 2, 2, 312.
10. *Smith C. Y. N.* (2015) Street art: An analysis under U. S. intellectual property law and intellectual property's Negative space theory. DePaul journal of art, technology and IP law. Chicago. Vol. 24, 2, 263.

*Р. А. Ахобекова,
юрист компании Dentons
(г. Санкт-Петербург, ruzanna.akhobekova@dentons.com)*

Предмет правовой охраны программ для электронно-вычислительных машин

В настоящей статье исследуется вопрос о предмете правовой охраны программ для ЭВМ. Специфика программ для ЭВМ, которые своим техническим характером отличаются от произведений — классических объектов авторского права, — создает дополнительные сложности при определении предмета их правовой охраны в качестве объекта авторского права. Автор предлагает некоторые подходы к решению рассматриваемого вопроса.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, авторское право, программы для ЭВМ, произведения, объекты авторских прав.

В соответствии со ст. 1259 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) программы для ЭВМ охраняются авторским правом и по своему правовому режиму приравнены к литературным произведениям. До вступления в силу указанной статьи правовая охрана программ для ЭВМ регулировалась отдельным Законом РФ № 3523-1 «О правовой охране программ для электронных вычислительных машин и баз данных», а также общим для всех объектов авторских прав Законом РФ от 09.07.1993 № 5351-1 «Об авторском праве и смежных правах», ныне утратившим силу. В целом история правовой охраны программ для ЭВМ насчитывает около сорока лет.

Однако до сих пор и в отечественной, и в зарубежной научной литературе обсуждается, какой институт правовой охраны является наиболее удачным для программ для ЭВМ [9; 6]. Еще больше дискуссий вызывает вопрос о том, каким должен быть предмет правовой охраны программ для ЭВМ с учетом базовых концепций авторского права. Согласно п. 5 ст. 1259 ГК РФ, «авторские права не распространяются

на идеи, концепции, принципы, методы, процессы, системы, способы, решения технических, организационных или иных задач».

Авторское право охраняет форму произведения, но не саму идею. Этот тезис ярко демонстрируют работы классика отечественной цивилистики В. Я. Ионаса, который выделял элементы внутренней и внешней формы в зависимости от вида произведения, например, для литературных произведений, это были материал, идеология, образная система, сюжет, язык и заглавие [3, с. 28, 46]. Примерно таким же образом анализируют форму различных произведений и современные авторы [2].

При этом некоторые авторы критикуют учение о форме и содержании как слишком неконкретное (связанное не с юридической, а с онтологической стороной произведения) и, опираясь на достижения немецкой цивилистики (учение И. Фихте, получившее впоследствии развитие в трудах Й. Колера и других авторов), предполагают, что в итоге от этого учения стоит отказаться в пользу конкретизации критерия творческого характера создания объекта [4].

В целом такая критика заслуживает поддержки. Однако на данном этапе в условиях российской правовой действительности вряд ли возможен полный отказ от учения о форме и содержании. Именно это учение позволяет конкретнее определить предмет правовой охраны того или объекта авторского права. Как показывает судебная практика, российские суды также опираются на это учение и применяют критерий творческого характера создания для целей отграничения охраняемых объектов от неохранных, а еще чаще — для отграничения охраняемых частей произведения от неохранных. Вероятно, одним из самых показательных в этом плане было судебное дело, в рамках которого суды, в том числе Суд по интеллектуальным правам, отказали в предоставлении правовой охраны формату телепередачи, отметив, что «...не будет охраняться авторским правом концепция или методика, но описание концепции или изложение методики может признаваться произведением, охраняемым авторским правом... Из анализа приведенных норм права следует, что форма выражения содержания (описание) охраняется авторским правом, в то же время сама модель построения, концепция, организационное решение авторским правом не охраняется...»¹

Возвращаясь к предмету правовой охраны программ для ЭВМ, стоит отметить, что большинство работ, которые посвящены этому вопросу, носят полемический характер и, как правило, не предлагают

¹ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 08.05.2015 № А40-84902/2014.

конкретных решений универсального характера. Есть общее понимание, что в силу прямого указания закона предмет правовой охраны программ для ЭВМ распространяется на: исходный текст, объектный код, подготовительные материалы, полученные в ходе разработки программы для ЭВМ, и порожаемые ею аудиовизуальные отображения (ст. 1261 ГК РФ).

Также высказываются предложения относительно охраноспособности тех или иных элементов, которые прямо не перечислены в ст. 1261 ГК РФ (ведь структура программы для ЭВМ является довольно сложной, также не раскрыто в законе понятие «подготовительные материалы»). Например, по оценкам разных авторов, алгоритм программы для ЭВМ является охраноспособным или неохраноспособным. Так, В. А. Корнеев считает, что авторским правом охраняются так называемые литеральные компоненты (исходный и объектный коды), но не алгоритм [5, с. 18]. Н. Ю. Моченов придерживается противоположной позиции и считает, что автор алгоритма (который действительно может быть совсем не тем лицом, которое пишет исходный код программы для ЭВМ) должен быть введен в круг авторов программы для ЭВМ [7, с. 11–12]. Однако практически нет работ, авторы которых концентрировались бы на предложении неких общих правил выделения охраняемых и неохраняемых элементов программ для ЭВМ, т.е. установления более конкретного предмета их правовой охраны. Вместе с тем именно этот путь видится правильным¹: нельзя заранее выделить конкретные элементы и оценить их на предмет охраноспособности, поскольку ситуации могут кардинально отличаться, но можно попробовать выделить общие категории, которые будут иллюстрировать предложенные правила.

Учитывая, что программы для ЭВМ — это объекты авторского права, стоит ориентироваться на давно разработанные в рамках данного права концепции. В частности, кроме названного выше учения о форме и содержании в первую очередь необходимо обратиться к критерию творческого труда создания объекта — единственному критерию охраноспособности объекта авторского права помимо наличия объективной формы выражения (формы фиксации). На данный момент большинство авторов сходятся на том, что творческий характер создания объекта означает не что иное, как самостоятельный независимый труд автора [2; 8, с. 22]. Такой подход также является воплощением признака так называемой субъективной новизны объекта авторского права. При этом согласно правовой позиции высших судебных инстанций,

¹ Ранее автор высказывала эту идею в рамках другой статьи. См. [1, с. 39].

в том числе выраженной в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации», действует презумпция творчества — объекты презюмируются созданными творческим трудом, пока не доказано иное.

Таким образом, для определения предмета правовой охраны программ для ЭВМ следует принимать во внимание две основные концепции: 1) необходимость наличия творческого труда и 2) запрет на предоставление авторско-правовой охраны идеям, концепциям, принципам, методам, способам, решениям технических задач. Основываясь на указанных концепциях, можно предложить несколько основных правил для использования судами при возникновении конфликтных ситуаций и просто любими участниками гражданского оборота, например, при создании производных или похожих программ для ЭВМ.

1. Необходимо предложить факторы, которые исключают творческий характер деятельности и его результата.

При этом использование понятия творчества или творческого характера представляется менее эффективным в практическом плане решением, поскольку руководствоваться какими-либо понятиями и определениями довольно сложно. Напротив, факторы, исключающие творческий характер, достаточно хорошо вписываются в парадигму презумпции творческого характера создания объекта. Суд или лицо, которое хочет проверить охраноспособность тех или иных результатов (и/или их элементов), сможет ориентироваться на эти факторы.

Итак, факторами, которые исключают охраноспособность элементов объекта авторского права, могут быть, например, следующие:

- обусловленность внешними факторами. Для программ это, например, заранее заданные параметры функциональности других программ или устройств, с которыми должна взаимодействовать программа. Кроме того, некоторые стандартные требования, нормативно-правовые акты, алгоритмы создания тех или иных объектов и т.д.;
- обусловленность содержанием в тех случаях, когда отсутствует оригинальная форма представления, не обусловленная содержанием;
- использование стандартных, общепринятых и т.д. в определенной области объектов, элементов.

2. Учение о форме и содержании должно применяться к программам для ЭВМ в адаптированном, а не в классическом виде.

Дело в том, что изначально учение о форме и содержании было разработано для высокохудожественных произведений, в которых

нужно охранять творческие, т.е. несущие «печать автора», элементы произведения. В этой связи Й. Колером была предложена сложная структура — внутренняя и внешняя форма произведения. При этом внутренняя форма включает: «... внутреннюю структуру, внутренний порядок произведения, т.е. определенную последовательность идей, ритмов, определенным образом упорядоченное идейное содержание произведения... и т.п.» [4]. Представляется, что внутренняя форма выделялась Й. Колером в связи с тем, что ее элементы также могли отражать индивидуальность автора. Программы для ЭВМ, являясь сугубо техническими объектами, охраняются авторским правом в силу прямого указания закона, скорее, в качестве исключения. В этой связи видится неоправданным подход, расширяющий правовую охрану до внутренней формы, которая, без сомнения, в программе для ЭВМ во многом будет нести содержательно-техническую составляющую и в гораздо меньшей степени отражать индивидуальность автора. То есть, например, алгоритм программы для ЭВМ некорректно сравнивать с сюжетом литературного произведения. Алгоритм скорее выполняет утилитарную функцию, чем художественную. Как следствие, в отношении программ для ЭВМ не должна выделяться внутренняя форма, т.е. должна предоставляться в терминологии некоторых авторов «тонкая» (thin) [10]¹ правовая защита. Правовой охране должна подлежать только внешняя форма в классическом понимании.

Представляется, что некоторые базовые выводы, к которым автор приходит в настоящей статье, не являются исчерпывающими, но позволят сформировать практически ориентированную доктрину, которая будет использоваться при определении предмета правовой охраны программ для ЭВМ. В частности, к таким базовым выводам относятся следующие:

- 1) необходимость формирования критериев — факторов, которые позволят отсекаать неохраняемые — нетворческие элементы объектов авторских прав. Эти факторы можно назвать «отрицательными»;
- 2) необходимость применения учения о форме и содержании к программам для ЭВМ в адаптированном, упрощенном виде, в соответствии с которым в программе для ЭВМ не будет выделяться внутренняя форма и другие элементы, напрямую не относящиеся к внешней форме или не перечисленные в законе.

¹ Концепция «тонкой» правовой защиты появилась впервые в решении Верховного суда США по делу *Feist Publications, Inc. v. Rural Telephone Services Co.* 2.

Библиография

1. *Ахобекова Р. А.* Производные программы для ЭВМ: почему правовые вопросы сложнее, чем может показаться на первый взгляд // *Хозяйство и право.* — № 8. — С. 29–40.
2. *Витко В. С.* Понятие формы произведения в авторском праве. — М.: Статут, 2020. — 268 с.
3. *Ионас В. Я.* Произведения творчества в гражданском праве. — М.: Юридическая литература. — 168 с.
4. *Кашанин А. В.* Развитие учения о форме и содержании произведения в доктрине авторского права. Проблема охраноспособности содержания научных произведений // *Вестник гражданского права.* — 2010. — № 2. — С. 68–138.
5. *Корнеев В. А.* Программы для ЭВМ, базы данных и топологии интегральных микросхем как объекты интеллектуальной собственности: дис. ... канд. юрид. наук. — Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. — М., 2010. — 215 с.
6. *Леонтьева Ю. А.* Произведение или техническое решение // *Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права.* — 2006. — № 2. — С. 10–16.
7. *Моченов Н. Ю.* Правовая охрана программ для ЭВМ: дис. ... канд. юрид. наук. — Российский государственный институт интеллектуальной собственности. — М., 2007. — 137 с.
8. *Чурилов А. Ю.* К вопросу о творческом характере труда как критерии охраноспособности объектов авторских прав // *Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права.* — 2021. — № 1. — С. 21–27.
9. *Чурилов А. Ю.* Режимы охраны программ для ЭВМ: изобретение, коммерческая тайна или литературное произведение? // *Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права.* — 2017. — № 7. — С. 35–44.
10. *Shiple, David, E.* (2007) Thin But Not Anorexic: Copyright Protection for Compilations and Other Fact Works. UGA Legal Studies Research Paper No. 08-001. *Journal of Intellectual Property Law*, Vol. 15, 1, 92–141.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ И ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ

*Е. Г. Воротилина,
ПАО «Авиационная холдинговая компания «Сухой»,
специалист по интеллектуальной собственности
(г. Москва, vorotilina.e@mail.ru)*

Искусственный интеллект в сфере интеллектуальной собственности

В статье сформулировано научное представление об актуальных проблемах, возникающих в связи с обеспечением охраны и вопросами о принадлежности прав на созданные искусственным интеллектом результаты. Делается вывод о том, что в условиях стремительного развития технологий искусственного интеллекта требуются современные пути решения возникающих вопросов, баланс которых на законодательном уровне будет способствовать инновационному и экономическому развитию страны.

Ключевые слова: искусственный интеллект, цифровые технологии, право, интеллектуальная собственность, ВОИС, исключительное право, правосубъектность искусственного интеллекта.

В настоящее время цифровые технологии являются неотъемлемой частью современного мира, распространяя свое влияние на промышленность, торговлю, науку, медицину, транспорт, экономику, политику, образование и т.д. О проникновении искусственного интеллекта в жизнедеятельность общества свидетельствуют самоуправляемые автомобили, виртуальные помощники, роботы, онлайн-торговля и т.д. Научно-технический прогресс неразрывно связан с внедрением искусственного интеллекта, области применения которого расширяются с каждым годом.

Следует отметить вклад искусственного интеллекта в борьбу с коронавирусной инфекцией, поразившей весь мир в 2020 г. Применение искусственного интеллекта позволило обеспечить контроль передвиже-

ния населения, прогноз вспышек заболеваемости, проведение анализов, осуществление исследований для разработки вакцины или лечения и постановки диагноза.

Однако применение технологии искусственного интеллекта сопровождается возникновением обширного круга правовых проблем, поскольку правовая природа искусственного интеллекта не является однозначно определенной.

Основные вопросы связаны с правосубъектностью систем искусственного интеллекта, признанием авторства результатов интеллектуальной деятельности искусственного интеллекта и принадлежностью исключительных прав.

Как считает Ф. Гарри, в будущем искусственный интеллект повлияет на традиционные понятия в области интеллектуальной собственности [5].

Результаты деятельности систем искусственного интеллекта имеют экономическую ценность, и очевидно их использование в ближайшем будущем. Но все-таки в рамках действующей правовой системы имеются ограничения для развития отношений, возникающих в рассматриваемой области, что может отрицательно сказаться на научно-техническом прогрессе.

Таким образом, существует потребность в формировании комплексного представления и осмыслении правовой охраны результатов деятельности юнитов, т.е. носителей искусственного интеллекта, и определении принадлежности прав на них с последующей выработкой теоретических положений, рекомендаций по совершенствованию действующего законодательства с учетом международных тенденций и практик.

Согласно ст. 1228 Гражданского кодекса Российской Федерации, для создания результата интеллектуальной деятельности необходим автор, а именно физическое лицо, творческим трудом которого он создан, и соответственно такому результату может быть предоставлена правовая охрана¹. Таким образом, автор и его творческий труд являются обязательными условиями для предоставления результату интеллектуальной деятельности правовой охраны.

Предоставление правовой охраны результатам интеллектуальной деятельности, которые созданы человеком вследствие его творческого

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвертая от 18.12.2006 № 231-ФЗ (в ред. от 26.07.2019) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2006. — № 52, ч. 1, ст. 5496. — С. 14803–14949.

труда, является традиционным подходом в законодательстве Российской Федерации и многих зарубежных стран.

В нормах Европейской патентной конвенции закреплено положение, что автором результата интеллектуальной деятельности может быть только физическое лицо. Юридическое лицо и система искусственного интеллекта по определению не могут являться автором. Искусственный интеллект не наделен правоспособностью и не может стать владельцем личных неимущественных и имущественных прав. Таким образом, первоначальным автором и обладателем исключительного права на результат интеллектуальной деятельности искусственного интеллекта в Евросоюзе будет выступать лицо, которое обнаружило результат, используя систему искусственного интеллекта как инструмент [3].

Установление авторства имеет основополагающее значение для выстраивания системы правовой охраны результатов интеллектуальной деятельности. Поэтому сомнение в авторстве определенного лица является препятствием для возникновения исключительного права.

Следовательно, для того чтобы решить вопрос о возможности предоставления правовой охраны результатам интеллектуальной деятельности, созданным системами искусственного интеллекта, и, как следствие, проблему принадлежности исключительного права на такие результаты необходимо определить, кто является автором.

Человек и его творческий труд составляют фундаментальную основу концепции правового регулирования в области интеллектуальной собственности, и от толкования таких составляющих зависит решение вопроса о признании авторства результата интеллектуальной деятельности и предоставлении результату правовой охраны.

Рассуждая о результатах деятельности систем искусственного интеллекта, можно сказать, что ответ на вопрос об их авторстве неоднозначен.

Казалось бы, вполне логичным будет признание автором разработчика системы искусственного интеллекта, которая создает объекты интеллектуальных прав, так как именно его творческим трудом она запрограммирована на получение конечного результата.

Но когда после начального программирования искусственный интеллект независимо создает результаты, их связь с творческим вкладом разработчика уже не столь очевидна. В таком случае признание автором разработчика остается под вопросом.

Таким образом, созданные искусственным интеллектом результаты остаются вне сферы правового регулирования, поскольку отсутствует автор результата интеллектуальной деятельности.

На этапах эволюции человек создавал себе первые орудия труда, которые видоизменялись, совершенствовались и переросли в современные технически сложные инструменты. И в традиционном представлении все они выступают лишь инструментом в руках человека. Но сегодня такие инструменты самостоятельно создают результаты интеллектуальной деятельности и творческий контент. Современные системы искусственного интеллекта уже не просто инструмент, а гораздо больше, поэтому для регулирования возникающих общественных отношений действующих законодательных норм недостаточно.

Творчество систем искусственного интеллекта не похоже на творчество человека, поэтому существуют различные мнения относительно получаемых результатов. Например, Е. П. Сесицкий считает, что система искусственного интеллекта не обладает интеллектом, в связи с чем говорить следует не о результатах интеллектуальной деятельности, а о потенциально охраноспособных результатах [4].

К научным трудам, которые представляют в этой связи особый интерес, относится исследование П. М. Морхата, в котором анализируются вопросы правосубъектности юнитов искусственного интеллекта. П. М. Морхат делает вывод о том, что разработчик системы искусственного интеллекта не является автором созданного ей результата, поскольку он не предполагал получение такого результата. В целом он считает, что на сегодняшний день не существует необходимости законодательных изменений в отношении правосубъектности юнитов искусственного интеллекта [2].

В трудах ученых в рассматриваемой области преобладают следующие возможные варианты решения проблем, связанных с охраной результатов деятельности искусственного интеллекта:

- искусственный интеллект может выступать полноправным автором созданных им результатов;
- искусственный интеллект будет являться только лишь инструментом в руках человека для получения результатов интеллектуальной деятельности, и авторство результатов будет принадлежать программистам, производителям искусственного интеллекта или его пользователям;
- результаты деятельности искусственного интеллекта можно приравнять к служебным результатам, здесь искусственный интеллект соответственно будет выступать как работник, выполняющий свои обязанности;
- авторство результатов деятельности искусственного интеллекта не будет за кем-либо закреплено.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что существующая система правового регулирования не позволяет однозначно решить возникающие вопросы обеспечения правовой охраны творений юнитов искусственного интеллекта.

С 1 июля 2020 г. проводится пятилетний эксперимент по введению технологий искусственного интеллекта на территории Москвы в рамках национальной стратегии развития искусственного интеллекта. Задачей эксперимента является формирование правового режима, возникающего в результате разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта и использования результатов применения искусственного интеллекта в дальнейшем¹.

Действующее законодательство Российской Федерации не обеспечивает возможность закрепления правовой охраны результатов деятельности, созданных юнитами искусственного интеллекта. Наша страна находится в самом начале пути по выстраиванию фундаментальной научно-исследовательской деятельности в направлении изменения правовых норм в области интеллектуальной собственности в целях обеспечения эффективной охраны деятельности искусственного интеллекта. Поэтому важно принимать во внимание зарубежный опыт.

Первые вопросы по охране результатов деятельности искусственного интеллекта касались произведений, созданных машинами, и поднимались еще в 1991 г. в рамках работы Всемирной организации интеллектуальной собственности (далее — ВОИС). Специалисты разрабатывали проект протокола к Бернской конвенции, содержащий предложения по возможному решению вопросов охраны таких результатов. Было предложено ввести понятие «произведение, созданное компьютером», которое означало бы произведение, созданное посредством компьютера, когда смешивается творческий вклад человека и сущность произведения так, что невозможно признать авторство в отношении совершенного вклада. Предлагалось признать обладателем исключительного права такого произведения физическое или юридическое лицо, которое сделало приготовления, необходимые для создания произведения [6]. Но все-таки результаты дискуссий так и не были воплощены в международных нормах.

¹ Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных».

В 2019 г. ВОИС впервые организовала дискуссию, где обсуждалось влияние искусственного интеллекта на институт интеллектуальной собственности. С помощью такого формата ВОИС хочет найти общие точки соприкосновения и разработать общие стандарты, определения и подходы, которые могут перерасти в законодательные нормы [1].

Принимая во внимание происходящие в мире процессы активизации цифровых технологий, становится ясным, что формирование гармонизированного подхода к решению вопросов охраны результатов интеллектуальной деятельности юнитов искусственного интеллекта будет эффективным в результате объединения трудов стран и ключевых организаций в области интеллектуальной собственности на международном уровне под эгидой ВОИС.

Подводя итог, можно сделать вывод, что относительно субъекта прав на результаты, созданные искусственным интеллектом, среди исследователей нет единства точек зрения. На сегодняшний день не имеется четко сформулированного и общепризнанного понятия «искусственный интеллект», существует много дефиниций и трактовок этого понятия в интерпретации различных известных ученых и в ряде нормативно-правовых актов, в том числе зарубежных.

В первую очередь для урегулирования вопросов охраны результатов, создаваемых системами искусственного интеллекта, необходимо утвердить определение искусственного интеллекта, которое будет использоваться при дальнейшем развитии законодательства.

Кроме того, необходимо включить результаты интеллектуальной деятельности юнитов искусственного интеллекта в перечень объектов гражданских прав и предоставлять им правовую охрану. В связи с этим логично было бы в перечне объектов интеллектуальной собственности указать и объекты, созданные искусственным интеллектом, соответствующим образом дополнив нормативные документы.

Уже сегодня создаваемые искусственным интеллектом объекты имеют ценность и конкурентоспособны, а в обозримом будущем их количество будет увеличиваться. Как следствие, необходимо обеспечить разработчикам искусственного интеллекта и всем субъектам, взаимодействующим с ним в процессе создания результатов, стимул, позволяющий защищать инвестиции, тем самым придать созданным объектам экономическую ценность. В связи с чем результатам, созданным искусственным интеллектом, возможно предоставить правовую охрану смежным правом.

Очевидно, что необходима дальнейшая разработка темы, поскольку современные технологии и достижения в цифровом пространстве

создают потребность в развитии правовых механизмов охраны интеллектуальных прав на международном и национальном уровнях. Вследствие этого необходимо осмыслить и решить возникающие вопросы обеспечения правовой охраны творений носителей искусственного интеллекта.

Библиография

1. Дискуссия ВОИС на тему «Интеллектуальная собственность и искусственный интеллект», 2019 [Электронный ресурс]. URL: https://www.wipo.int/about-ip/ru/artificial_intelligence/conversation.html (дата обращения: 10.02.2021).
2. *Морхат П. М.* Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03. — М., 2018. — 420 с.
3. *Сесицкий Е. П.* Проблемы правовой охраны результатов, создаваемых системами искусственного интеллекта: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. — М., 2019. — 218 с.
4. *Сесицкий Е. П.* Правовая охрана контента, генерируемого искусственным интеллектом, в рамках законодательства об авторском праве // XXIII Международная конференция Роспатента, круглый стол «Авторское право в цифровой среде: новые вызовы», 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://rospatent.gov.ru/content/uploadfiles/presentations/conference/sesickiy-16102019.pdf> (дата обращения: 10.02.2021).
5. *Gurry, F.* (2018) Artificial Intelligence and Intellectual Property: An Interview With Francis Gurry. WIPO Magazine, 5, 3.
6. Preparatory Document for and Report of the First Session of the Committee of Experts on a Possible Protocol to the Berne Convention for the Protection of Literary and Artistic Works (Geneva, November 4 to 8, 1991) (1992) Copyright. Monthly Review of the World Intellectual Property Organization (WIPO), 2, 38.

УПРАВЛЕНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТЬЮ

*А. М. Войтова,
кандидат социологических наук,
доцент кафедры МЭиФО
Российской государственной академии
интеллектуальной собственности
(г. Москва, voitova68@yandex.ru)*

Цифровая трансформация и инновационные процессы в музыкальной индустрии

Статья посвящена влиянию цифровой трансформации на процессы в музыкальной индустрии, связанные с появлением новых функций и направлений управления, а также новых субъектов управленческой деятельности. Рассмотрены механизмы и опыт адаптации творческих компаний музыкальной индустрии к новым условиям внешней среды.

Ключевые слова: музыкальная индустрия, результаты интеллектуальной деятельности (РИД), цифровая трансформация, субъекты управления, project-менеджер, SMM-продюсер и аккаунт-менеджер (Digital).

Глобальная цифровизация экономики стала фактором, который стимулировал появление новых способов создания музыки, потребления музыкального продукта и соответственно перераспределения приоритетов и функций ключевых участников управленческой деятельности в сфере музыкального творчества.

Так, анализ информации о деятельности зарубежных и отечественных творческих компаний музыкальной индустрии позволяет сделать предположение: изменение предпочтений потребителей (как один из элементов внешней среды, оказывающий влияние на компании музыкальной индустрии) привело к тому, что сами потребители ста-

ли в большей степени влиять на формирование трендов (например, более легкий доступ независимых артистов на рынок и готовность приобретать легальный музыкальный продукт), а также на результаты интеллектуальной деятельности (далее — РИД). Таким образом, вполне вероятно наличие связи между изменением содержания процесса управления, в том числе, объектами интеллектуальной собственности (далее — ОИС) в музыкальной индустрии на всех стадиях жизненного цикла инноваций и цифровой трансформацией.

Особенности управления РИД в музыкальной индустрии с учетом современных тенденций

Специфика управления РИД в музыкальной индустрии на разных стадиях жизненного цикла инноваций (планирование; создание и выявление РИД; получение их правовой охраны; учет и использование РИД; коммерциализация РИД) выражена через функционал ключевых управленческих субъектов, большинство из которых, не считая продюсера, PR-менеджера и правового отдела, являются новыми участниками процесса управления для российской музыкальной индустрии: продакт-менеджер, SMM-продюсер и аккаунт-менеджер (Digital).

Таким образом, наблюдаются существенные изменения в структуре управления и функциональных обязанностях субъектов управления в музыкальной индустрии, а также появляются новые субъекты управления с новыми функциональными обязанностями [2].

В общественном сознании также наблюдаются изменения, следствием которых в музыкальной индустрии является квазидемократизация управленческих процессов исходя из предпочтений потребителей музыкального контента. Все более выраженной становится тенденция к тому, что конечные потребители музыкального продукта выступают в роли субъектов, управляющих процессом создания и коммерциализации РИД.

В настоящее время в музыкальной индустрии можно отметить снижение востребованности крупных поставщиков музыкального контента, к которым относятся продюсерские центры и рекорд-лейблы. Это обусловлено ростом количества независимых артистов, которые сами являются субъектами и создания творческого продукта, и управления им. Кроме того, независимые исполнители стали чаще прибегать

к услугам небольших организаций в сфере музыкального менеджмента, что также снижает роль крупных компаний.

Наряду с этим выявлена тенденция к снижению роли личности продюсера и традиционного музыкального маркетолога в пользу видеохостингов, стриминговых платформ и социальных сетей. При этом в отличие от ситуации, которая имела место в XX в., в настоящее время основным приоритетом музыкантов является не реализация музыкального продукта и создание имиджа его исполнителей, а коммерциализация за счет предложения рекламных возможностей.

Также претерпевают изменения процессы продвижения музыкальной продукции: если в 2000-х решение о ротации песни принималось программным директором радиостанции, то в настоящее время его место занимает составитель плейлиста на таких платформах, как Spotify, Apple Music или «Яндекс.Музыка» [1].

Однако произошло не только снижение роли традиционных каналов распространения музыки, снижаются также издержки на создание и продвижение музыкального продукта, уменьшается размер первоначальных инвестиций в создание музыкального продукта, особенно в цифровой среде.

Наиболее эффективным инструментом, отвечающим этой цели, выступает блокчейн-технология, которая позволяет отследить не только пользовательскую активность на стриминговых платформах, но и обеспечить процесс непосредственных авторских отчислений напрямую от слушателей исполнителям.

Тем не менее существует необходимость выработки адаптационных механизмов в ходе процесса цифровизации для всех участников музыкальной индустрии — от создателей музыкального продукта до субъектов управленческой деятельности.

В ходе анализа влияния цифровизации на современный музыкальный бизнес было установлено, что данный процесс приводит к диверсификации компаний, поскольку управление РИД в сфере музыки осуществляется не только продюсерскими центрами, лейблами звукозаписи и дистрибуции, концертными и промоагентствами — эксплуатация музыкальных произведений и управление РИД происходят со стороны непрофильных организаций, так как информационный и рекламный цифровой контент репрезентации любой организации (в том числе государственной и некоммерческой) в большинстве случаев требует музыкального и аудиовизуального сопровождения.

Кроме того, появляются новые субъекты хозяйственной деятельности, использующие цифровую среду для управления музыкальным

продуктом: нейронные сети, искусственный интеллект, блокчейн, порталы по реализации музыкальной продукции в цифровом формате и на физических носителях (музыкальные интернет-магазины), а также стриминговые онлайн-платформы. Следует отметить, что цифровые технологии являются вспомогательным инструментом, который снижает финансовые затраты продюсеров и звукозаписывающих компаний на производство фонограмм, обеспечивает прозрачность распределения и выплаты авторских отчислений и облегчает музыкантам процесс производства произведений и доведения их до аудитории.

В условиях пандемии COVID-19, начавшейся в 2020 г., произошел процесс ускоренного перехода организаций музыкальной индустрии в цифровую среду.

Пандемия COVID-19 также стала одним из ключевых стимулов развития новых направлений коммерциализации ОИС музыкальной сферы. Одновременно зафиксирован значительный спад организации и проведения концертных туров, что повлияло на рост спроса на прослушивание музыки посредством стриминговых платформ и иных сетевых площадок. Пандемия COVID-19, безусловно, выступила катализатором ускорения процесса цифровизации и перехода из офлайна в онлайн, в том числе в музыкальной индустрии.

В 2021 г. влияние некоторых управленческих субъектов прежней формации на рынке музыкальной продукции сохранилось, однако к сфере их деятельности добавились новые процессы, инструменты.

Так, например, процесс, начавшийся в европейской культуре еще в XIX в. и ставший в третьем тысячелетии ведущей тенденцией, — индивидуализация форм проведения досуга — в обстоятельствах пандемии COVID-19 и условиях самоизоляции окончательно привел к обособлению территории отдельной личности (при помощи персональных компьютеров, цифровых плееров, беспроводных акустических систем, мобильных телефонов). Можно утверждать, что произошло формирование персонального музыкального мира отдельно взятой личности в процессе отбора и составления персональных цифровых музыкальных коллекций. В итоге это привело к тому, что цифровой файл стал основным носителем современной массовой музыкальной культуры.

Также в музыкальной индустрии появились новые субъекты управления с новыми функциями.

Итак, можно выделить следующие **тенденции в музыкальной индустрии, связанные преимущественно с цифровизацией:**

- 1) снижение роли классических/традиционных субъектов управления и возрастание влияния цифровых инструментов управления и дистрибуции;
- 2) облегчение доступа различных субъектов, создающих РИД в сфере музыки, для выхода на рынок за счет новых технологий, инструментов и методов, благодаря которым совершенствуется процесс продвижения, снижаются затраты и оптимизируются процессы создания и продвижения музыкального продукта;
- 3) творческие компании в музыкальной индустрии успешно отрабатывают новые механизмы продвижения артистов, исполнителей и продуктов с использованием технологии цифровой дистрибуции и аналоговых средств;
- 4) происходит квазидемократизация в музыкальной индустрии, связанная с тем, что потребители стали обладать более широкими возможностями влиять на процессы в музыкальной индустрии (создание, коммерциализация, продвижения и рейтинги), чем традиционные субъекты управления;
- 5) на рынке музыкальной продукции появились новые субъекты управления с дополнительными функциональными обязанностями [2].

Классификация субъектов управления в музыкальной индустрии в условиях цифровой трансформации

Автор статьи предлагает собственную классификацию субъектов управления в музыкальной индустрии с учетом новых профессий, появившихся в последнее десятилетие под влиянием процесса цифровизации в сфере современного музыкального бизнеса.

Согласно этой классификации, выделено пять групп субъектов по двум основаниям: индивидуальное или коллективное управление; классический субъект или новый, появившийся в последние несколько лет:

1. Коллективные субъекты классической формации.
2. Коллективные субъекты новой формации.
3. Индивидуальные субъекты классической формации.
4. Индивидуальные субъекты новой формации.
5. Субъекты управления в цифровой среде.

К **первой группе** субъектов управленческой деятельности в музыкальной индустрии следует отнести:

- продюсерские компании (центры), которые занимаются поиском, поддержкой и продвижением представителей музыкального творчества и РИД, создаваемых ими;
- звукозаписывающие компании (лейблы звукозаписи), которые занимаются производством, распространением и продвижением аудио- и иногда видеозаписей (музыкальных видеоклипов и видеозаписей концертов) на носителях разных форматов, а также цифровой дистрибуцией и потоковыми трансляциями творческого продукта;
- концертные агентства (букинг), которые ведут переговоры с исполнителем и (или) его персональным менеджером; осуществляют бронирование, выкуп и контроль логистики исполнителя, бронирование, оплату и контроль проживания исполнителя, бронирование и оплату аренды площадок для проведения концертов; заключают договоры и осуществляют взаиморасчеты с исполнителем; организуют продажи билетов на концерты исполнителя, информационное и рекламное сопровождение концертов исполнителя, контроль технической подготовки (ввоза и вывоза музыкальных инструментов, сценических постановочных средств, их монтажа) и саунд-чека мероприятия;
- промоагентства, занимающиеся бронированием и оплатой аренды площадок для проведения концертов; организацией продажи билетов на концерты исполнителя; информационным и рекламным сопровождением концертов исполнителя; контролем технической подготовки (ввоза и вывоза музыкальных инструментов, сценических постановочных средств, их монтажа) и саунд-чека мероприятия.

Ко **второй группе субъектов** управленческой деятельности в музыкальной индустрии относятся коллективные субъекты новой формации:

- многопрофильные креативные агентства. В сфере их деятельности — съемки кино, рекламных роликов и иных аудиовизуальных произведений с привлечением музыкальных исполнителей; организация музыкальных конкурсов, фестивалей;
- непрофильные компании (в том числе государственные и некоммерческие), также занимающиеся съемками кино, рекламных роликов и иных аудиовизуальных произведений с привлечением музыкальных исполнителей; организация музыкальных конкурсов, фестивалей; использование музыкальных РИД в целях музыкального и аудиовизуального сопровождения информа-

ционного и рекламного цифрового контента репрезентации самой организации.

Третья группа субъектов управления в музыкальной индустрии включает индивидуальных субъектов классической формации, таких как продюсер, персональный менеджер, концертный/тур-менеджер, PR-менеджер, бизнес-менеджер (коммерческий директор), музыкальный маркетолог.

Рассмотрим подробнее содержание их деятельности для того, чтобы выделить следующую группу субъектов с новыми функциями управления.

Продюсер подбирает исполнителей, студии, звукорежиссеров, специалистов по сведению и мастерингу; контролирует работу в студии; обеспечивает качество звукозаписи.

В Российской Федерации музыкальный продюсер зачастую аккумулирует в себе качества персонального менеджера (управление карьерой артистов), бизнес-менеджера (контроль финансового обеспечения проекта), пресс-атташе, спонсора, а в некоторых случаях и юриста (заключение лицензионных агентских контрактов и иных договоров, необходимых для создания музыкальных произведений, их распространения, а также концертной и туровой деятельности артистов).

Персональный менеджер консультирует артистов-исполнителей по поводу условий заключения различных соглашений. Кроме того, он осуществляет: содействие организации творческого процесса, которое предполагает отбор музыкального материала, кастинг музыкантов, художников, фотографов и иного творческого и технического персонала, продюсера; связь с общественностью, координацию рекламных компаний и иные функции в области PR-менеджмента; анализ рекламной и маркетинговой конъюнктуры для производства синглов, альбомов, дизайн-макетов к ним и их размещения на электронных ресурсах и издания на востребованных материальных носителях; производство мерчандайзинговой продукции; формирование имиджа артиста/проекта и (или) компании; заключение коммерческих сделок (со звукозаписывающей компанией, концертным, рекламным, дизайн-агентством, концертной площадкой и др.).

Концертный менеджер (тур-менеджер) осуществляет бронирование, оплату и контроль проживания исполнителя; бронирование и оплату аренды площадок для проведения концертов; заключает договоры и ведет взаиморасчеты с исполнителем; сопровождает исполнителя в рамках концертного тура; организует питание исполнителя; контролирует техническую подготовку (ввоз и вывоз музыкальных инструментов,

сценических постановочных средств, их монтаж) и саунд-чек мероприятия.

PR-менеджер отвечает за разработку и согласование PR-стратегий, участие в разработке рекламных кампаний, подготовку и согласование смет и таймингов, осуществление ежедневных PR-задач, в частности, коммуникацию с партнерами, а также написание, согласование и распространение пресс-релизов и новостей в СМИ, взаимодействие со смежными отделами по текущим вопросам, коммуникацию с музыкальными и иными творческими сообществами, блогерами, медийными личностями, информационными порталами. Он также курирует процесс фото- и видеосъемки на мероприятиях; составление отчетности, PR-клиппингов, подсчет ключевых показателей эффективности (англ. Key Performance Indicators, KPI); анализ и оценку эффективности PR-кампаний, ведет документооборот с подрядчиками.

Бизнес-менеджер (коммерческий директор). В его обязанности входит: получение денежных средств по соответствующим сделкам; контроль их движения; оплата счетов, проверка налоговых деклараций и т.д.

Музыкальный маркетолог изучает потребительский спрос и иные особенности рынка с целью эффективного продвижения артиста и музыкального продукта.

Традиционные (классические) функции управления в сфере музыки уже не могут полностью отвечать запросам рынка в связи с тем, что процесс цифровизации повлиял на все аспекты управления. Поэтому появились новые субъекты управления в музыкальной индустрии.

К таким индивидуальным субъектам новой формации (**четвертая группа субъектов**) можно отнести SMM-продюсера, аккаунт-менеджера (Digital), продакт-менеджера.

SMM-продюсер ведет деятельность по разработке SMM-стратегии, интеграции SMM-активности в общую маркетинговую стратегию, составляет медиапланы и управляет рекламой кампанией в SMM. Он также организует конкурсы в социальных сетях, работает с лидерами мнений (англ. Key Opinion Leaders/KOL), промопубликациями, в том числе в релевантных сообществах, осуществляет мониторинг и анализ эффективности ведения сообществ, комьюнити-менеджмент, ведение аккаунтов и их модерацию во всех социальных сетях, работает с подрядчиками и рабочей командой проекта, управляет процессом создания контента, коммуницирует с пользователями.

Аккаунт-менеджер (Digital) участвует: в разработке SMM-стратегии; подготовке SMM-плана (включая брифинг копирайтеров, дизайнеров);

супервайзинге съемок видео для SMM с участием креативных и видеопродюсеров; размещении контента в SMM-группах (привлечение модератора); формировании отчетов по SMM; разработке предложения по сайту (брифинг креативной команды, тайминг); супервайзинге продакшн-команды на этапе производства сайта (постановка задач, контроль сроков, согласование с клиентом, формирование смет, таймингов, ведение документооборота с подрядчиками).

Продакт-менеджер занимается реализацией небольших проектов под контролем аккаунт-менеджера; подготовкой технических заданий для подрядчиков; сбором ценовых предложений от подрядчиков; документооборотом; участием в креативных проектах / брейн-штормах.

И наконец, **пятой группой** субъектов управленческой деятельности в музыкальной индустрии являются инновационные по своим функциям (функциональным направлениям) субъекты, использующие цифровые технологии. Эти субъекты не укладываются в привычное представление об управлении. Однако, если рассматривать классическое определение управления как целенаправленной деятельности по переводу управляемой системы к заданному состоянию, инновационными субъектами управленческой деятельности в музыкальной индустрии являются:

- *порталы по реализации музыкальной продукции в цифровом формате и на физических носителях (музыкальные интернет-магазины)*. На таких площадках музыкальные произведения могут быть реализованы как по отдельности, так и альбомами, предоставляя пользователю возможность загрузить их в память своего электронного устройства за фиксированную плату для дальнейшего прослушивания офлайн;
- *компании цифровой дистрибуции*, которые осуществляют посредничество между лейблами и артистами по реализации передачи, размещение и обслуживание музыкальных произведений в интернет-магазине или на цифровом сервисе;
- *стриминговые онлайн-платформы* предполагают не приобретение пользователем права на загрузку цифровых копий музыкальных произведений, а доступ к их прослушиванию в режиме потокового вещания без предварительной загрузки (на определенный промежуток времени, который, в зависимости от условий подписки, составляет месяц, несколько месяцев или год);
- *нейронные сети/блокчейн/искусственный интеллект*: производство музыкального продукта алгоритмом нейросети после

обработки оригинальных произведений, созданных человеком; каталогизация и регулирование спроса на музыкальный продукт; обработка данных о пользовательской активности на стриминговых платформах; обеспечение процесса непосредственных авторских отчислений напрямую от слушателей исполнителям.

Новые функции этих субъектов обусловили появление новых профессий в музыкальной среде, что требует дальнейшего осмысления в научной среде и в практике управления предприятиями музыкальной индустрии.

Библиография

1. *Войтова Л. М., Пятаева О.А, Геворкян М. Ф., Манулатий А.И, Рахлей Ю. В.* Инновационные механизмы управления в творческих индустриях: монография. — М: Кнорус, 2021. — 154 с.
2. *Снежинская М. Г.* Музыкальная индустрия как социокультурный феномен: дис. ... по социологии культуры: 22.00.06. — М., 2019. — 226 с.

*А. А. Залесова,
магистр права (LL. M. IP),
патентный поверенный, старший юрист
патентно-правовой фирмы «А. Залесов и партнеры»
(г. Москва, anastasia.zalesova@azalesov.com)*

Защита от косвенного нарушения патента: регулирование маркировки лекарственных средств в праве Европейского союза

В статье анализируются особенности маркировки лекарственных средств в Европейском союзе в контексте нарушения патентных прав, в том числе косвенного нарушения патента. Приведены аргументы в защиту «облегченной» маркировки (skinny labelling) лекарственных препаратов и особенности ее составления в европейских странах. Рассмотрена актуальная судебная практика по данному вопросу.

Ключевые слова: патент, патентное право, маркировка лекарственных средств, «облегченная» маркировка, косвенное нарушение патента.

Ни одно лекарственное средство не может быть допущено к обороту на рынке Европейского союза (далее — ЕС), если оно не зарегистрировано в установленном порядке и на него не выдано разрешение на продажу (Marketing Authorization). Данное разрешение выдается соответствующим компетентным органом здравоохранения после тщательного изучения представленных документов по предлагаемому препарату с целью исключения введения в оборот небезопасных препаратов и препаратов с неподтвержденной эффективностью.

В рамках процедуры получения разрешения заявителем должна быть предоставлена информация о лекарственном средстве (в том числе краткое описание характеристик продукта (Summary of Product

Characteristics; SmPC), инструкция по медицинскому применению лекарственного средства для пациентов и маркировка в соответствии с Директивой 2001/83/ЕС Европейского парламента и Совета о кодексе ЕС от 06.11.2001, касающейся лекарственных средств для использования человеком (далее — Директива 2001/83/ЕС)¹ регулирующему органу. Сведения в обязательном порядке включают информацию о показаниях к применению и дозировках лекарственного средства. Существует нормативное требование о том, чтобы для воспроизведенного лекарственного средства (дженерика) информация о продукте содержала те же сведения, которые указаны в регистрационных документах на оригинальное лекарственное средство.

Это на первый взгляд разумное требование обеспечивает права и интересы потребителя, который должен иметь возможность купить взаимозаменяемый продукт. Но не все так просто с точки зрения патентного регулирования. Часто бывает, что, когда срок патентной охраны оригинального лекарственного средства (так называемый базовый патент на фармацевтически активное вещество либо на первоначально заявленную фармацевтическую композицию) истекает, в данной юрисдикции продолжают действовать патенты, охраняющие оригинальное лекарственное средство в части дополнительно представленных в его регистрации медицинских назначений (так называемые вторичные фармацевтические патенты). Например, изначально был оригинальный лекарственный препарат, допущенный в качестве препарата первой линии терапии какого-то вида онкологического заболевания. В дальнейшем (иногда существенно позднее) в регистрацию оригинального лекарственного средства включили дополнительное назначение — новый вид онкологического заболевания или даже указание типа пациентов (например, лечение того же онкологического заболевания у пациентов, также страдающих диабетом), и это новое назначение защищено вторичным патентом, который выдан существенно позже и будет еще действовать длительное время.

Таким образом, воспроизведенное лекарство с его первоначальным назначением может быть изготовлено без нарушения патента на вещество или композицию (по базовому патенту), но не может быть использовано для запатентованных во вторичном патенте назначений. Поэтому, если бы фармацевтические компании — производители

¹ В соответствии с Директивой 2001/83/ЕС [1] издано руководство по краткому описанию характеристик продукта, доступно по ссылке: https://ec.europa.eu/health/sites/health/files/files/eudralex/vol-2/c/smpc_guideline_rev2_en.pdf (дата обращения: 13.04.2021).

дженериков были обязаны включать такое дополнительное назначение в информацию о продукте, предоставляемую при регистрации и включаемую в инструкцию по медицинскому применению воспроизведенного препарата, то они несли бы ответственность за нарушение этого вторичного патента. При введении в оборот такого препарата непосредственно нарушалось бы исключительное право на изобретение патентообладателя.

Возникает ситуация, когда препарат согласно формуле первоначального истекшего патента может быть допущен на рынок, а для того же препарата с расширенным списком назначений (и при этом обязательным к указанию в инструкции для целей регистрации воспроизведенного препарата) появляется «дополнительный» регулярный запрет на выпуск дженерика. Такой «легистский» подход к регистрации лекарственного средства потенциально позволяет оригинатору (патентообладателю или исключительному лицензиату патентов на оригинальный продукт) полностью предотвратить выход на рынок дженерикового продукта на достаточно длительный срок действия вторичных патентов. Очевидно, что такая ситуация нарушает правомерные интересы общества в получении доступа к дженерику как к более дешевому аналогу оригинального средства в той части назначений, патентная охрана на которые уже истекла.

Для урегулирования этой коллизии европейское законодательство о лекарственных средствах позволяет заявителю при получении разрешения на продажу дженериков исключать из информации о продукте часть маркировки, относящейся к показаниям к применению (медицинским назначениям) или дозировкам лекарственного средства, которые защищены вторичными патентами. Такой подход в практике фармацевтических компаний называют «вырезанием», «сокращением» (carving-out) защищенной патентом маркировки или «облегченной маркировкой» (skinny labelling). Если заявка на получение разрешения подается централизованным путем, то может быть подана заявка на дубликат разрешения на продажу, в которой исключаются запатентованные указания.

Законодательство ЕС не предусматривает других исключений или изменений, непосредственно связанных с правами на запатентованные объекты. Например, нельзя изменить представляемую информацию о безопасности препарата, имеющих противопоказаниях или предупреждениях, в которых могут содержаться ссылки на запатентованные объекты, например, на запатентованные способы лечения или способы снижения побочных эффектов. Когда

запрашивается «сокращение» в инструкцию по медицинскому применению препарата, отдельные государства — члены ЕС на своем национальном уровне решают, следует ли включать формулировку, объясняющую, почему терапевтические показания или лекарственные дозы отсутствуют на упаковке. Однако, если такое утверждение включено, оно должно использовать так называемую «концепцию синей коробки» [2].

«Концепция синей коробки» подразумевает установленную стандартную формулировку для ее написания при маркировке дженерика:

«(Действующее вещество), содержащееся в (продукте) (также может быть/также является), разрешено для лечения других симптомов, которые не упомянуты в данной инструкции. Если у вас есть еще вопросы, спросите своего врача или фармацевта» [2] (в зависимости от национального рынка).

С увеличением количества таких разрешений для дженериков с «облегченной маркировкой» в Европе, которые используют фирмы — производители дженериков, можно утверждать, что эти «сокращения» радикально меняют соотношение сил на рынке лекарственных средств, традиционно в значительной степени основанное на использовании патентов для охраны правомерных интересов инноваторов.

По мнению оригинаторов, такой облегченный подход к получению регистрации игнорирует рыночные реалии. Достаточно очевидно, что выход на рынок дженерика сопровождается определенными маркетинговыми усилиями и что, даже если дженериковый препарат официально одобрен только для использования по уже не охраняемому патентом назначению, врачи будут назначать его по всем медицинским показаниям. То есть фактически врачи и фармацевты смогут реализовывать дженерик для всех показаний, как только он станет доступен, просто прямо не называя «сокращенные» медицинские назначения. Таким образом, при введении такого воспроизведенного препарата будет происходить не прямое, а косвенное нарушение все еще действующего вторичного патента.

Неудивительно, что вопрос маркировки стал новым полем битвы для компаний-инноваторов и производителей дженериков в Европе на наднациональном и национальных уровнях. В последнее время судебная практика по данному вопросу получила значительное развитие. Давайте кратко рассмотрим существующее положение в судебных спорах, сложившееся в некоторых юрисдикциях к настоящему времени.

В 2019 г. Суд ЕС рассмотрел одно весьма примечательное дело в отношении Голландского медицинского совета при College

ter Beoordeling van Geneesmiddelen¹ (далее — Голландский медицинский совет). Данная организация публикует сведения о лекарственных препаратах вместе с инструкциями по применению, т.е. выполняет квазиадминистративную функцию в процедуре регистрации лекарственных средств. Основанием для судебного разбирательства стало размещение документа Голландского медицинского совета, в котором сообщалось о необходимости публикации полного текста инструкции по применению и кратких описаний характеристик продукции дженерика вместо согласованной публикации версии «облегченной» этикетки.

Суд ЕС постановил, что такая нормативная политика Голландского медицинского совета противоречит праву ЕС. При этом Суд ЕС отметил, что рекомендация не включать указания, охраняемые патентом, приводит к ограничению объема разрешения на использование лекарственного средства.

Основываясь на Директиве 2001/83, Суд ЕС решением № C-423/17 от 14.02.2019 (далее — решение Суда ЕС № C-423/17) установил несколько важных принципов в качестве отправной точки своих рассуждений в вопросе «облегченной» маркировки. Во-первых, упаковка с кратким описанием характеристик продукта является частью разрешения на продажу. Во-вторых, продукт, на который действует разрешение на продажу, должен соответствовать условиям, описанным в его характеристиках. Наконец, внесение изменений в характеристики продукта без уведомления национального органа не допускается².

Суд ЕС подчеркнул важность ст. 10 Директивы 2001/83, которая освобождает производителей дженериков от представления результатов доклинических и клинических испытаний при условии соблюдения условий, изложенных выше. Разрешение на продажу фармацевтического продукта не может распространяться на любые другие показания, кроме оригинального продукта.

Статья 11 (2) Директивы 2001/83 предусматривает возможность исключения медицинских показаний или лекарственных дозировок из краткого описания характеристик оригинального продукта, которые все еще были охвачены действующими вторичными патентами в то время, когда дженерик начал предлагаться к продаже.

¹ Решение Суда ЕС № C-423/17, доступно по ссылке: <https://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?num=C-423/17> (дата обращения: 13.04.2021).

² Там же.

Ссылаясь на свое решение по делу Olainfarm¹, Суд ЕС повторил, что обоснование этого положения заключается не в том, чтобы препятствовать выходу дженериков на рынок до истечения срока действия каких-либо патентов, относящихся к оригинальному лекарству, потенциально охватывающих дополнительные медицинские назначения данной лекарственной формы референтного (оригинального) препарата, а в том, чтобы обеспечить правомерный оборот воспроизведенного препарата. В свете этого рассуждения Суд ЕС пришел к выводу, что невключение конкретных указаний в маркетинговое разрешение приводит к ограничению сферы действия самого маркетингового разрешения, т.е. правомерные интересы патентообладателя учитываются без чрезмерных ограничений дженерикового производителя.

Кроме того, суд прямо заявил, что совет как национальный орган не имеет полномочий принимать альтернативные решения при рассмотрении просьбы не включать запатентованное указание:

«Из положений ст. 8(3)(j) и второго абзаца ст. 11 Директивы 2001/83 ясно, что невключение в описание характеристик продукта воспроизведенного препарата определенных показаний или лекарственных доз при получении разрешения на продажу означает, что эти показания или лекарственные дозы не охватываются заявкой на получение разрешения на продажу. Согласно ст. 11 Директивы 2001/83, заявитель при получении разрешения на продажу, таким образом, ограничивает сферу своей заявки на получение такого разрешения, и компетентный национальный орган не имеет никаких дискреционных полномочий в этом отношении»².

Последствия принятия такого решения двояки: во-первых, Голландский медицинский совет обязан выполнить поручение заявителя/владельца, получившего разрешение на продажу препарата, не содержащего запатентованных назначений. Во-вторых, владелец такого разрешения добровольно ограничивает объем своего маркетингового разрешения, подавая запрос без включения в него запатентованных назначений.

Это потенциально может привести к использованию такой этикетки, маркировки и инструкции, что, возможно, противоречит националь-

¹ Решение Суда ЕС № C-104/13, доступно по ссылке: <https://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?num=C-104/13&language=EN> (дата обращения: 13.04. 2021).

² П. 43 решения Суда ЕС № C-423/17, доступно по ссылке: <https://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?num=C-423/17> (дата обращения: 13.04.2021).

ному нормативному праву¹. В Нидерландах, например, использование «облегченной» маркировки может (при определенных обстоятельствах) привести к административному правонарушению.

В ответ на это решение Голландский медицинский совет при *College ter Beoordeling van Geneesmiddelen* выпустил пресс-релиз, в котором говорится, что он собирается внести изменения в свою политику. Новая политика будет соответствовать праву других государств — членов ЕС. К держателям разрешений на продажу будут обращаться с просьбой скорректировать информацию о своем продукте, которая затем будет скорректирована на веб-сайте. Упаковка и инструкция по применению лекарственного средства не будут ссылаться на реестр на веб-сайте Голландского медицинского совета.

Очевидно, что в описанном выше решении фактически не рассматривался вопрос риска косвенного нарушения вторичного патента, который, безусловно, возникнет при выполнении Голландским медицинским советом предписаний Суда ЕС.

Чуть раньше, чем было вынесено описанное решение Суда ЕС, в Нидерландах состоялся знаковый процесс по косвенному нарушению патента при «облегченной» маркировке, безусловно, являвшийся логическим предшественником разбирательства в Суда ЕС.

Речь идет о деле *Novartis* против *Sun Pharma*, где Верховный суд Нидерландов постановил, что косвенное нарушение патента по признакам швейцарского типа было возможно при выводе дженерикового продукта на рынок этой страны. При этом, обосновывая свое решение, суд фактически возложил бремя доказывания не на истца, а на ответчика. Так, Верховный суд Нидерландов заявил, что для исключения признания угрозы нарушения патента при регистрации дженерика в период действия вторичных патентов оригинатора производитель дженериков должен был обосновать, что он предпринял все необходимые разумные усилия для предотвращения использования своих продуктов-дженериков для запатентованного способа².

В этом деле компания *Sun Pharma* среди прочих мер обратилась к Голландскому медицинскому совету при *College ter Beoordeling van Geneesmiddelen* с просьбой не включать запатентованное назна-

¹ П. 56 решения Суда ЕС *Roche/Autorità Garante della Concorrenza e del Mercato Autrita*, C-179/16, доступно по ссылке: <https://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?language=en&num=C-179/16> (дата обращения: 13.04.2021).

² Решение Верховного суда Нидерландов от 03.11.2017 (*MSD/Teva*), 15/04934, доступно по ссылке: <https://uitspraken.rechtspraak.nl/inziendocument?id=ECLI:NL:HR:2017:2807> (дата обращения: 13.04.2021).

чение (согласно патенту на способ лечения) при размещении на веб-сайте информации про их дженерик. Верховный суд Нидерландов недвусмысленно заявил, что такого сокращения недостаточно для выполнения обязательства приложить максимум разумных усилий. Возникает вопрос, повлияет ли новая политика Голландского медицинского совета на этот принцип, ранее недвусмысленно высказанный высшим национальным судебным органом.

Аналогичная по своему содержанию дискуссия также имела место и в ряде других европейских стран. Например, Верховный суд Великобритании затронул вопрос о косвенном нарушении патентных прав и косвенном намерении нарушить патент на лекарственный препарат в деле, связанном с иском Warner-Lambert Company против Mylan & Actavis¹.

Можно отметить, что Суд ЕС специально напомнил, что после истечения срока действия вторичного патента владелец маркетингового разрешения может внести изменения в данное разрешение, чтобы добавить туда ранее охранявшиеся патентами назначения. Это может быть указано на упаковке и в инструкции по медицинскому применению. Другими словами, производитель дженериков может законно расширить сферу действия своего разрешения на продажу на более позднем этапе.

Таким образом, решение Суда ЕС № C-423/17 от 14.02.2019 представляет собой интересное развитие дискуссии об «облегченных» этикетках лекарственных средств в контексте косвенного нарушения патента. Как правило, чтобы быть в безопасности от обвинений в нарушении вторичных патентов, производителям дженериков настоятельно рекомендуется использовать возможность «облегченных» этикеток и одновременно максимально дистанцироваться от какого-либо маркетинга своего продукта через ассоциации с оригинальным лекарством (включающим дополнительные дозировки или назначения, охраняемые вторичными патентами). В частности, целесообразно также принимать все возможные меры, касающиеся недопущения указания на возможность «расширительного» использования дженерика. Например, не включать никаких ссылок на запатентованные назначения или способы лечения в рекламных кампаниях и при распространении своего продукта.

¹ Решение Верховного суда Великобритании от 14.11.2018 (Warner-Lambert v Mylan & Actavis) UKSC 56, доступно по ссылке: <https://www.supremecourt.uk/cases/uksc-2016-0197.html> (дата обращения: 13.04. 2021).

Представленный в рамках настоящей статьи актуальный опыт работы судов юрисдикции ЕС и отдельных стран ЕС показывает пример обеспечения разумного баланса интересов компаний-оригинаторов, т.е. патентообладателей фармацевтических патентов, и производителей воспроизведенных лекарственных средств. Это свидетельствует о том, что защита от косвенного нарушения патента в области фармацевтики может и должна обеспечиваться. Правовые гарантии патентообладателя должны распространяться и на признанные действительными вторичные патенты на лекарственные средства. При этом взвешенный подход правоприменителей ЕС в должной мере обеспечивает права и законные интересы добросовестных компаний — производителей дженериков, выпускающих на рынок фармацевтический продукт с ограниченным перечнем медицинских назначений и не допускающих смешения с оригинальным лекарственным средством, имеющим более широкий перечень запатентованных назначений.

Что касается России, в нашей стране пока отсутствует понятие «облегченной» маркировки лекарственных средств, хотя требования к маркировке лекарственных средств также существуют (решение Совета Евразийской экономической комиссии от 03.11.2016 № 76 «Об утверждении Требований к маркировке лекарственных средств для медицинского применения и ветеринарных лекарственных средств»; далее — Требования). В соответствии с п. 2 Требований маркировка не должна противоречить или искажать сведения, содержащиеся в документах регистрационного досье, и носить рекламный характер. Она должна быть понятной, достоверной и не вводить в заблуждение потребителей (приобретателей) [3]. Согласно п. 11 Требований, на упаковке активных фармацевтических субстанций также указывается их назначение. Однако такое назначение можно указать только после регистрации оригинального или воспроизведенного лекарственного средства в соответствующем реестре.

Подача заявления на регистрацию с назначением, на которое еще действует патент, будет считаться прямым нарушением патента (угрозой нарушения патента). При этом угроза нарушения патента имеет место в том случае, когда до истечения патента на лекарственное средство с этим назначением остается более пяти лет, так как первая регистрация лекарственного средства действует пять лет (а значит, вывод препарата должен произойти в это время). Судебная практика по данному вопросу также развивается и будет освещена в отдельной статье.

Библиография

1. Директива 2001/83/ЕС Европейского парламента и Совета от 06.11.2001 о кодексе Сообщества, касающемся лекарственных средств для использования человеком [Электронный ресурс]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2001/83/oj> (дата обращения: 13.04.2021).
2. Научные рекомендации Комитета по лекарственным средствам для ветеринарного применения ЕС (CVMP) о Требованиях к упаковке согласно концепции «синей коробки» и дополнительной информации о маркировке/упаковочной брошюре для продуктов, разрешенных с помощью национальных, взаимных процедур признания, децентрализованных или централизованных процедур [Электронный ресурс]. URL: https://www.hma.eu/fileadmin/dateien/Veterinary_medicines/CMDv_Website/Procedural_guidance/General_info_on_applications/GUI-027-08_Packaging_national_blue-box_requirements.pdf (дата обращения: 13.04.2021).
3. Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 03.11.2016 № 76 «Об утверждении Требований к маркировке лекарственных средств для медицинского применения и ветеринарных лекарственных средств» [Электронный ресурс]. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01411918/cncd_21112016_76 (дата обращения: 13.04.2021).

П. Н. Бирюков,
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой международного и евразийского права
Воронежского государственного университета
(г. Воронеж, birukovpn@yandex.ru)

Новые правила Евросоюза об авторском праве и смежных правах в цифровую эпоху

Статья посвящена общеевропейским правилам в отношении прав в цифровом пространстве. Принятые Евросоюзом директивы в области авторского права и смежных прав обеспечивают высокий уровень защиты правообладателей, облегчают оформление прав. Они создают основу для правомерного использования произведений и других охраняемых объектов. Автор приходит к выводу, что согласованная правовая база способствует надлежащему функционированию внутреннего рынка и стимулирует инновации, творчество и производство нового контента в цифровой среде.

Ключевые слова: ЕС, государства — члены ЕС, цифровизация, авторское право, смежные права, спутниковое вещание, ретрансляции по кабелю, онлайн-услуги.

Цифровые технологии изменили способы производства, распространения и доступа к творческому контенту в рамках Европейского союза (далее — ЕС). Согласно данным [8], 72% интернет-пользователей в странах ЕС читают новостные интернет-сайты/газеты/журналы; 56% интернет-пользователей слушают музыку онлайн; 66% смотрят видео; 42% пользуются интернет-телевидением (в прямом эфире или в записи).

Авторы и правообладатели извлекают из цифровизации услуг определенную выгоду, однако им непросто договариваться с онлайн-платформами об условиях использования своих произведений.

В этой связи ЕС активно регулирует авторские и смежные права в данной сфере.

Первое направление регулирования было оформлено Директивой Совета 93/83/ЕЭС от 27.09.1993 о согласовании определенных правил, касающихся авторского права и смежных прав, применимых к спутниковому вещанию и ретрансляции по кабелю¹, также известной как «Директива о радио и телевидении» (далее — Директива 93/83/ЕЭС). Ее целью было облегчение лицензирования авторских и смежных прав в аспекте спутникового и кабельного вещания на рынке ЕС и улучшение трансграничной доступности радио- и телепрограмм.

В отношении спутникового вещания ею закреплен принцип «страны происхождения» и введено исключительное право авторов разрешать обнародование своих произведений через спутник. Согласно положениям Директивы 93/83/ЕЭС, общедоступность спутниковой связи осуществляется в том государстве ЕС, откуда ведется передача. Следовательно, разрешение автора на использование его произведений посредством спутникового вещания должно быть получено в той стране, откуда оно ведется, а не там, где принимаются сигналы.

Что касается коллективного управления правами на ретрансляцию, директива упростила получение разрешения правообладателей на ретрансляцию по кабелю теле- или радиопрограмм из других стран ЕС. Правообладатели могут осуществлять право разрешать или запрещать ретрансляцию своих произведений только через общества по коллективному управлению правами (далее — ОКУП). Это относится ко всем правам, кроме тех, которые принадлежат самим вещательным организациям. Если соглашение о ретрансляции не достигнуто, стороны могут обратиться к медиаторам, которые способны помочь в переговорах и представить сторонам рекомендации по разрешению спора. Медиация закреплена как альтернатива судебному разбирательству в государствах-членах.

Государства активно имплементировали положения директивы в национальные правовые порядки. Так, Дания издала Закон от 13.06.1995 № 395 «Об авторском праве»². В Италии был опубликован законодательный декрет от 23.10.1996 № 581³, который произвел транспозицию

¹ Council Directive 93/83/EEC of 27 September 1993 on the coordination of certain rules concerning copyright and rights related to copyright applicable to satellite broadcasting and cable retransmission. OJ L 248, 6.10.1993, 15–21.

² Kreml S. (30.03.1995) EU-Copyright-Reform: „Das Internet in Europa wird kaputt gefiltert“ // <https://www.heise.de/newsticker/meldung/EU-Copyright-Reform-Das-Internet-in-Europa-wird-kaputt-gefiltert-4309762.html> Laki tekijänoikeuksista annetun lain muuttamisesta (446/95) 24.03.1995, Suomen sädöskokoelma.

³ Decreto legislativo del 23/10/1996 n. 581, attuazione della direttiva 93/83/CEE per il coordinamento di alcune norme in materia di diritto d'autore e diritti connessi applicabili

Директивы 93/83/ЕЭС. Французский закон от 27.03.1997 № 97-283¹ имплементировал директиву в Кодекс интеллектуальной собственности. Испания приняла два нормативных акта²: Закон от 11.10.1995 № 28/95 об имплементации директивы; Королевский декрет от 12.04.1996 № 1/96 (далее — Закон об интеллектуальной собственности 1996 г.).

В этой связи представляет интерес вопрос о транспозиции положений об использовании медиации в спорах.

К примеру, в Австрии арбитражный комитет состоит из трех человек (Закон об авторском праве 2000 г. и Закон о коллективных отношениях 2006 г. [3; 11]). Спорящие стороны назначают по одному арбитру, которые затем избирают председателя. Если одна сторона отказывается назначить члена или арбитры не избирают руководителя, это может сделать председатель суда по авторским правам.

По Закону Венгрии об авторском праве 1999 г.³, из числа членов Совета экспертов по авторскому праву назначаются члены Примирительного совета. Если сторонами спора не будет достигнута договоренность, медиативный орган готовит предложение относительно содержания соглашения. Он сообщает сторонам условия рассмотрения спора. Если стороны не высказали возражений в течение трех месяцев с момента получения письменного уведомления, соглашение о медиации считается принятым.

В Дании Трибунал по авторскому праву состоит из трех членов, один из которых — судья Верховного суда королевства — назначается на пять лет на постоянной основе (согласно Закону от 13.06.1995 № 395 «Об авторском праве»).

На Кипре медиативный орган назначается министром энергетики, торговли, промышленности и туризма (Закон об интеллектуальной собственности и смежных правах 2002 г.⁴).

alla radiodiffusione e alla ritrasmissione via cavo. URL: <https://www.gazzettaufficiale.it/eli/id/1996/11/18/096G0607/sg>.

¹ Loi № 2019-775 du 24 juillet 2019 tendant à créer un droit voisin au profit des agences de presse et des éditeurs de presse. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000038821358#:~:text=-A%20défaut%20d%27accord%20dans,d%27entreprise%20ou%20de%20l>.

² Ley número 28/95 de 11/10/1995 // BOE. № 245 de 13/10/1995. P. 30048; Ley número 5/98, de 06/03/1998. BOE. № 57 de 07/03/1998. P. 7935.

³ 2008. évi CXII. törvény a szerzői jogról szóló 1999. évi LXXVI. törvény módosításáról. Magyar Közlöny. № 2008/190, 25003–25009.

⁴ Ο περί Δικαιωμάτων Πνευματικής Ιδιοκτησίας και Συγγενικών Δικαιωμάτων (Τροποποιητικός Νόμος) του 2002. URL: http://www.cylaw.org/nomoi/indexes/1976_1_59.html.

Согласно латвийскому закону об авторском праве 2004 г.¹, стороны могут договориться о кандидатуре медиатора или о процедурах его назначения. При отсутствии согласия посредника назначает министр культуры. Медиатор вправе предложить сторонам меры по разрешению спора и указать период времени, в течение которого стороны должны их одобрить или отклонить.

По испанскому Закону об интеллектуальной собственности 1996 г. использование медиации является добровольным. Первая секция Комиссии по интеллектуальной собственности включает четырех членов, названных правительством по предложению министерств культуры, экономики, юстиции и промышленности, из числа признанных экспертов в области интеллектуальной собственности.

В Финляндии медиация осуществляется экспертным советом (Закон об авторском праве № 446/95). Он состоит из президента и четырех членов, назначаемых министром культуры. Расходы несут стороны, иницилирующие дело, которые могут избрать медиатора сами.

В соответствии с чешским Законом об авторском праве и смежных правах 2000 г.² список медиаторов составляет Министерство культуры. Объем их компетенций достаточно широк и охватывает любые формы трансляции в эфир и по кабелю.

В Эстонии Комитет по авторскому праву разрешает споры по запросу сторон и формируется Министерством юстиции. Сторона иницирует переговоры подачей заявки; в процессе медиации она должна действовать добросовестно.

Очевидно, что государства имплементировали положения Директивы 93/83/ЕЭС с поправкой на национальную специфику относительно участия государства в назначении медиаторов.

17 апреля 2019 г. Совет ЕС утвердил Директиву 2019/789³, которая изменила Директиву 93/83/ЕЭС. Директива применяется к онлайн-

¹ Directive (EU) 2019/789 of the European Parliament and of the Council of 17 April 2019 laying down rules on the exercise of copyright and related rights applicable to certain online transmissions of broadcasting organisations and retransmissions of television and radio programmes, and amending Council Directive 93/83/EEC. OJ. L 130, 17 May 2019, 82–91.

² Zákon č. 121/2000 Sb., o právu autorském, o právech souvisejících s právem autorským a o změně některých zákonů (autorský zákon). Sbirka Zakonu CR; 12/05/2000.

³ Directive (EU) 2019/789 of the European Parliament and of the Council of 17 April 2019 laying down rules on the exercise of copyright and related rights applicable to certain online transmissions of broadcasting organisations and retransmissions of television and radio programmes, and amending Council Directive 93/83/EEC. OJ. L 130, 17 May 2019, 82–91.

трансляциям вещательных организаций и ретрансляциям теле- и радио-программ.

Директива 2019/789 упростила получение разрешения обладателей авторских и смежных прав на ретрансляцию теле- или радиoproграмм из других государств ЕС. Правообладатели могут реализовать свое право на разрешение или отказ в разрешении на такую ретрансляцию только через ОКУП, за исключением прав, которые уже принадлежат заинтересованным вещателям.

Директива установила правило использования охраняемых произведений посредством «прямой инъекции» (direct injection). При этом вещательная компания передает свой сигнал дистрибьюторам таким образом, чтобы он не мог быть принят широкой публикой во время этой передачи. При отсутствии параллельной передачи программы вещательной организацией считается, что и вещатель, и распространитель сигнала участвуют в едином акте коммуникации с пользователями. Это означает, что стороны должны получить разрешение на свое участие в этой деятельности.

Имплементацию Директивы 2019/789 произвели в настоящее время три государства. Франция приняла закон от 24.07.2019 № 2019-775, направленный на создание смежных прав в интересах агентств печати и издателей прессы¹. В Чехии изменения были внесены в семь законов, в том числе в Гражданский кодекс². В Венгрии обновили Закон об авторском праве 1999 г., Закон о совместном управлении авторским правом и правами, связанными с ним, 2016 г.³ и др.

Второе направление регулирования было обозначено Директивой 2019/790 об авторском праве и смежных правах на едином цифровом рынке (далее — Директива 2019/790) и поправками к Директивам 96/9/ЕС и 2001/29/ЕС⁴. Она известна также как «Директива об автор-

¹ Loi № 97-283 du 27/03/1997 portant transposition dans le code de la propriété intellectuelle des directives du Conseil des Communautés européennes Numéros 93-83 du 27/09/1993 et 93-98 du 29/10/1993. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000000381069>.

² Zákon č. 121/2000 Sb., o právu autorském, o právech souvisejících s právem autorským a o změně některých zákonů (autorský zákon). Sbírka Zakonu CR; 12/05/2000; Zákon č. 110/2019 Sb., o zpracování osobních údajů. URL: <https://www.zakonyprolidi.cz/cs>.

³ 2008. évi CXII. törvény a szerzői jogról szóló 1999. évi LXXVI. törvény módosításáról // Magyar Közlöny. № 2008/190, 25003–25009; 2016. évi XCIII. törvény a szerzői jogok és a szerzői joghoz kapcsolódó jogok közös kezeléséről. URL: <https://net.jogtar.hu/jogszabaly?docid=a1600093.tv>.

⁴ Directive (EU) 2019/790 of the European Parliament and of the Council of 17 April 2019 on copyright and related rights in the Digital Single Market and amending Directives 96/9/EC and 2001/29/EC. OJ L 130, 17.5.2019, 92–125.

ском праве на едином цифровом рынке» и обновляет 11 директив, которые в совокупности составляют законодательство ЕС об авторском праве (директивы 2001/29/ЕС; 2004/48/ЕС; 2012/28/ЕС; 2014/26/ЕС и др.).

Директива 2019/790 преследует три основные цели: а) адаптировать определенные ключевые исключения из авторского права к цифровой и трансграничной среде; б) улучшить практику лицензирования и обеспечить более широкий доступ к контенту; в) создать функционирующий рынок авторских прав.

В процессе подготовки Директивы 2019/790 развернулись дискуссии, которые коснулись в основном проектов ст. 11 и 13.

Статья 11 получила неофициальное название «налог на ссылки» (link tax, Link Steuer, impuesto de enlace, lien tax). Она предоставляет СМИ авторские права в отношении их публикаций на интернет-платформах (прежде всего агрегаторах).

Еще в 2014 г. журнал *Der Spiegel* прогнозировал негативные последствия введения дополнительных ограничений [7]. Так, дополнения в Закон Германии об авторском праве [11] повлекли для издателей издержки, которые превысили полученные лицензионные платежи [1]. В Испании прекратила свою деятельность *Google News*, что привело к снижению доходов от рекламы на 15%. В неопубликованном исследовании 2017 г. [2] Еврокомиссия пришла к выводу, что издатели получают чрезмерную выгоду от агрегаторов новостей. В результате многие программы мониторинга СМИ были закрыты или само их существование оказалось под угрозой.

По мнению ученых, предлагаемая формулировка ст. 11 воспрепятствует распространению новостей, затруднит онлайн-лицензирование и окажет негативное влияние на журналистику.

Кроме того, в Директиву 2019/790 была включена ст. 15 «Защита публикаций в прессе, касающаяся использования в интернете» в смягченной формулировке. Государства ЕС должны предоставить издателям СМИ права, предусмотренные в ст. 2 и 3(2) Директивы 2001/29/ЕС, для использования их публикаций в интернете агрегаторами новостей. Указанные права истекают через два года после публикации в прессе. Срок исчисляется с 1 января года, следующего за датой публикации. При этом данные права не распространяются на частное или некоммерческое использование публикаций пользователями. Предоставляемая защита не распространяется на гиперссылки, а также использование отдельных слов или очень коротких отрывков из публикаций. Государства должны обеспечить возможность получения авторами произведений,

опубликованных в прессе, соответствующей доли доходов, которые СМИ получают от поставщиков услуг (ч. 5 ст. 15 Директивы 2019/790).

С проектом ст. 13 Директивы 2019/790 ситуация оказалась сложнее. Она получила название «фильтр загрузки» (upload filter, Hochladen Filter, subir filtro, filtre de téléchargement). Статья требовала, чтобы сайты, на которых размещалась информация, в основном создаваемая пользователями, принимали «эффективные» меры по предотвращению несанкционированного размещения защищенного авторским правом контента или несли ответственность за действия своих пользователей.

В юридической среде отмечалось, что совместная ответственность платформ и пользователей, закрепляемая в ст. 13, противоречит Директиве 2000/31/ЕС об электронной торговле. Кроме того, Суд ЕС еще в 2012 г. постановил, что право ЕС «должно толковаться как препятствующее вынесению национальным судом судебного запрета против поставщика хостинговых услуг, который требует от него установки системы фильтрации с целью предотвращения снижения... доступности для общественности в нарушение авторских прав... Такой запрет потенциально способен подорвать свободу информации, поскольку система может не проводить адекватного различия между незаконным и законным содержанием, в результате чего его введение приведет к блокировке законных коммуникаций»¹.

Таким образом, еще до принятия директивы утверждалось несоответствие данной нормы действующему праву ЕС.

В 2018 г. ассоциации сетевых пользователей критиковали идею о фильтрах загрузки. По мнению Bitkom, реформа «перейдет грань между контролем и цензурой» [6]. Кроме того, противники ст. 13 критиковали положения об интеллектуальном анализе данных, которое ограничивало продвижение инноваций.

В Германии в 2018 г. резко против выступили политические ассоциации четырех партий и их представители в Европарламенте [5]. Они оценили фильтры как «несоразмерные», создающие препятствия свободе выражения мнений и распространению информации.

Научное сообщество также высказалось против. Так, по мнению Ю. Трегера, «предполагаемые исключения сформулированы настолько расплывчато, что с ними трудно справиться на практике» [10]. Они приводят «к большой правовой неопределенности» [4].

В свою очередь, Ф. Ромеро-Морено посчитал, что ст. 13 негативно повлияет на функционирование социальных сетей [9]. Помимо прочего,

¹ Ref. Ares (2017) 6256585.

в директиве конкретно не указываются правообладатели, с которыми платформы должны согласовывать лицензии.

В свою очередь, IT-компании признавали, что лишь некоторые из них технически и финансово способны сами программировать такие системы фильтрации¹, что приведет к излишним расходам и техническим проблемам.

В итоге после горячих дебатов в Директиву 2019/790 была включена ст. 17 «Использование защищенного контента поставщиками услуг обмена контентом в интернете».

Авторы произведений, опубликованных в прессе, должны получать соответствующую долю дохода от их использования. Согласно новой редакции, государства-члены должны обеспечить совершение провайдером акта коммуникации с общественностью в процессе предоставления публичного доступа к произведениям, охраняемым авторским правом, или другим защищенным темам, загруженным пользователями. Провайдер онлайн-услуг должен получить разрешение от правообладателей путем заключения лицензионного соглашения, чтобы сделать объекты доступными (п. 1 ст. 17 Директивы 2019/790).

Лицензионное соглашение также должно охватывать действия, совершенные пользователями услуг не на коммерческой основе (см. также ст. 3 Директивы 2001/29/ЕС). Если разрешение не предоставлено либо отсутствует лицензия, поставщики услуг отвечают за несанкционированные действия по сообщению общественности охраняемых авторским правом произведений и других объектов, если только указанные лица не докажут, что они приложили все усилия, чтобы: а) получить разрешение, б) обеспечить недоступность объектов, по которым правообладатели предоставили поставщикам услуг актуальную и необходимую информацию; в) и в любом случае действовали оперативно для отключения доступа или удаления с веб-сайтов объектов, а также приложили все усилия для предотвращения их будущих загрузок (п. 4 ст. 17 Директивы 2019/790).

Пользователи могут публиковать контент для целей цитирования, критики, обзора, карикатур и пародий. Они вправе использовать механизмы подачи жалоб и возмещения в случае споров по поводу контента, ошибочно заблокированного или удаленного с платформы.

¹ См.: Copyright Directive: Misinformation and Independent Enquiry. URL: <https://www.create.ac.uk/blog/2018/06/29/the-copyright-directive-misinformation-and-independent-enquiry>; Krempl S. (30.03.1995) EU-Copyright-Reform: „Das Internet in Europa wird kaputt gefiltert“. URL: <https://www.heise.de/newsticker/meldung/EU-Copyright-Reform-Das-Internet-in-Europa-wird-kaputt-gefiltert-4309762.html> Laki tekijänoikeuksista annetun lain muuttamisesta (446/95) 24.03.1995. Suomen sädöskokoelma.

В целом Директива 2019/790 облегчает лицензирование для учреждений культурного наследия (библиотеки, музеи и архивы), оцифровку и распространение, в том числе в интернете, произведений, находящихся в их коллекциях. Она закрепляет правило о расширенном коллективном лицензировании и аналогичных механизмах.

Механизм переговоров и медиации, предусмотренный Директивой 2019/790, поможет сторонам достичь договоренностей о предоставлении аудиовизуальных произведений на платформах видеоконтента по запросу.

Таким образом, согласно Директиве 2019/790, каждый может без ограничений использовать и делиться копиями произведений искусства, находящихся в общественном достоянии (например, изображением скульптуры, больше не защищенным авторским правом), при определенных условиях.

Издателям прессы были предоставлены новые права на цифровое использование своих публикаций в СМИ, пусть даже они распространяются только на использование поставщиками онлайн-услуг, а не на частное или некоммерческое использование отдельными гражданами.

Кроме того, страны ЕС должны обеспечить применение принципа надлежащего и соразмерного вознаграждения, когда автор или исполнитель передал или лицензировал свои права на использование другой стороной (например, издателем или продюсером). Авторы и исполнители должны регулярно — не реже одного раза в год — получать актуальную и исчерпывающую информацию об использовании их произведений и исполнений. У них есть право на отзыв по истечении разумного периода времени в случае неиспользования таких объектов.

Авторы и исполнители имеют право требовать от стороны, с которой у них заключен договор об использовании прав, выплаты дополнительного вознаграждения в случаях, когда первоначально согласованное вознаграждение является необоснованно низким по отношению ко всем последующим доходам, полученным от эксплуатации произведений.

Имплементация Директивы 2019/790 произведена теми же тремя государствами (Венгрией, Францией и Чехией), что и Директивы 2019/789, и теми же законами (см. выше).

Таким образом, обе директивы и новые правила авторского права обеспечивают баланс между интересами различных игроков в цифровой среде: авторы и пресса получили более устойчивое положение,

пользователи интернета лучше защищены, а обязательства в отношении онлайн-сервисов соразмерны.

Онлайн-платформы позаботятся о лицензировании, чтобы пользователям не пришлось беспокоиться о проблемах, связанных с нарушением авторского права. Европейские граждане будут иметь онлайн-доступ к книгам, фильмам или музыкальным записям, которых нет в бесплатном доступе, а также к большому количеству аудиовизуальных произведений на платформах видеоконтента по запросу. Они смогут свободно делиться копиями произведений искусства, находящихся в общественном достоянии, с полной юридической определенностью.

Таким образом, рассмотренные директивы обеспечивают устойчивый баланс между авторским правом и целями государственной политики (в сферах образования, научных исследований, инноваций и обеспечения потребностей людей).

В заключение хотелось бы отметить, что рассматриваемый европейский опыт подлежит внимательному изучению в странах Евразийского экономического союза, поскольку перед ними стоят те же проблемы, пусть и в меньших масштабах.

Библиография

1. *Beuth P.* Leistungsschutzrecht für Presseverleger: Die Regierung verschleppt ihre Bilanz. 1 Juni 2018. URL: <https://www.spiegel.de/consent-a-?targetUrl=https%3A%2F%2Fwww.spiegel.de%2Fnetzwelt%2Fnetzpolitik%2Fleistungsschutzrecht-fuer-presseverleger-die-regierung-verschleppt-ihre-bilanz-a-1210643.html&ref=https%3A%2F%2Fde.wikipedia.org%2F>.
2. Belgische Vereniging van Auteurs, Componisten en Uitgevers CVBA (SABAM) v «Netlog NV». CURIA, 16 February 2012.
3. Bundesgesetz, mit dem das Urheberrechtsgesetz 1996 und die Urheberrechtsgesetz-novelle 1980 geändert werden. BGBl, Nr. 151/1996, 1749.
4. *Christian Solmecke, Anne-Christine Herr.* (März 2019) Besser kein Kompromiss als ein schlechter. In: Legal Tribune Online. 6.
5. *Dorothee Bär, Thomas Jarzombek, Laura-Kristine Krause, Jörg Müller-Lietzkow, Nico Lumma, Ann-Cathrin Riedel.* DRINGEND — Abstimmung zum Urheberrecht: Upload-Filter und Leistungsschutzrecht verhindern. URL: https://www.load-ev.de/wp-content/uploads/2018/06/180629_Schreiben-EP_Uploadfilter_final.pdf.
6. Europäische Upload-Filter-Regelung verhindern. URL: http://docs.dpaq.de/13301-offenerbrief_uploadfilter_voss.pdf.

7. Google News in Spanien abgeschaltet: Kein Geld für Verlage. 17. Dezember 2014. URL: <https://www.spiegel.de/consent-a-?targetUrl=https%3A%2F%2Fwww.spiegel.de%2Fnetzwelt%2Fnetzpolitik%2Fgoogle-news-in-spanien-abgeschaltet-kein-geld-fuer-verlage-a-1009027.html&ref=https%3A%2F%2Fde.wikipedia.org%2F>.
8. Modern EU copyright rules for the benefit of all Europeans. URL: https://ec.europa.eu/newsroom/dae/document.cfm?doc_id=57363.
9. *Romero-Moreno Felipe* (29 de mayo de 2018) 'Notice and staydown' and social media: amending Article 13 of the Proposed Directive on Copyright. *International Review of Law, Computers & Technology*.
10. *Taeger Jü.* (Februar 2019) Charakter des Internets würde sich nachhaltig verändern. Pressemitteilung. Universität Oldenburg, 19.
11. Viertes Gesetz zur Änderung des Urheberrechtsgesetzes vom 08/05/1998. BGBl. Teil I. 20/05/1998. S. 902.

*М. А. Конопленко,
старший юрисконсульт ООО «Царев Знак»
(г. Екатеринбург, o-41-68@yandex.ru)*

Идея как объект интеллектуального права¹

В настоящее время идеи не являются объектами интеллектуального права. С одной стороны, это поддерживает нормальное функционирование системы интеллектуального права. С другой — не позволяет авторам идей получить желаемую правовую охрану. Как следствие — идеи не реализуются или реализуются через значительный промежуток времени после создания, что тормозит технический прогресс и развитие общества в целом. В настоящей статье автор рассуждает о возможном решении данной проблемы путем распространения на идеи некоторых норм интеллектуального права.

Ключевые слова: правовая охрана идей, интеллектуальное право, авторское право на идеи, объекты интеллектуальной собственности.

Согласно п. 5 ст. 1259 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ) [1], авторские права на идеи не распространяются. Не включены они и в перечень объектов интеллектуальной собственности, охраняемых российским законом (ст. 1225 ГК РФ) [1]. Таким образом, законодатель однозначно определяет идеи как объект, не попадающий под понятие «результат интеллектуальной деятельности».

Вместе с тем данная позиция не является бесспорной и в той или иной мере подвергается критике [9]. Это обусловлено следующим.

¹ Настоящая статья публикуется как дискуссионное мнение. При этом редакция журнала обращает внимание, что в настоящее время охрана идей, концепций и принципов противоречит не только отечественной, но и международной системе охраны авторских и смежных прав.

1. Часть идей появляется в разуме автора без сознательной интеллектуальной деятельности. Например, они приходят к нему во сне или при моментальном озарении. Иногда автор не применяет специальных усилий, чтобы получить идею. В то же время появление другой части идей сопряжено с интеллектуальной деятельностью. Такие идеи являются результатом сознательных размышлений и умозаключений автора. Не будучи выраженными в какой-либо форме и даже не будучи сообщенными какому-либо другому лицу, данная группа идей является именно результатом интеллектуальной деятельности, хотя и не признается таковой.

При этом, анализируя саму идею, иные лица не в состоянии выяснить, является ли она результатом сознательной деятельности автора или появилась в его сознании без каких-либо усилий. Таким образом, любая идея потенциально может быть результатом интеллектуальной деятельности.

2. У идеи всегда есть автор. Она не передается от человека к человеку сама по себе. Для того чтобы одно лицо сообщило другому какую-либо идею, необходимо, чтобы первое лицо получило ее от кого-то другого или создало ее самостоятельно. В большинстве случаев автор неизвестен, но тем не менее он существует. Впрочем, сразу следует заметить, что автор идеи не то же самое, что автор произведения. Автор произведения всегда вносит творческий вклад, поскольку без этого произведение не считается созданным. Автор идеи может получить ее в готовом виде, не прилагая к этому специальных усилий. Однако разделение авторов на «сознательных» и «бессознательных», «настоящих» и «случайных», «творческих» и «нетворческих» не имеет смысла, поскольку, как было отмечено ранее, сама идея не несет информации о способе ее создания.

Сообщенная другому лицу, но не облеченная в форму объекта интеллектуальной собственности, идея законом не охраняется. Для получения правовой охраны необходимо, чтобы на основании идеи было создано произведение, получен патент, введен режим коммерческой тайны или совершено иное действие, порождающее объект интеллектуальной собственности. Но даже после этого содержание созданного объекта не защищается. Охрана предоставляется форме, а не идее, породившей эту форму. Можно сделать то же самое, но по-другому, и это будет вполне законно. Впрочем некоторые идеи не могут быть полностью выражены в предусмотренной законом форме, в связи с чем получение для них правовой охраны невозможно даже в упомянутом «усеченном» виде. К таким спорным объектам, в частности, относятся

шахматные партии [5] и трюки иллюзионистов [8]. В некоторых случаях своеобразную охрану идеи можно обеспечить в рамках ноу-хау и режима коммерческой тайны [3; 11] или трудовых отношений [2]. Однако очевидно, что этого недостаточно.

Наверное, каждый понимает значение выражения «украсть идею». «Присвоение идей» возможно в отношении произведений литературы, науки или искусства и других объектов. Выражая замысел автора в иной форме, новый автор создает иной объект интеллектуальной собственности. При этом другие лица могут четко понимать или хотя бы догадываться о том, что идея не является новой. Однако указанные действия являются законными. Первому автору остается довольствоваться только охраной формы, в которой он изначально выразил свою идею.

«Кража» идей возможна и на более раннем этапе, еще до создания объекта интеллектуальной собственности. Когда автор сообщает свою мысль какому-либо лицу или записывает ее на материальный носитель, возникает риск того, что кто-либо сможет реализовать ее в форме объекта интеллектуальной собственности до того, как это сделает автор. В лучшем случае, когда речь идет об объектах авторского права, автор рискует оказаться не первым и приобрести репутацию недобросовестного человека, пользующегося чужими идеями. В худшем случае, например в отношении объектов патентного права, автор вовсе рискует остаться без объекта интеллектуальной собственности.

Кроме того, «присвоение идей» возможно также в случае, когда защитить идею путем создания объекта интеллектуальной собственности невозможно в принципе. Например, некоторые бизнес-идеи не могут быть реализованы ни как секрет производства, ни запатентованы. Они просты, понятны и представляют коммерческую ценность, если реализуются кем-то раньше конкурентов. Пример: если производить плитки шоколада, используя прежние ингредиенты, заворачивать в ту же упаковку, сохранять длину и ширину плитки, но толщину делать тоньше на 5% и при этом сохранять прежнюю цену, то можно получить большую прибыль. Большинство потребителей не обратят внимания на изменение объема и массы, однако, по сути, приобретут товар по большей цене. Данная идея не является новой, хотя однажды пришла кому-то в голову впервые. Ее первичная реализация, вероятно, принесет прибыль производителю шоколада. Но, как только она будет реализована, конкуренты сделают то же самое, и ценность идеи упадет до нуля.

По крайней мере для части авторов вопрос защиты идеи имеет значение. Для одних интерес состоит в сохранении первенства, т.е. в том, чтобы другие люди знали, что первым до данной идеи додумался именно этот автор. Другие не претендуют на звание первооткрывателя и готовы «продать» идею первому встречному, но хотели бы гарантий того, что они получат за это соответствующее вознаграждение. И первые, и вторые в настоящее время не имеют законных способов защитить свои идеи. Это создает неблагоприятные последствия как для авторов, так и для общества в целом.

Отсутствие правовой защиты вынуждает авторов воздерживаться от сообщения своих идей третьим лицам. В результате:

- идея может независимо появиться у других авторов, которые выразят ее в объективной форме раньше первоначального автора. Пытаясь защититься от реализации идеи другими лицами раньше, первый автор становится вторым или третьим;
- авторы, по каким-то причинам не способные или не желающие создавать объекты интеллектуальной собственности, теряют возможность получения каких-либо благ от созданных ими идей;
- авторы не имеют возможности оценить ни возможность реализации идей, ни коммерческую ценность, ни потенциальные выгоды и риски, поскольку третьи лица не знают о наличии идеи и не могут дать соответствующие комментарии.

Для общества воздержание от сообщения идей создает следующие последствия:

- некоторые идеи, имеющие значение для общества, никогда не сообщаются авторами другим лицам и не порождают никаких объектов интеллектуальной собственности;
- другие идеи могут сообщаться третьим лицам или порождать объекты интеллектуальной собственности через значительный промежуток времени от момента появления идеи, что замедляет и технический прогресс, и развитие других сфер жизни общества;
- некоторые, а может и многие, идеи создаются на основании уже существующих. Все идеи, не сообщенные автором иным лицам, или сообщенные с задержкой, исключают или соответственно замедляют появление новых идей;
- авторы, не чувствуя себя защищенными, отказываются или минимизируют интеллектуальную деятельность, направленную на создание идей;

- лица, потенциально способные создать объекты интеллектуальной собственности или иным способом реализовать идеи, не знают о существовании идей и не могут гарантировать авторам того, что интересы автора при реализации идеи будут учтены.

Вывод: отсутствие правовой охраны идей создает негативные последствия как для их авторов, так и для общества в целом.

В связи с чем возникает вопрос: возможно ли признание идеи объектом интеллектуальной собственности?

В п. 5 ст. 1259 ГК РФ [1] указано, что «авторские права не распространяются на идеи...». В связи с этим большинство ученых рассматривают вопрос о возможности отнесения идей к объектам авторского права [4; 7]. Однако, согласно действующему законодательству, авторское право охраняет произведения и программы для ЭВМ. Очевидно, что идея не является ни тем, ни другим. Поэтому, даже без специального указания в законе, идею не следовало бы относить к объектам авторского права. Кроме того, конструкции, существующие в авторском праве, просто не способны обеспечить защиту идеям [6]. Другое дело, если рассматривать идею как потенциальный объект исключительного права, регулируемый не нормами авторского права, а особым «идейным» правом.

Очевидно, что количество идей очень велико и защитить все их законом невозможно в принципе. Поэтому имеет смысл ограничить объем потенциально охраняемых идей.

Во-первых, идея должна иметь выражение в материальном мире. Пока идея находится только в разуме автора, ее правовая охрана не только невозможна, но и бессмысленна. Однако с того момента, как идея высказана устно или письменно, в том числе с помощью электронных устройств, она может быть присвоена другими лицами и, следовательно, нуждается в охране.

Во-вторых, идея должна быть новой. Защита идей, не обладающих признаками новизны, нецелесообразна, поскольку в этом случае нарушаются интересы первого автора. А именно защита интересов первого автора является основной задачей.

В-третьих, идея должна иметь творческий характер, быть оригинальной. Как уже было отмечено ранее, некоторые идеи могут появиться неосознанно. Однако если такие идеи уникальны, то следует считать их результатами интеллектуальной деятельности.

Вероятнее всего, исключительное право на идеи разрушило бы всю систему интеллектуального права. Создание новых произведений

было бы почти невозможно, поскольку сюжеты большинства из них либо встречались ранее в других произведениях, либо взяты из жизни. Для использования чужих идей пришлось бы запрашивать множество согласий авторов. Для сложных объектов отсутствие одного согласия означало бы невозможность создания такого объекта. Поэтому очевидно, что исключительное право на идеи не будет существовать никогда.

Однако интеллектуальные права не ограничиваются исключительным. Ранее вопрос о признании за идеями комплекса личных неимущественных прав уже выносился на обсуждение [10], но тема не нашла широкого отклика в научном сообществе, в связи с чем целесообразно вновь обратиться на нее внимание.

Признание законодателем права авторства, т.е. права признаваться автором идеи, обеспечило бы защиту прав тех групп авторов, интересы которых нарушены «присвоением» авторства. Право автора на имя в отношении идей в том объеме, как у произведений, так же как и исключительное право на идеи, вероятно, парализовало бы систему интеллектуальной собственности. Однако ничто не запрещает законодателю указать, что «право автора идеи на имя — это право требовать от лица, использующего идею, указания имени автора или его псевдонима». В таком случае третьи лица смогут беспрепятственно использовать идеи до тех пор, пока к ним не будет предъявлено требование о необходимости указания автора. Существенных трудностей для лиц, использующих идеи, это не создаст, поскольку поиск автора и получение его разрешения не будут обязательными. С другой стороны, авторы, заинтересованные в распространении информации о своем авторстве, смогут предпринять соответствующие меры. Право авторства и право автора на имя в указанном объеме позволят обеспечить правовую защиту идей для тех авторов, интересы которых ограничиваются только указанием на создание идеи ими.

Для других авторов, которые нацелены на самостоятельное создание объектов интеллектуальной собственности или на получение вознаграждения за сообщение идеи, можно предусмотреть преимущественное право на реализацию идеи. Данное право будет состоять в том, что у автора с момента выражения идеи в материальной форме (устного или письменного) имеется в распоряжении определенное время (например, шесть месяцев) для того, чтобы создать произведение, подать заявку на патент или начать создание иного объекта интеллектуальной собственности. Авторам идей, которые не могут быть выражены в объекте интеллектуальной собственности, на ука-

занное время предоставляется право на реализацию идеи другими способами. Другим лицам запрещено создавать на основании идеи объекты интеллектуальной собственности или реализовывать ее иным способом без согласия автора, но разрешено свободно воспроизводить и распространять. Если автор или другое лицо по его согласию или предложению начнет реализацию идеи, о чем станет известно иным лицам, преимущественное право прекращается. Также преимущественное право прекращается по истечении определенного законом срока. С момента прекращения действия преимущественного права любое лицо вправе использовать идею любым способом.

Вопрос о «приоритете» в отношении незапатентованных научных идей обсуждался ранее, но данной проблеме не было уделено должное внимание [10].

Преимущественное право позволит обеспечить защиту авторам идей в следующих случаях:

- если автор идеи перед созданием объекта интеллектуальной собственности нуждается в обсуждении ее с другими лицами;
- если автор намерен получить вознаграждение за то, что другое лицо на основании его идеи создаст объект интеллектуальной собственности;
- если автор намерен привлечь к реализации идеи других лиц, в том числе инвесторов, однако обеспокоен риском того, что после сообщения идеи потенциальным партнерам они реализуют ее самостоятельно.

Если автор не имеет возможности реализовать идею самостоятельно, но уже выразил ее устно или письменно (например, работник предложил работодателю новаторское решение, автор предложил инвесторам бизнес-идею [4]), он находится в сложном положении. С одной стороны, у него будет преимущественное право, с другой стороны, реализовать идею он самостоятельно не может, а иное лицо может просто подождать установленный срок и начать реализацию. Для исключения подобных ситуаций следует предусмотреть «предложения» автора идеи. Если лицо, получившее предложение, не примет условий автора, то в дальнейшем, после истечения срока преимущественного права, оно не будет иметь прав на реализацию данной идеи.

Несомненно, что введение в отношении идей права авторства, права автора на имя и преимущественного права на реализацию не способно удовлетворить интересы всех авторов. Однако это позволит обеспечить правовую охрану хотя бы части идей.

Обеспечение правовой охраны идей приведет к следующим последствиям:

1. Авторы станут активнее делиться своими идеями. Право авторства и право автора на имя позволят авторам не беспокоиться о том, что их идея будет «украдена». А преимущественное право создаст условия для «продажи» идей и стимулирует материальный интерес авторов.

2. Увеличение количества выраженных в материальной форме идей создаст условия для появления еще большего количества идей и большего числа объектов интеллектуальной собственности.

3. Более интенсивная интеллектуальная деятельность в обществе стимулирует развитие всех сфер и, как следствие, повышает качество жизни.

Библиография

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвертая от 18.12.2006 № 230-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС «Консультант». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/ (дата обращения: 28.01.2021).
2. Апелляционное определение Челябинского областного суда по делу № 11-12856/2013 от 09.12.2013 г. [Электронный ресурс] // Интернет-ресурс Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт). URL: <https://sudact.ru/regular/doc/jTlFifudNvYL/> (дата обращения: 28.01.2021).
3. *Атласкирова И. О.* Интеллектуальная собственность: от идеи к инновации [Электронный ресурс] // ЭЖ-Юрист. — 2017. — № 17–18. — С. 968–969. URL: <https://www.eg-online.ru/article/343085/> (дата обращения: 28.01.2021).
4. *Белая О. В.* Бизнес-идея как объект интеллектуальной собственности // Гражданское право. — 2018. — № 4. — С. 20–23.
5. *Витко В. С.* Правовая природа шахматной партии // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. — 2020. — № 2. — С. 23–30.
6. *Гаврилов Э. П.* Авторское право и «диссертационное право» // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. — 2018. — № 12. — С. 9–15.
7. *Гаврилов Э. П.* Авторское право и содержание произведения // Патенты и лицензии. — 2009. — № 7. — С. 31–38.
8. *Глонина В. Н.* Право и магия: охрана интеллектуальных прав иллюзионистов сквозь призму авторского права // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. — 2016. — № 12. — С. 33–39.

9. Гражданский кодекс Российской Федерации: Авторское право. Права, смежные с авторскими. Постатейный комментарий к главам 69–71 / под ред. П. В. Крашенинникова. — М.: Статут, 2014. — 510 с.
10. Право интеллектуальной собственности: актуальные проблемы / С. М. Михайлов, Е. А. Моргунова, А. А. Рябов, Б. А. Шахназаров; под общ. ред. Е. А. Моргуновой. — М.: Норма, 2014. — 173 с.
11. *Чайков М. Ю., Чайкова А. М.* Коммерческая тайна как фактор повышения устойчивости и конкурентоспособности предприятия // Безопасность бизнеса. — 2012. — № 1. — С. 15–17.

Б. Б. Леонтьев,
*доктор экономических наук, профессор, академик РАЕН, МАГИ,
член-корреспондент Инженерной академии им. А. М. Прохорова,
эксперт WIPO, эксперт ВОИС, эксперт Фонда «Сколково»,
эксперт НЦПИ Минюста РФ, судебный эксперт,
генеральный директор Федерального института сертификации
и оценки интеллектуальной собственности и бизнеса
(г. Москва, info@sois.ru)*

Как фиксировать идеи и развивать творческую активность

В статье рассмотрена проблема регистрации идей как отдельных объектов интеллектуальной собственности. Обоснована достаточность действующего во всех странах мира законодательства по авторскому праву, позволяющего фиксировать и регистрировать при необходимости любые идеи, поскольку Бернская конвенция 1886 г. позволяет доказывать авторскую принадлежность любых идей по факту их создания либо регистрации в соответствующих инстанциях.

Ключевые слова: идеи, объекты авторского права, законодательство по интеллектуальной собственности, структура идей, назначение идей.

О проблеме фиксации идей

Проблема фиксирования и последующего использования идей и соответственно обеспечения роста собственной творческой активности занимала умы еще древних философов, таких как Пифагор, Сократ, Платон, Аристотель, Декарт. Как авторы своих теорий идей и теорий познания они в той или иной форме касались этой темы.

Исследуя их труды, автор данной статьи еще в 1999 г. изложил свое видение классификации, регистрации и реализации идей и привел ряд доводов о том, что каждый активно мыслящий и активно действу-

ющий человек должен обязательно аккуратно регулярно фиксировать и развивать свои идеи [1]. Для этого следует отмечать и структурировать все ценные идеи по их назначению и отраслевой функциональности.

У всех идей как минимум имеется несколько основных назначений:

- а) идеи для личного пользования в качестве личностных деятельностных ориентиров на будущее. Это идеи о том, как нужно понимать и использовать сложные и важные для автора феномены ключевых понятий жизни и как в дальнейшем следует действовать, чтобы обучаться и социализироваться;
- б) идеи для общественного потребления, формулирующие то, как следует решать те или иные актуальные, важные и сложные общественные проблемы;
- в) идеи для собственного стратегического развития. Этим идеям важно обеспечивать конкретные конкурентные преимущества на будущее.

Любые ценные идеи важно фиксировать в своих записных книжках с тем, чтобы конкретные авторские идеи никто бы не украл и не присвоил. Эти датированные автором записи некоторым образом обеспечивают наличие элементов охраны и последующей защиты своих идей, причем гораздо более простых и ускоренных, нежели патентование или регистрация товарных знаков. Это авторские произведения, охраняемые Бернской конвенцией 1886 г., их приоритет доказывается по факту их создания, если они как-то зафиксированы.

Рассмотрим три этих назначения и ряд соответствующих способов их охраны от внешнего несанкционированного использования.

Первый способ заключается в том, что новатор фиксирует собственные ценные идеи в записных книжках или тетрадях. Например, у Ломоносова, Менделеева, Циолковского, Чижевского, как известно, были такие записные книжки. Они вели записи своих перемещений и обсуждений проблем с разными специалистами. Ломоносов и Менделеев оставили большое количество таких книжек и тетрадок, из которых сегодня становится ясным, что фактически реализовать на практике им удалось менее 10% собственных идей. Ими они намечали планы на будущее, создавали программы собственной стратегической активной деятельности.

Второй способ фиксирования касается ценных общественно полезных идей и заключается помимо отображения в архивных записках в регистрации в частных, общественных и государственных инстанциях, признаваемых судебными органами в спорах с оппонентами,

претендующими на свой исключительный приоритет подобных собственных идей.

В частности, это можно делать путем отправки писем на собственный адрес без последующего вскрытия конверта с описанием ценной идеи. Почтовые штемпели являются доказательством приоритета идеи, запечатанной в конверте, вскрывать который предполагается в суде, чтобы доказать свой приоритет. Также можно делать это через нотариуса, который прошивает документы с описанием идеи на нескольких листах и фиксирует авторство и дату приоритета.

На практике специалистами давно применяется «Система сертификации и оценки объектов интеллектуальной собственности», зарегистрированная в Госстандарте РФ 19 июля 1995 г.¹, которая позволяет не только сертифицировать и оценивать права на результаты интеллектуальной деятельности (далее — РИД), но и регистрировать все объекты по ст. 1225 Гражданского кодекса РФ, кроме тех, что регистрирует Роспатент. Сначала идея идентифицируется, а затем регистрируется как объект авторского права, т.е. как произведение науки, литературы и искусства. Также идея может охраняться в режиме коммерческой тайны и регистрироваться как ноу-хау.

С помощью данной системы в заявительном режиме регистрируются и произведения науки, литературы и искусства, авторский стиль, гипотеза научного открытия и др.

Третий способ — это обращение к официальным органам и организациям, обеспечивающим регистрацию прав на результаты интеллектуальной деятельности (далее — РИД). Данный способ реализуется через патентное ведомство и невозможен без соответствующей нормативной базы.

Что такое идея

Идеи как широко известные всем понятия используются в мировой философии в качестве носителей каких-то знаний, мыслей, символов. Они всегда имеют конкретный адрес применения и разрешают какие-то конкретные проблемы функционального дефицита в более общих системах отношений. Сегодня они являются эквивалентом хорошей, полезной мысли, что-то развивающей или уточняющей. И в этом качестве они нами используются везде и всюду, как авторские произ-

¹ Разработана Федеральным институтом сертификации и оценки интеллектуальной собственности и бизнеса.

ведения в научной, так и в литературной и художественной сферах. Однако, когда мы говорим о применении их в технике и об организации каких-то отсутствующих или более совершенных процессов, структур, конструкций, то их желательно адресно идентифицировать более точно. От этого зависит эффект их применения. Идея в природе — это функция, реализованная в каком-то природном объекте. Идея в обществе — это функция, реализованная в какой-то системе как микрофункция в некой макрофункции [2]. Именно идеи как микро-системы формируют макросистемы (см. рис. 1).

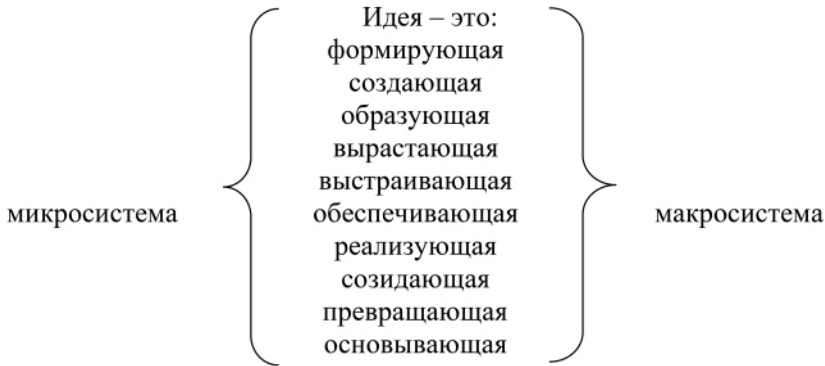

Рис. 1. Модель идеи в природе

Требование к любой идее состоит прежде всего в ее пригодности для разрешения конкретной проблемы. Сама же идея как некая информация должна быть адресной, компактной и эффективной (рис. 2). А ее автор должен быть лицом, компетентным в разрешении подобных проблемных ситуаций, — ученым, исследователем, изобретателем [3].

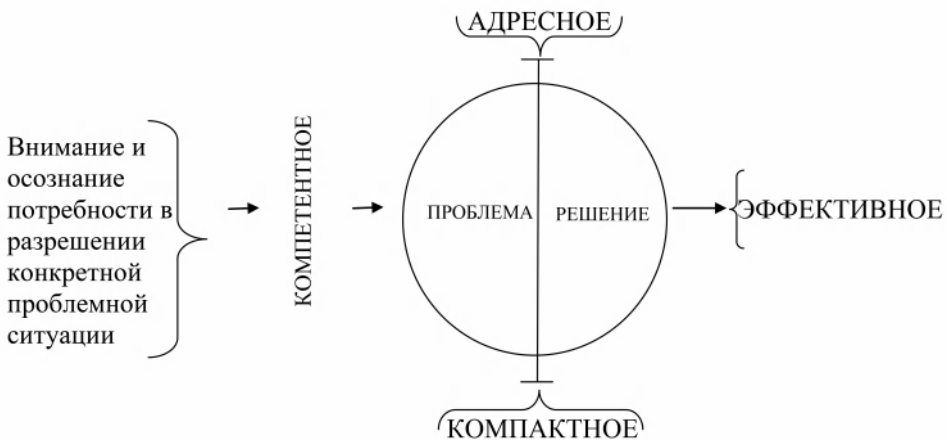

Рис. 2. Модель идеи в обществе

Когда все эти условия соблюдены, можно говорить о компетенции автора. Компетенция не возникает у любого автора сразу как некое озарение. Все озарения являются результатом практики многократного воспроизводства других, изначально более простых идей [4].

Общий вывод по проблеме регистрации идей как объектов интеллектуальной собственности сводится к тому, что реальной потребности в обществе для этого нет. Любая идея изначально может быть изложена автором на носителе и зафиксирована как объект авторского права, т.е. как произведение науки, литературы и искусства. Основная проблема здесь сводится исключительно к компетенции самих авторов, не знающих законодательства и соответственно не осознавших своих возможностей в регистрации. И проблема в компетенции тех, кто плохо представляет сам механизм подобной регистрации, требующий структурирования объекта регистрации.

Библиография

1. *Леонтьев Б. Б.* Введение в теорию обновления общества. — М.: РИНФО, 1999. — 122 с.
2. *Леонтьев Б. Б.* Современная теория идей: методологические основы инновационной экономики. Ч. I. — М.: ИНИЦ «Патент», 2010. — 341 с.
3. *Леонтьев Б. Б., Леонтьева В. Б.* Интеллектуальная природа. Системное мышление. Интеллектология. Идеология. — М.: РИНФО, 2019. — 518 с.
4. *Птушенко А. В.* Правоведение для юристов. Общая теория права: учебник для юридических вузов. — М.: РИНФО, 2012. — 726 с.

*А. И. Москаленко,
Российская государственная академия
интеллектуальной собственности, соискатель
(г. Москва, frariscino@yandex.ru)*

Понятие и принципы регистрации объектов авторского права в условиях цифровизации

В условиях цифровизации необходимость эффективной правовой защиты и охраны авторских и смежных прав становится все более актуальной. В статье анализируются понятие и основные принципы регистрации результатов интеллектуальной деятельности. Приведены примеры из практики регистрации с помощью сервисов Всемирной организации интеллектуальной собственности, а также Библиотеки Конгресса США.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, регистрация, депонирование, блокчейн, гражданское право, цифровизация.

Модернизация российского гражданского права происходит путем внесения изменений и дополнений в Гражданский кодекс Российской Федерации (далее — ГК РФ)¹, другие нормативные правовые акты, в том числе в сфере интеллектуальной собственности. Несомненно, что уровень нормативного правового регулирования должен соответствовать реформируемым отношениям, что подразумевает формирование в современной России новой регуляторной среды, обеспечивающей благоприятный правовой режим регистрации интеллектуальной собственности в условиях цифровизации большинства сфер жизни общества.

Фактором, влияющим на распространение произведений, является ускоряющееся развитие коммуникационных технологий. Появление

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвертая от 18.12.2006 // Парламентская газета. — 2006. — № 214–215.

компьютерных сетей, представляющих собой универсальный способ соединения потенциально не ограниченного числа абонентов-потребителей, неконтролируемые информационные потоки, циркулирующие в таких сетях, — все это делает положение правообладателей весьма уязвимым.

Представляется, что регистрация интеллектуальной собственности может быть как государственной, так и негосударственной (частно-правовой).

Под государственной регистрацией результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации следует понимать осуществляемую (в цифровой или иной среде) уполномоченным органом процедуру с целью признания и подтверждения государством возникновения, изменения, обременения и прекращения прав, завершающуюся принятием решения о наличии или отсутствии оснований для внесения соответствующих записей в государственный реестр и публикации сведений в официальных изданиях.

Негосударственная (частноправовая) регистрация не предполагает обращения в уполномоченный государственный орган и может осуществляться юридическими лицами различных организационно-правовых форм, в том числе с использованием технологии блокчейн.

В настоящее время все больше участников рынка интернет-услуг понимают необходимость использования негосударственных мер регулирования гражданского оборота, в том числе онлайн. Некоторые ученые, например М. М. Панарина, считают, что «возможность использования негосударственных способов при защите прав правообладателя является оптимальной мерой, когда участники оборота сами предлагают разрешить сложившийся правовой конфликт, урегулировать вопрос своим сообществом» [3].

Не случайно генеральный директор Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС) Дарен Танг в своих выступлениях неоднократно подчеркивал необходимость внедрения передовых технологий в сферу интеллектуальной собственности, указывая на то, что технологические решения на базе блокчейна могут стать очень полезными для всей отрасли, а также помогут ей динамичнее развиваться¹. ВОИС активно развивает свои услуги и сервисы в сфере регистрации интеллектуальной собственности. Так, в 2020 г. начал функционировать сервис WIPO PROOF — цифровая услуга, позволя-

¹ Официальный сайт Всемирной организации интеллектуальной собственности. URL: <http://wipo.int> (дата обращения: 10.03.2021).

ющая получить цифровой отпечаток файла, содержащего результат интеллектуальной деятельности, с целью его сохранности. Тем самым обеспечиваются надежные цифровые доказательства интеллектуальных активов.

Что касается национального законодательства, то весьма интересным в данном отношении является опыт правового регулирования авторских прав в США, где устойчиво сформировавшаяся система правовых норм и действенный механизм регулирования авторских прав наряду с обширной судебной практикой, непосредственно выступающей в качестве источника права, создают эффективные меры для защиты авторских прав. Одной из устоявшихся и широко применяемых мер является регистрация авторских прав в Библиотеке Конгресса США с последующей процедурой депонирования. Объекты авторских и смежных прав регистрируются в Бюро по авторским и смежным правам — структурном подразделении Библиотеки Конгресса США. Заявка подается через онлайн-портал, где рассматриваются и проверяются сведения об авторах и правообладателях. По окончании рассмотрения выдается свидетельство государственного образца, объект вносится в реестр, а у автора или правообладателя возникает обязанность депонировать объект.

Важно отметить, что неограниченное распространение информации приводит к сложностям в регулировании интернета, в связи с чем в настоящий момент обострилась проблема охраны интеллектуальных прав [4]. Перед обществом и правом стоит задача выработки правовых механизмов, способных обеспечить достойную охрану и защиту результатов интеллектуального труда и его распространения.

В условиях распространения цифровой среды на правоотношения, связанные с результатами интеллектуальной деятельности, выделяются специальные принципы регистрации результатов этой деятельности.

К данным принципам можно отнести:

1) *Публичность*: регистрация результатов интеллектуальной деятельности в реестрах (в частности, в сети Интернет) может происходить открыто, и сам факт открытости информации способен стать дополнительной гарантией охраны интеллектуальной собственности.

2) *Достоверность*: внесенные в реестр (основанные на технологии блокчейн) сведения не могут быть заменены, сфальсифицированы; невозможна подмена специальных технологических цепочек. Принцип достоверности для регистрации прав на недвижимое имущество основан на презумпциях существования зарегистрированного права и отсутствия незарегистрированного права.

3) *Профильность реестров*: ввиду различной природы и неоднородного характера результатов интеллектуальной деятельности, а также средств индивидуализации в отношении объектов интеллектуальных прав единый государственный реестр отсутствует.

4) *Одновременность действия правовых режимов*: один и тот же результат интеллектуальной деятельности может охраняться с использованием различных правовых режимов (например, как товарный знак и как промышленный образец), и соответственно предоставление правовой охраны будет отражаться в различных реестрах.

Вместе с тем участие государства в лице уполномоченных органов исполнительной власти, даже в случае добровольного принятия заинтересованными субъектами правил поведения и ответственности в сфере интеллектуальной собственности, неизбежно.

В настоящее время идет обсуждение вопроса о создании Инфокоммуникационного кодекса, который должен заменить федеральные законы о связи и информации на базе Медиакоммуникационного союза — отраслевой организации операторов связи, правообладателей и вещателей¹.

Ожидается, что Инфокоммуникационный кодекс установит правовой статус информации как контента, регламентирует содержание объектов интеллектуальных прав, разъяснит вопросы защиты информации, работу информационных посредников, «выведет из тени» работу мессенджеров, определив их правовой статус и порядок лицензирования [1].

Можно также отметить попытки постепенного перехода современных участников гражданского оборота результатов интеллектуальной деятельности к негосударственным способам регулирования отношений в интернете [2].

Это особенно актуально в условиях функционирования социальных сетей. Регистрируясь в той или иной социальной сети, пользователь вынужден подтверждать (путем подписания в электронном виде договора присоединения) свое согласие на возможное использование его интеллектуальной собственности не только в его (автора) интересах в силу специфичности пользовательских соглашений многих социальных сетей, но и в интересах самой социальной сети, третьих лиц. Основными субъектами правоотношений, возникающих в социальной сети, являются разработчики социальной сети, пользователи и непосредственно правообладатели информации. В связи с этим возникает боль-

¹ См., например: URL: <https://pravo.ru/review/view/147324/>.

шое количество неоднозначных проблем, требующих определенного подхода. В первую очередь речь идет о значительных нарушениях прав авторов произведений путем незаконного распространения их авторского контента в связи с отсутствием должной регламентации в ГК РФ¹ прав интеллектуальной собственности в сети Интернет, в том числе в социальных сетях. Безусловно, возникает проблема ответственности за такие правонарушения — закрытие социальных сетей, блокировка пользователей-правонарушителей и многое другое.

Библиография

1. Абсолютное саморегулирование: в России подписан меморандум о борьбе с пиратством [Электронный ресурс]. URL: <https://politexpert.net/127293-absolyutnoe-samoregulirovanie-v-rossii-podpisan-memorandum-o-borbe-s-piratstvom>.
2. Демин М. Союз «МКС»: Мы хотим вернуть понятию «кодекс» его первоначальный смысл — «свод законов» [Электронный ресурс]. URL: http://np-mks.com/news/mikhail-demin-soyuz-mks-my-khotim-vemutponyatiyu-kodeks-ego-pervonachalnyy-smysl-svod-zakonov/?sphrase_id=2804.
3. Панарина М. М. Борьба с нелегальным контентом в России: основные методы фильтрации контента и практика рассмотрения споров о принятии обеспечительных мер по блокировке интернет-ресурсов // Пермский юридический альманах. Ежегодный научный журнал. — Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2019. — С. 203–204.
4. Чигирева И. А. Охрана объектов авторского права в сети Интернет // Приоритетные научные направления: от теории к практике. — 2015. — № 15. — С. 142.

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW40&n=2008508rflid=134&dst=1000000001,0&rnd=0.8229852420912279#0> (дата обращения: 05.11.2020).

*Ю. М. Боднарук,
аспирантка Российской государственной академии
интеллектуальной собственности
(г. Москва, jbodnaruk@rambler.ru)*

Возможность охраны программы для электронно-вычислительной машины (ее составных частей) патентным правом

Исследована фактическая возможность правообладателей программ для электронно-вычислительных машин воспользоваться средствами правовой охраны, предусмотренными законодательством для объектов патентного права. Автор рассматривает сложившуюся практику и делает выводы, какие именно составные части программ для электронно-вычислительных машин, исходя из дефиниции ст. 1261 Гражданского кодекса Российской Федерации, могут быть запатентованы и на каком основании. Поднимается проблема, связанная с заблуждением добросовестных участников гражданского оборота, которое возникает вследствие неопределенности норм гражданского законодательства относительно имеющейся возможности охраны патентным правом программного обеспечения.

Ключевые слова: программа для ЭВМ, программное обеспечение, патент, патентное право, авторское право.

Ядро цифровой экономики составляют технологии, ценность которых заключается в программном обеспечении. И если до конца XX в. функциональность большинства инновационных продуктов, особенно тех, которые опираются на полупроводники, была связана с внедрением технологий в аппаратное обеспечение, что не вызывало никаких сомнений в их патентоспособности, то сегодня внедрение все более сложных полупроводниковых технологий и инструментов проектиро-

вания происходит в отрыве от физических объектов, которые больше не являются единственной основой инноваций. Другими словами, техническая функциональность постепенно переходит от аппаратного обеспечения к программному. При этом, несмотря на устоявшуюся тенденцию, во многих юрисдикциях изобретения, связанные с программным обеспечением, либо не подпадают под патентную охрану, либо имеют очень ограниченный объем охраны [3].

Правовая охрана компьютерных программ в Российской Федерации (далее — РФ), как и в других странах мира, обеспечивается по аналогии с охраной, предоставляемой литературным произведениям по смыслу Бернской конвенции об охране литературных и художественных произведений¹. Охрана авторским правом предоставляется в силу самого факта создания программы для электронно-вычислительных машин (далее — ЭВМ) без каких-либо дополнительных формальностей и регистрации, причем она распространяется на любой элемент компьютерной программы, указанный в ст. 1261 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ): исходный текст, объектный код, подготовительные материалы и аудиовизуальные отображения. Отдельно необходимо отметить, что ни функциональность компьютерной программы, ни язык программирования, ни формат файлов данных, используемых в компьютерной программе для выполнения заданных функций, не являются формой выражения этой программы и поэтому авторским правом не охраняются.

Исходный код программы представляет собой текст программы, написанный на одном из языков программирования и доступный для восприятия человеком, знакомым с соответствующим языком программирования. Именно по этой причине в целях получения правовой охраны компьютерная программа приравнивается к литературным произведениям. Объектный код программы является вторичным по отношению к исходному и компилируется не человеком, а программирующей системой, представлен в виде нулей и единиц и понятен только процессору (ЭВМ), который воспроизводит программу при ее запуске и использовании.

Ценность имеет именно исходный код компьютерной программы, поскольку владение исходным кодом позволяет осуществлять внесение изменений в нее, а также последующее преобразование в объектный код. Коммерческое распространение компьютерной программы про-

¹ Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений от 09.09.1886 (ред. от 28.09.1979) // Бюллетень международных договоров. — 2003. — № 9.

изводится исключительно в виде объектного кода, обычно в форме дистрибутива, являющегося набором файлов для установки на компьютер. Именно поэтому исходный код компьютерной программы не передается правообладателем лицензиатам и обычно охраняется в режиме коммерческой тайны. Имея доступ только к дистрибутивам, лицензиат не может декомпилировать и расшифровать исходный код. В тех случаях, когда лицензиату все-таки передается исходный код, в лицензионный договор обычно вносится условие о сохранении его в тайне.

Кроме того, программа для ЭВМ включает в себя подготовительные материалы, полученные в ходе ее разработки, а также порождаемые ею аудиовизуальные отображения, при этом в законе не уточняется, что именно подразумевается под некими подготовительными материалами. Представляется возможным согласиться с точкой зрения С. П. Гришаева [1], который считает, что создание любой программы возможно только на базе соответствующего математического обеспечения, включающего два элемента: постановку задачи и алгоритм ее решения. При создании программы этапу программирования, т.е. написанию текста программы на выбранном языке, всегда предшествуют этапы технологической постановки задачи, логического проектирования, алгоритмизации прикладной системы и т.д. Программа ЭВМ охватывает не только саму совокупность команд, записанную на том или ином языке программирования, но и алгоритм, на основе которого она составляется, а также весь описательный и пояснительный материал, который может быть представлен на любом языке человеческого общения. Такие материалы и должны признаваться подготовительными исходя из логики и здравого смысла. Но если принять данный факт за аксиому, то неизбежно возникает коллизия правовых норм: с одной стороны, согласно п. 5 ст. 1259 ГК РФ на идеи и алгоритмы авторские права не распространяются, с другой стороны, по ст. 1261 ГК РФ авторское право на программу для ЭВМ распространяется, в том числе на подготовительные материалы к такой программе. Соответственно, налицо ситуация, которая требует уточнения правовой нормы законодателем применительно к перечню потенциальных дополнительных материалов к программе для ЭВМ с целью устранения имеющейся коллизии. Очевидно, что в этом случае охраняется не идея, заложенная в алгоритм, а конкретная реализация этого алгоритма в виде последовательности операций и действий над ними. Чтобы убедиться в этом, достаточно ответить на следующий вопрос: можно ли отделять от самой программы подготовительные

материалы и аудиовизуальные отображения, порождаемые программой, и предоставлять им отдельную правовую охрану? И если да, то какого рода?

Опираясь на рассмотренную выше норму п. 5 ст. 1259 ГК РФ, можно однозначно утверждать, что авторские права не распространяются на идеи, концепции, принципы, лежащие в основе программы для ЭВМ или какого-либо их элемента, в том числе на идеи и принципы организации интерфейса (взаимодействие программы и самого компьютера) и алгоритма (математическое обеспечение программы), а также языки программирования. Но значит ли это, что нельзя получить правовую охрану для таких объектов интеллектуальной собственности другим способом?

Разработчики программного обеспечения, вложившие значительные силы в создание и коммерциализацию программного продукта и ищущие более надежную защиту, чем та, которая предоставляется авторским правом, идут по другому пути. Во-первых, признавая невозможность получения охраны алгоритма посредством авторского права, они выбирают в качестве дополнительного способа охраны программного обеспечения в тех случаях, когда это возможно, патентование алгоритма. Эта ситуация характерна как для РФ, так и для стран Европы.

Так, например, ст. 52 («Патентоспособные изобретения») Европейской патентной конвенции¹ исключает патентоспособность программного обеспечения в той мере, в какой патентная заявка относится к компьютерной программе как таковой. Однако следует проводить различие между патентом на программное обеспечение и так называемыми компьютерными изобретениями, заявки на патентование которых подаются в Европейское патентное ведомство. Патент может быть предоставлен изобретению, реализованному через компьютер (computer-implemented invention), которое возможно определить как изобретение, функционирующее с помощью компьютера, компьютерной сети или другого программируемого устройства и имеющее одну или несколько функций, реализуемых с помощью компьютерной программы. Если последняя предназначена для управления аппаратным устройством (является составной частью программно-аппаратного комплекса), удовлетворяет требованиям технического характера

¹ Конвенция о выдаче европейских патентов (Европейская патентная конвенция) от 05.10.1973, с поправками от 17.12.1991, 29.11.2001 [Электронный ресурс]. URL: https://rospatent.gov.ru/content/uploadfiles/exhibition_corr_ormatted.pdf / (дата обращения: 25.03.2021).

и изобретательского уровня, а также является новой и нераскрытой, она может получить патентную охрану на национальном, региональном или международном уровне.

Практически оценить патентоспособность алгоритма можно с помощью следующих минимальных критериев:

1. *Алгоритм должен решать техническую задачу, содержать способ ее решения.*
2. *Алгоритм должен реализовывать в рамках решения технической задачи полезный эффект (технический результат).*

В качестве примера можно привести общество с ограниченной ответственностью «Яндекс», которое получило патент № 2580428 на систему и способ определения режима работы светофоров на основе информации, получаемой с навигационных устройств, при этом техническим результатом изобретения является обеспечение возможности определения режима работы светофора на основе информации о характеристиках передвижения навигационного устройства¹. В свою очередь, алгоритм, который не решает технической задачи и/или не имеет полезного эффекта, непатентоспособен: так, не считается технической задачей реализация обычной деятельности при помощи компьютера, например, расчет налогов или проведение электронных аукционов.

Аудиовизуальные отображения, порождаемые программой (классический пример — компьютерная игра), следует рассматривать отлично от вводимого ст. 1263 ГК РФ объекта авторского права — аудиовизуального произведения. Согласно ст. 1263 ГК РФ, аудиовизуальные произведения включают кинематографические произведения, а также все произведения, выраженные средствами, аналогичными кинематографическим, авторами которых являются режиссер-постановщик, автор сценария и композитор. Очевидно, что описываемая норма не имеет отношения к компьютерным программам и их элементам. Аудиовизуальным отображением, которое также иногда называют нелитеральным компонентом программы, можно считать некую последовательность изображений и/или звуков, сопровождающих организационную структуру компьютерной программы путем их вывода на экран монитора пользователя.

Отдельные производители программного обеспечения патентуют также и интерфейс, который в зависимости от своего предназначения может рассматриваться как:

¹ URL: <http://www.freepatent.ru/patents/2580428//> (дата обращения: 05.11.2020).

- логический способ взаимодействия пользователя с компьютерной системой;
- графическое представление — картинка.

Если под интерфейсом подразумевать именно способ взаимодействия пользователя с компьютерной системой, то такой интерфейс можно запатентовать как изобретение, касающееся алгоритма взаимодействия, т.е. систему перехода пользователя от одного экрана или логического блока к другому, а интерфейс как графическое изображение может быть запатентован в качестве промышленного образца. Устойчивое понимание промышленного образца как внешнего вида изделия распространяется также на взаимосвязанное расположение элементов на экране устройства. Кроме этого, графический интерфейс может быть также оформлен как способ показа, способ отображения информации на экране или способ обработки изображения. Патент при этом можно получить как на шрифт и иконки, так и непосредственно на сам интерфейс. Примером здесь можно назвать патент на промышленный образец компании Microsoft RU101777: «Интерфейс графический пользователя»¹.

Долгое время сама возможность получения патентов в области программного обеспечения критиковалась, а их получение считалось невозможным, так как, по мнению программистов, в основе любого алгоритма лежит объективный закон логики, мышления или закон математики, а поскольку некая логическая схема уже существовала ранее, запатентовать какую-либо технологию на ее основе невозможно, ведь, по сути, никакого нового изобретения не представлено [2].

Кроме этого, такого рода патенты критикуют за абстрактность также те специалисты, которые непосредственно осуществляют патентование, поскольку обычно изобретение, представляющее собой решение какой-либо технической задачи, должно иметь некий материальный результат, а в случае патента на так называемый софтверный алгоритм единственным последствием станет изменение принципа работы компьютера.

С учетом перечисленных проблем можно порекомендовать лицам, желающим подать заявку на IT-патент, решить предварительно две задачи: попасть в «изобретательский уровень», т.е. найти незанятую нишу в сфере информационных технологий, и предложить решение, которое нигде не встречается — ни в патентах, ни в публикациях, ни в каких-

¹ Сайт ФИПС [Электронный ресурс]. URL: https://www1.fips.ru/registers-doc-view/fips_servlet (дата обращения: 29.03.2021).

либо доступных решениях, продемонстрировав при этом ожидаемый материально-технический результат. Таким результатом может быть устранение лишнего этапа в каком-либо процессе, снижение энергозатрат, повышение качества, надежности, точности работы устройства.

Патенты широко используются крупнейшими IT-компаниями (прежде всего потому что патентная охрана требует значительных затрат), в том числе зарубежными, которые имеют представительства в России. Объекты охраны, как правило, связаны с обработкой и выводом поисковых запросов. Например, это может быть система и способ выполнения поиска, способы сортировки и обработки поисковых запросов, рекламные системы и способы показа объявлений, способ автоматического перевода текстов. В частности, «Яндекс» запатентовал сервер для определения поисковой выдачи на поисковый запрос и электронное устройство (патент RU 2583739, дата подачи заявки 16.10.2013)¹. В качестве ожидаемого технического результата указано повышение точности (релевантности для пользователя) выдаваемых результатов поиска и скорости поиска пользователем интересующей информации.

Корпорация Google при помощи патента охраняет свой способ обработки поискового запроса: он обрабатывается не только с учетом данных о поисковой активности других пользователей, но и сведений о самом пользователе-клиенте (патент RU 2546308, 2010 г.)².

В целом при рассмотрении патентов в области информационных технологий показательно выглядит распределение патентных заявок в России и США по категориям (по данным WIPO). Абсолютное количество заявок в США на порядок превышает цифры по России. При этом для США информационные технологии занимают первое место, а для России — даже не числятся в списке приоритетных. Представляется, что низкая активность IT-компаний во многом обусловлена недостаточно развитой правовой средой и отсутствием четких и понятных формулировок в той части российского законодательства, которая рассмотрена выше.

Несмотря на то что по общему правилу правовая охрана программ для ЭВМ предоставляется в рамках авторского права, и они охраняются как литературные произведения, в некоторых случаях

¹ Поисковая система «ЯндексПатенты» [Электронный ресурс]. URL: https://yandex.ru/patents/doc/RU2583739C2_20160510 (дата обращения: 02.04.2021).

² Интернет-ресурс патентного поиска в РФ. URL: <https://findpatent.ru/patent/254/2546308.html> (дата обращения: 02.04.2021).

существует возможность получить правовую охрану для отдельных составляющих программы для ЭВМ посредством норм патентного права: в частности, патент на изобретение для подготовительных материалов, при условии что такие материалы представляют собой алгоритм решения определенной технической задачи, которым достигается некий полезный эффект (технический результат). Интерфейс системы может быть также запатентован в качестве изобретения, а если будет принято решение о его патентовании в качестве графического изображения, то как промышленный образец. Таким же способом можно получить патент на шрифт и иконки интерфейса.

С учетом сказанного в условиях цифровой экономики представляется необходимым внести изменения в раздел VII ГК РФ, которые уточняли бы способы правовой охраны программ для ЭВМ, с тем чтобы не вводить в заблуждение заинтересованных лиц, обычно не обладающих глубокими правовыми знаниями, и не возлагать на них дополнительные издержки за «эксклюзивное патентование». В качестве примера подобной нормы права можно привести Закон о патентах Японии (ст. 2(3)(i))¹, в котором прямо говорится о том, что компьютерная программа считается патентоспособным объектом. В ст. 2.2. (2) Руководства по экспертизе патента Японского патентного ведомства² уточняется, что право на получение патента имеют те заявки на изобретение, связанные с программным обеспечением, которые наглядно демонстрируют, что программные и аппаратные ресурсы работают совместно (information processing by the software is concretely realized by using hardware resources). Так, изобретение с использованием компьютерного программного обеспечения патентоспособно в том случае, если оно очевидно позволяет:

- 1) осуществлять управление аппаратным устройством (например, рисоваркой, стиральной машиной, двигателем, жестким диском, аппаратом для проведения химической реакции, усилителем нуклеиновых кислот);
- 2) выполнять обработку информации, основанную на технических свойствах объекта — физических, химических, биологических или электрических (например, скорость вращения двигателя,

¹ Japan Patent Act No. 121 of April 13, 1959 (Amendment of Act No. 55 of 2015). URL: <http://www.japaneselawtranslation.go.jp/law/detail/?ft=1&re=2&dn=1&x=0&y=0&co=01&ia=03&ja=04&ky=patent+law&page=33> (дата обращения: 31.03.2021).

² Examination Guidelines for Patent and Utility Model in Japan (Provisional Translation) will be effective on and after October 1, 2015. URL: https://www.jpo.go.jp/e/system/laws/rule/guideline/patent/tukujitu_kijun/document/index/all_e.pdf (дата обращения: 29.03.2021).

связь между последовательностью генов и экспрессией признака в живом организме).

По мнению автора, законодатель, проводя различие между изобретениями, реализованными в аппаратных средствах, которые являются патентоспособными, и изобретениями, реализованными в программном обеспечении, затрудняет создателю компьютерной программы, являющейся изобретением, получение ее эффективной защиты. Так, программный продукт может реализовывать процесс, состоящий из ряда шагов по решению технической проблемы только с использованием программного обеспечения. Например, системный инженер, который изобретает новый способ балансировки нагрузки в сети компьютеров (определяя, какой компьютер будет выполнять какую задачу), может реализовать изобретение полностью в программном обеспечении.

Таким образом, четкая формулировка правил патентования ИТ-решений (являющегося для многих создателей компьютерных программ более предпочтительным, нежели авторско-правая охрана программ для ЭВМ) однозначно способствовала бы развитию инноваций, обеспечивая возможность адекватной правовой охраны и защиты промышленной собственности.

Библиография

1. *Гришаев С. П.* Программы для ЭВМ по новому законодательству РФ // Подготовлено для СПС «КонсультантПлюс», 2007.
2. *Зиновина В.* Трудности патентования ПО: для ИТ-решения нужен материальный результат [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/news/1130978/> (дата обращения: 13.11.2019).
3. *Jedrusic, A.* Patent protection for software-implemented inventions, February 2017 [Электронный ресурс]. URL: https://www.wipo.int/wipo_magazine/en/2017/01/article_0002.html (дата обращения: 09.02.2021).

SUMMARY

RUSSIAN ECONOMY: STATE AND DEVELOPMENT PROSPECTS

O. A. Pyataeva,

*Ph.D in Economics, Head of Department
in Russian state academy of intellectual property*

Analysis of the status of technology transfer to the Russian Federation

It seems that the state of technology transfer (TT) in a country (particularly in the Russian Federation) can be assessed primarily in the context of: a) the development of TT institutions and the state of its infrastructure, b) the efficiency of TT entities. An article discusses the main TT indicators included in official statistical documents and draws conclusions about the feasibility of measuring TT using available indicators. In article there're also presented the results of monitoring of innovation infrastructure (2020) and interpreted the results obtained.

Key words: technology transfer, TT, innovation strategy, Rospatent, patenting, innovation activity.

Y. V. Dvoryankina,

*the intellectual property expert, ORPE «Technologiya» named
after A. G. Romashin, Patent attorney*

Current problems of intellectual property management in the implementation of international industrial cooperation on the basis of intellectual property as a tool of modernization of national economy

In this article there are reflected the economic aspects of economic activity of the country with the use of intellectual resources. The relevance of the article is connected with the necessity of integration of Russia into the world community, of modernization of domestic enterprises and improves the efficiency of their foreign trade activities through the active use of innovative technologies and intellectual property.

Key words: international industrial cooperation, intellectual property, innovative technologies, modernization, competitiveness, license agreement, patent monopoly, know-how, patent, patentee.

INDUSTRIAL PROPERTY

D. K. Pichugina,
legal adviser of the 2nd category
of the Federal Institute of Intellectual Property

Features of the legal regulation of geographical indications under Russian civil law

The article examines the issues of civil law regulation of institutions of geographical indications and appellations of origin under the legislation of the Russian Federation. The author identifies the main features of these means of individualization and based on them, a comparative analysis of the requirements that a designation must meet to provide it with legal protection as a geographical indication and as an appellation of origin.

Key words: geographical indication, appellation of origin, means of individualization.

I. I. Istomin,
Head of Design Department,
A. Zalesov & Partners Patent & Law Firm

Is there a global patent protection system?

For some intellectual property, there are global protection systems such as the Hague System, the Madrid System, etc. According to WIPO, the popularity of such global protection systems is growing every year. The article analyzes the existing systems of global protection and raises the question: is there a global system of protection for such an object as an invention?

Key words: Patent Cooperation Treaty, PCT, global patent system.

JUDICIAL PRACTICE

S. N. Gavryushkin,
managing partner of the law firm «Gavryushkin and partners», mediator,
member of the Assembly of deputies of the Miass city district

How to defend your exclusive rights for the future

The greatest interest in industrial property is caused by ways to protect exclusive rights from encroachments by third parties. Each of the options proposed by the legislator has its own characteristics. In this case, the method of protection must correspond to the nature of the violation.

In this article, the author will elaborate on the most controversial in its practical application of the method of protection — the claim

about suppression of actions infringing the right or creating a threat of its violation, the person committing such actions or performing necessary preparations for them, as well as analyze the cases in which the presentation of the requirements most effectively.

Key words: intellectual property; methods of protection; violation of exclusive rights; prohibition of actions; threat of violation of rights; objects of intellectual property.

COPYRIGHT

T. T. Aliev,

*Doctor of Sciences (in Law), Professor,
Doctor of Law, Professor, Honorary Lawyer of Russia,
Acting Head of the Department of Copyright,
Related Rights and Private Law Disciplines,
Russian State Academy of Intellectual Property,
Professor of the Department of Civil and Criminal Law
and Procedure Sochi State University*

Contemporary art as an object of copyright: street art

The article raises the question of what street art is, and research the nature of this new art form is pouted. Problems explored the application of the institution of copyright to street works art, a distinction is made between legal and illegal works of street art.

Key words: street art; intellectual property right; copyright; piece of art; property right.

R. A. Akhobekova,

Dentons lawyer

The subject of legal protection of programs for electronic computers

This article examines the issue of the subject of legal protection of computer programs. The specificity of computer programs, which by their technical nature differ from works — classical objects of copyright — creates additional difficulties in determining the subject of their legal protection as an object of copyright. The author proposes some approaches to solving the issue under consideration.

Key words: intellectual property, copyright, computer programs, works, objects of copyright.

INTELLECTUAL PROPERTY AND INNOVATIVE DEVELOPMENT

E. G. Vorotilina,
*Aviation Holding Company Sukhoi,
intellectual property specialist*

Artificial Intelligence in the field of intellectual property

A scientific understanding of the current problems of legal regulation of public relations related to the provision of civil protection and the ownership of the rights to the results of the activities of carriers of artificial intelligence has been formulated. It is concluded that in the conditions of the rapid development of artificial intelligence technologies, modern ways of solving emerging issues are required, the balance of which at the legislative level will contribute to the innovative and economic development of the country.

Key words: artificial intelligence, digital technologies, law, intellectual property, WIPO, exclusive right, legal personality of artificial intelligence.

INTELLECTUAL PROPERTY MANAGEMENT

L. M. Voitova,
*Ph.D of Sociological Sciences,
Associate Professor of the department
of the Russian State Academy of Intellectual Property*

Digital transformation and innovation processes in music industry

The article deals with the impact of digital transformation on the processes in music industry, including new music management participants, functions, and trends.

Key words: Music industry, Intellectual activity results, Digital transformation, Management participants, Project manager, SMM producer, Account manager (Digital)

INTERNATIONAL LAW

A. A. Zalesova,

master of laws (LL. M. IP), trademark attorney and senior associate
as A. Zalesov & Partners Patent and Law Firm

Protection against indirect patent infringement: regulation of drug labeling in European Union law

In this article the specifics of labeling medical product in the European Union are considered in the context of patent infringement, including indirect patent infringement. There are provided arguments in defense of using skinny labeling on medicines and the peculiarities of its compilation in European countries. Moreover, the author analyzes the current EU court practice on this issue and shares the important conclusions.

Key words: patent, patent law, medical product labeling, “skinny labeling”, indirect patent infringement.

P. N. Biriukov,

Doctor of Sciences (in Law), Professor,
Head of the Department of International and Eurasian Law, Voronezh State University

New EU rules on copyright and related rights in the digital age

The article is devoted to the common European rules regarding rights in the digital space. The directives adopted by the European Union in the field of copyright and related rights provide a high level of protection for copyright holders and facilitate the registration of rights. They provide the basis for the lawful use of works and other protected objects. The author concludes that a harmonized legal framework contributes to the proper functioning of the internal market and stimulates innovation, creativity and the production of new content in the digital environment.

Key words: EU, EU member states, digitalization, copyright, related rights, satellite broadcasting, cable rebroadcasting, online services.

DISCUSSIONS

M. A. Konoplenko,

Senior Legal Adviser, Tsarev Znak LLC

Idea as an object of intellectual property

Ideas are not currently subject to intellectual property rights. On the one hand, this supports the normal functioning of the intellectual

law system. On the other hand, it does not allow the authors of ideas to obtain the desired legal protection. As a result, ideas are not implemented or are being implemented after a significant period of time after their creation, which slows down technical progress and the development of society as a whole. In this article, the author discusses a possible solution to this problem by extending some norms of intellectual law to ideas.

Key words: legal protection of ideas, intellectual rights, copyright for ideas, objects of intellectual property.

B. B. Leontiev,

*Doctor of Sciences (in Economics), Professor,
Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, MAGI,
Corresponding Member of the A. A. M. Prokhorova, WIPO expert,
WIPO expert, Skolkovo Foundation expert, NCPI expert of the Ministry of Justice
of the Russian Federation, forensic expert,
Director General of the Federal Institute
for Certification and Evaluation of Intellectual Property and Business*

How to capture ideas and develop your creativity

The article deals with the problem of registration of ideas as separate objects of intellectual property. The sufficiency of the copyright legislation in force in all countries of the world, which makes it possible to fix and register, if necessary, any ideas, has been substantiated, since the Berne Convention of 1886 makes it possible to prove the authorship of any ideas upon their creation or registration in the appropriate authorities.

Key words: ideas, objects of copyright, legislation on intellectual property, structure of ideas, purpose of ideas.

SCIENTIFIC SCHOOL

A. I. Moskalenko,

Russian State Academy of Intellectual Property, degree seeker

The concept and principles of intellectual property registration in the context of its digitalization

In modern society, the importance of registration of intellectual property is significantly increasing. In the context of digitalization, the need for effective legal protection and protection of copyright and related rights is becoming more and more urgent. In the article,

the author analyzes the concept and basic principles of registration of intellectual property. Examples from the practice of registration using the services of the World Intellectual Property Organization and the US Library of Congress are given.

Keywords: intellectual property, registration, escrow, blockchain, civil law, digitalization.

Y. M. Bodnaruk,

graduate student of the Russian State Academy of Intellectual Property

Possibility of protecting a program for an electronic computer (its components) by patent law

The paper analyzes the actual opportunity for copyright holders of a computer program to use the remedies provided for patent law objects. The author examines the current practice and draws conclusions which particular components of the computer program, based on the definition of Article 1261 of the Civil Code of the Russian Federation, can be patented and on what basis. The article raises the problem of the lack of understanding and sufficient information of bona fide participants in civil circulation about their ability to apply legal remedies in a patent way to a computer program.

Key words: computer program, software, patent, patent law, copyright.

ФГБОУ ВО РГАИС - образовательный центр Роспатента

Лицензия №2153 от 24.05.2016

Аккредитация №3311 от 13.01.2020

«Практикум - тренинг по составлению заявки на изобретения, полезные модели»

- Какое изобретение патентоспособно?
- Как составить заявку?
- Как составить формулы изобретения и полезных моделей?

В рамках программы **научим** Вас:
- оформлять и подавать заявку в Федеральную службу по интеллектуальной собственности через электронную систему подачи самостоятельно

Разберем:

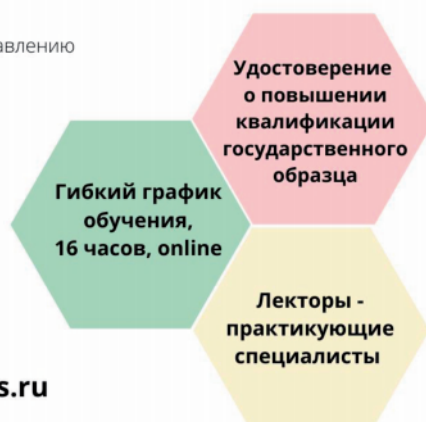
- ✓ 7 причин регистрации изобретения и полезной модели;
- ✓ структуру описания изобретения и полезной модели;
- ✓ типичные ошибки при составлении формул изобретений и полезных моделей.

Особенности курса:

- практические рекомендации и упражнения по составлению заявки на изобретение и полезную модель

www.dop.rgiis.ru

программа повышения квалификации
Практикум по вопросам трансфера технологий
(36 ак. часов)

- Как выстроить юридическую стратегию и тактику вывода продукта на цифровые рынки?
- Для чего нужен оборот инновационных продуктов в Интернете? Каковы особенности правового регулирования оборота инновационных продуктов в Интернете?
- Как обеспечить безопасность интеллектуальной собственности в цифровой среде?

Цель курса: подготовка специалистов к решению профессиональных задач в области трансфера технологий, коммерциализации результатов НИОКР

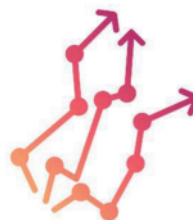
Слушатели узнают:

- основные понятия трансфера технологий;
- модели коммерциализации технологий, оригинальные подходы к выведению на рынок наукоемкой продукции;
- структуру инновационного цикла и инновационные режимы: «рыночная тяга» и «технологический старт»
- технологию или портфель технологий с использованием современных методов количественного и качественного анализа;
- стратегии и сценарии коммерциализации результатов НИОКР

- ✓ **практические кейсы**
- ✓ **удостоверение о повышении квалификации государственного образца**

5 дней
очно/
online

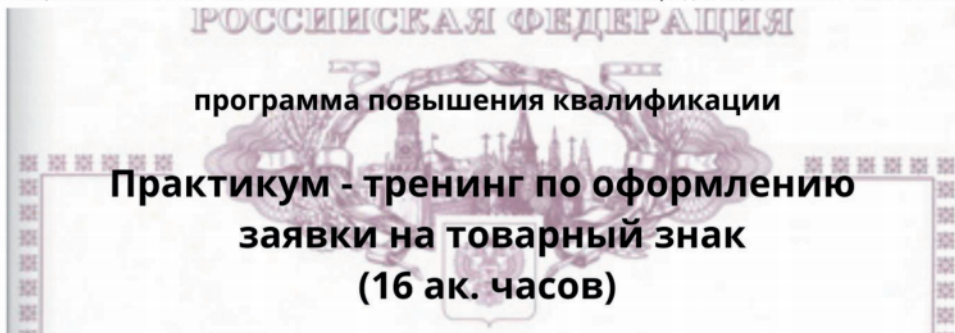

www.dop.rgiis.ru

ФГБОУ ВО РГАИС – образовательный центр Роспатента

Лицензия №2153 от 24.05. 2016

Аккредитация №3311 от 13.01.2020

- Что такое товарный знак?
- Как проверить заявленные обозначения на новизну?
- Как оформить товарный знак через интернет?
- Какие типичные ошибки допускают заявители при составлении заявок?

В рамках программы **научим** Вас:

- оформлять и подавать заявку в Федеральную службу по интеллектуальной собственности через электронную систему подачи самостоятельно

Разберем:

- 7 причин регистрации товарного знака;
- типичные ошибки при заполнении заявки;
- как увеличить стоимость компании и платить меньше налогов.

- практические кейсы
- удостоверение о повышении квалификации государственного образца

Бонус
пошаговое
руководство от
экспертов по
составлению заявки

2 дня
**очно/
online**

www.dop.rgiis.ru

программа повышения квалификации
**Коммерциализация результатов
интеллектуальной деятельности в
цифровой среде
(109 ак. часов)**

- Как выстроить юридическую стратегию и тактику вывода продукта на цифровые рынки?
- Каковы особенности правового регулирования оборота инновационных продуктов в интернете?
- Как обеспечить безопасность интеллектуальной собственности в цифровой среде?

о курсе:

2 недели
**очно/
online**

Цель курса: изучить юридические особенности создания и вывода на цифровой рынок технологий, брендов, онлайн-курсов и других результатов инновационной деятельности.

Курс сочетает практические и теоретические блоки, включает в себя интерактивные формы обучения, деловые игры и работу над собственным проектом.

Слушатели узнают:

- как оптимально выстроить работу с цифровыми платформами и цифровыми посредниками
- методы мониторинга за соблюдением интеллектуальных прав в интернете
- возможные варианты разрешения споров с использованием международных онлайн-инструментов

Удостоверение о повышении квалификации
государственного образца

www.dop.rgiis.ru

Выпускающий редактор *О. А. Флягина*
Редактор *Е. А. Качалова*
Корректор *Е. Р. Горшкова*
Компьютерная верстка *А. В. Плотников*

Подписано в печать 20.06.2021. Формат 70×100/16
Печать офсетная. Объем 10,75 п.л. Тираж 1000 экз.
Зак.

ООО «ТЕИС» 115407, Москва, Судостроительная ул., д. 59

Отпечатано в ФГУП Издательство «Наука»
(Типография «Наука»)
121099, Москва, Шубинский пер., 6